

43 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В СИБИРЬ, ЗА ПЕСНЯМИ!

С. ГРЕБЕННИКОВ
Н. ДОБРОНРАВОВ

В СИБИРЬ,

ЗА ПЕСНЯМИ!

*На Ангаре, у створа плотины будущей Усть-Илимской ГЭС
(слева направо): Н. Добронравов, В. Кохно, А. Пахмутова,
Ф. Юсфин, С. Гребенников, И. Кобзон.*

**С. ГРЕБЕННИКОВ
Н. ДОБРОНРАВОВ**

В СИБИРЬ, ЗА ПЕСНЯМИ!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1964

Где живет песня? В маленьком рулончике магнитофонной пленки? Или за пестрыми шторками радиоприемника? А может быть, ночами, когда улицы спят, она гуляет по крышам зданий под тонкими ветвями антенн?..

Не помним, когда именно, но наступил момент, и мы поняли: песня всегда в дороге. Она мчится на поездах и самолетах, на ходу садится в попутные машины, она строит новые города и поселки. Значит, чтобы встретиться с нею, надо закинуть рюкзак за плечи и выйти из дому навстречу ветрам, навстречу дальним дорогам. И все чаще в наших разговорах стали звучать неизвестные нам ранее слова: мыс Пурсей, Кежда, Тайшет, Бодайбо, Виллюй, Усть-Илим... Нет, они не были просто точками на карте нашего предполагаемого путешествия, они казались нам названиями незнакомых песен. Нам чудились бурные реки, неприметные тропы геологов, первые поваленные сосны на месте будущих городов и строек — словом, все то, о чем мы читали в книгах, но никогда не видели. Нам казалось: там, в походной палатке изыскателя или в тесной прорабской на стройке, а может быть, прямо на обрывистом скалистом берегу, среди буйных таежных цветов живет еще не услышанная нами песня — песня сегодняшнего дня. Мы должны увидеть ее, встретиться с нею! Удастся ли? Не знаем... Но вот билеты уже в кармане. И пусть вместо романтических, овечьих легендами рюкзаков у нас в руках обыкновенные гумовские чемоданы — мы едем в Сибирь, едем впервые в жизни. Едем на свидание к песне...

Короткая остановка в Иркутске. Первое «производственное совещание». Первый спор, как продолжать путешествие — поездом, самолетом или пароходом. Мы ратуем за самолет. Наши певцы — Иосиф Кобзон и Игорь Косарев — отдают предпочтение железнодорожному транспорту, а композиторы Александра Пахмутова и Юрий Чичков мечтают о путешествии на пароходе. В конце концов все решают плыть. Итак, наше первое свидание — с тобой, Ангара!..

СКАЗКА НАЧИНАЕТСЯ СРАЗУ

Пароход «Фридрих Энгельс» медленно отходит от иркутского причала. Вечереет. С реки тянет свежестью. Ангара темная, почти черная, какого-то мягкого бархатного цвета. Только ослепительно золотые блики от заходящего солнца разбросаны на ее матовой поверхности.

На палубе в одиночку и группами стоят люди. Тихо...

Откуда-то с кормы слышится похожий на неторопливое журчанье ручейка старческий голос. Мы подходим поближе. Облокотившись на перила, стоит старичок. Рядом с ним — двое девочек.

— Глядите, глядите, рыбища плеснула... А знаете какая? Таймень. Ростом в полпарохода... Эх, Ангара, Ангарочка, Ангарушка!.. Река-кудесница, река-колдунья!..

— Колдунья? — удивленно спросила одна из девочек.

— Колдунья; — утвердительно сказал старик. — Она ведь черте што с человеком сделать может!.. Захочет — тебя в рыбачку превратит. А тебя геологом сделает, а его, вон того парня кудлатого, возьмет и сделает большим начальником.

— Да как же это? — спросила другая девочка.

— На это у нее свои способности имеются: она ведь черте што может... Вот ты на Ангару, не отрываясь, глядишь, а почему?.. Да потому, что она уже свое дело с тобой сделала — заманила. А дальше еще не то будет!.. Она перед тобой возьмет да как бы случайно камни самоцветные рассыплет; ты — к ним, а она раз — петельку завернет, словно силок; ты в него сунулась, и всё — попалась!..

Дальше заманит она тебя другим фокусом: возьмет да на перепадах как зажурчит, а ты такой музыки и не слышала, и опять всё — опять попалась!.. Так и будешь за ней всю жизнь идти, потому что нет конца ее чудесам, ее богатствам сказочным...

Мы слушали старика. И все-таки казалось нам — преувеличивает дед, слишком много о чудесах рассказывает. А наутро вышли на палубу, оглянулись по сторонам и... не поверили своим глазам.

Сказка уже началась. Пароход шел... по лесу. Да, да, по лесу! Лавируя между деревьями, он шел усталой походкой путника, осторожно выбирающего дорогу среди берез и сосен, стоящих по пояс в реке.

Впечатление такое, словно деревья спустились с берега искупаться в прозрачной воде, и пароход, неожиданно появившийся из утреннего тумана, застал их обнаженными. Они стесняются выйти из воды и ждут, когда скроется пароход с пассажирами в новой полоске тумана. Местные жители уже привыкли к этим картинам, они не удивляются. Они знают: возле Братска плещется новое море. Уровень воды в Ангаре поднялся, и она затопила прибрежные деревни, леса и луга. Люди давно переселились в другие места, птицы улетели в глубь тайги, оставив на кроках деревьев пустые гнезда.

...Мы шли дальше и не переставали удивляться. Лес теперь плыл нам навстречу. Деревья, срубленные в уже затопленных местах, были беспорядочно разбросаны по поверхности Ангары. Издалека эти бревна казались спичками, словно какой-то неведомый великан, прикуривая, высыпал их из огромного коробка прямо в холодную ангарскую воду. Вот уже срубленные деревья покрыли почти всю поверхность реки, от берега до берега; и было похоже, что пароход, цепляясь лопастями колес за бревна, забрался на них и теперь плывет дальше на гигантском плоту.

В ночи на берегах горели костры. Эти недолговечные маяки подсказывали капитану новые места причалов, потому что старые пристани уже давно затоплены. С борта в прибрежные кусты сбрасывались сходни, и люди, покидавшие пароход, уходили по ним в черную таежную тишину.

С верхней палубы парохода всю ночь неслись звуки баяна. Девчонки, те самые девчонки, которых, как выразился старик, уже «околдовала Ангара», танцевали, танцевали почти до самого рассвета. А звезды, огромные сибирские звезды, заглядываясь на девчат, срывались с неба и падали, казалось, прямо на корму.

Начинало светать... Девчата танцевали самозабвенно, ничего не замечая вокруг. И так радостно было видеть их стройные фигурки на фоне ранней июльской зари! В ту же ночь в тесной каюте старого сибирского парохода мы написали стихи «Девчонки танцуют на палубе». На следующий день на импровизированном концерте в небольшом уютном салоне парохода мы прочли их немногочисленным зрителям. Здесь были ребята из судовой команды, пассажиры, а среди них те самые две девчонки — героини будущей песни. Девчата вместе со всеми слушали стихи. И нам было ясно, что они не приняли их на свой счет. Наверное, потому, что не они одни танцевали в ту ночь на палубе парохода почти до самого рассвета...

А спустя несколько месяцев, уже в Москве, Александра Пахмутова написала музыку на эти стихи, и вышла в свет первая песня нашего сибирского цикла. Но так как мелодии этой и других песен появились позднее стихов, мы и решили ноты всех песен поместить в конце книги, в том порядке, в котором напечатаны в ней стихи.

ДЕВЧОНКИ ТАНЦУЮТ НА ПАЛУБЕ

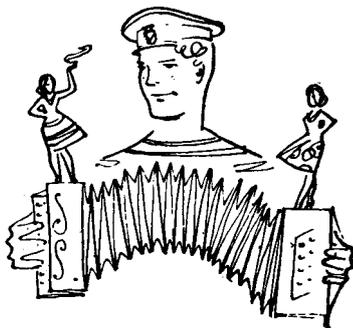
Чуть охрипший гудок парохода
Уплывает в таежную тьму...
Две девчонки танцуют, танцуют на палубе,
Звезды с неба летят на корму...
А река бежит, зовет куда-то...
Плывут сибирские девчата
Навстречу утренней заре
По Ангаре,
По Ангаре...

Верят девочки в трудное счастье,
Не спугнет их ни дождь, ни пурга,

Ведь не зря звезды под ноги падают, падают
И любитесь ими тайга...

Будут новые плыть пароходы,
Будут годы друг друга сменять,
Но всегда две девчонки, девчонки на палубе
Под баян будут вальс танцевать.

А река бежит, зовет куда-то...
Плывут сибирские девчата
Навстречу утренней заре
По Ангаре,
По Ангаре...

...Через год мы снова отправились в Сибирь. И «ТУ-104», поднявшийся вечером с Шереметьевского аэродрома, летел навстречу заре. Стремительно наступившая ночь так же стремительно уступала место рассвету. Заря радостно обнимала землю, мчащийся над ней самолет, она приветствовала людей, летевших на восток. Будут идти года, но всегда тот, кого позовет Сибирь, встретит на своем пути зарю, встретит ее, как свое утро, как свою молодость. Для некоторых молодость только наступает, некоторые встречаются с ней снова, но всегда самолеты, поезда, пароходы и люди — все те, кто держит путь в Сибирь, будут идти навстречу солнцу, навстречу утренней заре...

В КВАРТАЛАХ ГОРОДА СПРЯТАЛАСЬ ТАЙГА...

Иркутск, Ангарск, Братск, Усолье, Улан-Удэ — вот маршрут нашего первого путешествия по Сибири в 1962 году. Совсем неподалеку от старинного города Иркутска, в каких-нибудь двух часах езды от него, раскинулся Ангарск — город, от которого веет такой неистребимой молодостью, что приедем к нему он кажется совсем еще подростком, умным, красивым, может быть, влюбленным и очень счастливым от этого. Идешь по чистым зеленым улицам, видишь невысокие, уютные дома с изящными шпилями телевизионных антенн, и ощущение радости не покидает тебя.

Ангарск удивляет на каждом шагу. И огромным количеством школ и детских садов. И тем, что в кварталах города прячется настоящая тайга. Строители его, наверное, были очень хорошими людьми, влюбленными в сибирскую природу. Они не вырубали деревья «намертво», а почти в каждом квартале оставляли «кусочки» тайги. Им удалось сохранить неповторимую таежную красоту в самом облике города. Седые, много повидавшие на своем веку сосны смотрят, как окружают их каменные дома, и от удивления разводят тонкими зелеными руками. И только ночами, долгими зимними ночами поют они прямо в центре нового города свои древние песни, а откуда-то издали, с сопок и болот вторит им многоголосый могучий хор тайги...

Ангарчане берегут эти «кусочки» тайги в городе. Они сажают цветы (их здесь очень много), а рядом с клумбами, в парках, во дворах и даже на улицах растут таежные

сосны. Наверное, нельзя жить здесь и быть равнодушным к природе.

— Зимой или ранней весной мы уходим в тайгу на лыжах, — рассказывали нам в Ангарске. — Морозы у нас в Сибири переносятся легко. Когда погода безветренная, любая температура не страшна. Уходишь в лес, снег

блестит от ослепительного зимнего солнца, лыжня синяя-синяя, тишина, и только хрустит под ногами тонкая ледовая корочка. Частенько и на машинах за город выезжаем. Иной раз отъедешь несколько километров от города, а на дороге уже стоит любопытный полосатый бурундук да внимательно так разглядывает, что это за незваные гости в его родные места пожаловали? Раньше, бывало, когда только начинали стройку, и с мишкой повстречаться в тайге можно было, а сейчас редкий охотник медведя в наших краях выследит. Не нравится, видно, мишке городской шум, уходит он от нас подальше.

...Мы идем по Ангарску и думаем: именно такими и должны быть наши молодые сибирские города! Они должны вот так легко и просто вписываться в окружающую их природу, не вступать с ней в спор, а гармонически сочетаться, «монтироваться» с ее суровым ландшафтом.

В Ангарске многие улицы носят имена великих писателей и композиторов, это очень хорошо, и только у одной улицы мы не можем вспомнить ее официального названия. Это самая зеленая, самая тенистая улица города. В разговоре друг с другом ангарчане неизменно называли ее то улицей Влюбленных, то улицей Любви.

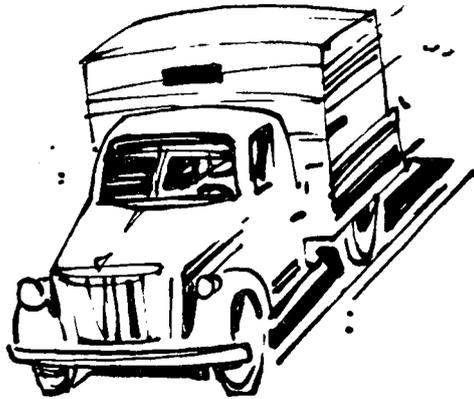
— Просто она самая красивая у нас, — оправдывались они.

А почему бы городским властям не рискнуть, да так оригинально и не назвать бы ее? Ведь Ангарск — город молодой, и улица Влюбленных, нам кажется, была бы ему очень к лицу.

Они все безукоризненно прямые, улицы Ангарска. Но одна из них все время извивается, поворачивает то вправо, то влево, словно проложена она по следам усталого, едва бредущего по земле человека. Оказывается, это частица того знаменитого тракта, по которому когда-то вели в Сибирь, в Александровский централ декабристов. Решили строители Ангарска оставить эту улицу такой, какой она была, как воспоминание о старой Сибири, наполненной кандалным звоном, чахнувшей на каторжных работах, чтобы люди никогда не забывали о тех, кто отдал свои сердца борьбе за свободу.

В причудливом сочетании могучей сибирской природы с легкими современными зданиями, в зримом материальном

ПЕСНЯ ОБ АНГАРСКЕ

утверждении нового, свято хранящего память о прошлом, — прелесть Ангарска. И кажется, темными зимними ночами бродит по улице своего имени Чайковский, и усталые декабристы, не обращая внимания на окрики угрюмых конвоиров, поют на коротких привалах протяжные русские песни, а утром, ранним утром по этим же улицам идут молодые ребята и девушки, идут на заводы и стройки, чтобы там своими руками писать новую историю огромного, величественного края — Сибири.

И кажется, на груди у города-подростка красуется новенький, только что врученный ему комсомольский значок.

Здесь зимой летает
Белая пурга,
А в кварталах города
Прячется тайга.

По-весеннему звонко и молодо
С каждым днем хорошеет и расти
Нашему славному городу
С комсомольским значком на груди!
Здесь простор ребятам,
Новых школ не счесть...
Ангарчата-школьники
Старожилы здесь.

По-весеннему звонко и молодо,
Как ребятам, расти и расти
Нашему славному городу
С комсомольским значком на груди!
Улицей Влюбленных
В городе своем
Самую красивую
Улицу зовем!

По-весеннему звонко и молодо
И влюбляться, и петь, и цвести
Нашему славному городу
С комсомольским значком на груди!
И мечту и счастье
Каждый здесь нашел,
Здесь поэму юности
Пишет комсомол.

По-весеннему звонко и молодо
В ногу с веком великим иди
Нашему славному городу
С комсомольским значком на груди!

БРАТСК

(Историческая справка)

Точная дата «рождения» Братска не установлена. Первые упоминания о нем относятся к началу XVII века (1611, 1625, 1631-й...). По данным летописи, землепроходцы, осваивая Сибирь, построили в начале XVII века на реке Ангаре, вблизи Падунских порогов первый острог, чем было положено начало деревне Падун.

В этом остроге в заключении два года находился предводитель русских раскольников писатель протопоп Аввакум.

Проходя по этапу в илимскую ссылку, несколько дней жил в остроге первый русский революционер-демократ А. Н. Радищев. К началу XIX века вокруг острога уже выросло крупное поселение, названное Братским.

В 1845 году недалеко от Братска был основан Николаевский железодобывающий завод, который к 1900 году стал входить в число первых десяти металлургических заводов царской России.

История борьбы за советскую власть в городе Братске и районе насчитывает немало имен народных героев. Здесь сражались с колчаковскими бандами партизанские отряды Н. А. Бурлова и Д. Е. Зверева.

В 1926 году был образован Братский район, который выделился из Тулунской волости.

С 1950 года, ко времени окончания строительства железной дороги Тайшет — Лена, начинается быстрое развитие лесной промышленности. В декабре 1954 года начались первые работы по сооружению Братской ГЭС.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1955 года был образован город Братск областного подчинения.

ГОРОД-ПОЭТ

Таков Братск согласно исторической справке.

Каким увидели Братск мы?

...Он красив. Широкие улицы. Кирпичные и блочные дома, деревянные коттеджи. Спуск к Братскому морю... Вид

с набережной поэффектнее, чем с Аю-Дага на Черное море. Таежные сосны, величественные, как сама Сибирь.

...Он огромен. Мы несколько раз считали, сколько же всего поселков объединяются словом «Братск», да так и не выяснили. Поселок Падун (Левый берег), поселок Энергетик (Новый город), поселок Гидростроителей (Правый берег), Осиновка, город Братск и ЛПК (Лесопромышленный комплекс), поселок Строителей, Анзеба, поселок Порожский и т. д.

Мы не знаем, есть ли тот самый коренной братчанин, который бы помнил наизусть все улицы, все поселки, мог бы легко и просто сориентироваться во всей этой непрерывно растущей громаде. Но что знаменательно: каждый из поселков считает себя главным Братском. Левый берег — потому что здесь все начиналось, здесь сейчас горсовет, гостиница, скромно названная турбазой, здесь на дачах, на берегу моря, останавливаются гости Братска.

Правый берег считает себя главным Братском в общем тоже не без основания: здесь живет основная масса гидростроителей, недаром же он так и называется — поселок Гидростроителей.

А уж ЛПК и подавно считает себя главным Братском. Со временем здесь действительно будет центр города с административными зданиями, гостиницей, театром. Значит, это и есть главный Братск — ведь ему принадлежит будущее!

...Он молод. В Братске все новое: новые кварталы, новые школы, новые клубы. Он весь строится. По возрасту, несмотря на многовековую историю, он мальчишка, подросток. По городу бегут грузовики, и на всех номера: «ИРА-67-13», «ИРЕ-21-90»... «ИРА», «ИРЕ», «ИРУ»... Слово не город, а какой-то веселый чудак ищет свою любимую — разослал во все стороны четырехколесных гонцов и умоляет: «ИРА! ИРА! Где ты? Отзовись! Я люблю тебя!»

Мальчишество, правда?

...Он работяга. Когда с мыса Пурсей взглянешь на панораму знаменитой, известной по сотням снимков Братской ГЭС, захватывает дух. Только поистине вдохновенным трудом можно было за такой короткий срок вымахать эту силу, эту красоту. Труд не прекращается ни на минуту. Гудят сирены двухконсольных кранов, тяжело дыша, поднимаются в гору огромные «МАЗы», разезают свои железные челюсти мощные экскаваторы. Когда строителям предложили перейти на обыкновенную рабочую неделю с днем отдыха в воскресенье, они не согласились. «Мы вошли в ритм работы, нам будет скучно. Мы и в воскресенье идем на стройку...»

...Он романтик. Однажды мы идем вечером, после выступления по улице. С нами вместе шагает молодой братчанин, говорит о концерте, о песнях, а потом вдруг конфиденциально сообщает:

— Есть у меня один друг... Стихи пишет... Только вот не знаю я, не могу ему ответить точно, хороши ли они...

И парень читает стихи, одно стихотворение за другим, читает залпом, вздохом. И мы начинаем понимать: он сам пишет стихи. Так читают только свое собственное, выстраданное, а друга своего он выдумал — так ему проще, легче говорить о своей страсти, так и критика его стихов будет прямее и искреннее.

Приходим мы однажды на прием к заместителю председателя Братского горисполкома Василию Михайловичу Рудых, сидим в приемной и фантазируем: «А что, если встретит нас сейчас этакий чинуша, нечто вроде Почесухина из михалковского «Памятника себе»?» А зашли в кабинет и познакомились с человеком ярким и интересным.

Коренной сибиряк, работавший электромонтером и учи-

телем, секретарем райкома комсомола и редактором районной газеты. Добровольцем ушел он на войну с фашизмом, был ранен, контужен, а после фронта вернулся в свои родные края, в Сибирь, которую он любит больше всего на свете. Он дает нам скупую историческую справку о городе, приведенную в начале главы, а сам рассказывает о людях, об их судьбах, и говорит, как поэт. Мы раскрываем его доклад на конференции по эстетическому воспитанию и читаем:

«...Ранее, год-два тому назад с мыса Пурсей открывалась панорама могучей красоты падунского сужения... Аквамариновые воды Ангары после раздольного и спокойного течения оказывались в тисках высоких отвесных скал, названных в далекую старину старожилками-землепроходцами мысами Пурсей и Журавлиная Грудь.

История этих названий вызывает размышления.

Не думал ли наш далекий мужественный предок с этого замечательного места сеять разумное, доброе, вечное и лететь, как журавль, в далекие страны, чтобы поведать миру, как богат, красив и славен Сибирский край — Братская округа...»

Мы видели парней, взбирающихся с ловкостью акробатов по железным прутьям на головокружительную высоту двухконсольных кранов буквально за несколько секунд. В эти минуты они кажутся матросами огромного корабля, взлетающими на его стройные мачты. Они сами чувствуют это, они верят в свой корабль... Приглядишься, и ты увидишь, как реют над эстакадой алые паруса их мечты. Один из этих ребят сказал нам:

— Я работаю внизу, в машинном зале, но каждое утро перед работой я взбираюсь туда, на самый верх, на консоли, чтобы встретить рассвет...

Мы теперь хорошо знаем: у всех братчан есть верный, закадычный друг. Паренек, читавший нам свои стихи, нашел его, этого друга. Имя ему — Поэзия.

ОФОРМИТЕ ВОЗВРАТ!

■ ■ ■ Поезд «Лена — Тайшет» опаздывал. Все давно смирились с мыслью о том, что, может быть, придется просидеть несколько часов в небольшой комнатке, именуемой «Зал ожидания», на желтых деревянных скамейках с крупными буквами сверху: «МПС».

Люди уже устали гадать о причинах опоздания, они некоторое время слушали отрывистую дробь мелкого колючего снега о вокзальные окна и теперь совсем притихли, объединенные одной общей участью. Кто-то флегматично жевал припасенные в дорогу бутерброды; кто-то, обхватив руками чемоданы, мирно подремывал; а пожилой человек в длинном, почти до пят, габардиновом пальто, неведь каким способом сумевший занять целую скамейку, положив под голову солидный, разбухший портфель, крепко спал, оглашая зал ожидания таким залившимся храпом, что во время особо выдающихся рулад некоторые пассажиры невольно вздрагивали.

Лампа, висящая под самым потолком на тонком корявом проводе, понемногу теряла напряжение и устало помаргивала.

Трое ребят, расположившихся на скамейке под надписью «Не курить» и вывешенной на стене, пожелтевшей от времени газетой «Гудок», нещадно дымя коротенькими сигаретами «Новые», как-то сами по себе, не дожидаясь замечаний со стороны других пассажиров, стали разговаривать вполголоса. Может быть, на них подействовало удрученное состояние всех сидящих в зале, а может быть,

они просто вспомнили, что едут на юг, к солнцу, к морю. Они почти три года не были в отпуске, и поездка на Кавказ сразу на несколько месяцев была их давнишней мечтой, а о самой сокровенной мечте люди никогда не говорят громко.

— В Сухуми-то я несколько раз бывал, — начал черненький скуластый паренек в зеленой велюровой шляпе, которая не очень гармонировала с простым сереньким демисезонным пальто и спортивными брюками. — Там, в Сухуми, прямо на улицах пальмы растут, а когда мчишься к городу по шоссе на машине, то вокруг деревья стоят, а на них огромные-огромные цветы розовые. Шапками такими... Забыл только, как они называются.

— Олеандры, — сказал веснушчатый паренек с золотыми, сросшимися прямо на переносице бровями.

— Всё знает! — развел руками скуластый.

И тогда третий, пижонского вида парень в берете, в модном итальянском плаще «Болонья» с погончиками, вдруг совсем тихо сказал:

— А я живые пальмы только во Дворце культуры видел. Пыльные-пыльные такие. Да еще в общежитии у девчат, искусственные... — Он вспомнил эти вырезанные из картона «листья», выкрашенные зеленой акварельной краской, — гордость тринадцатого женского общежития, и его озорные карие глаза на мгновение посерьезнели и потускнели.

Он мысленно прикинул: четверо суток до Москвы, а там, возможно, хорошая, летная погода, и можно оттуда рвануть прямо самолетом до Адлера. Он не раз видел в кино море, пляжи и отдыхающих под грибами-тентами. И сейчас представил себе то же море из кино, тех же отдыхающих, но вместо грибков-тентов — пальмы, огромные, разлапистые пальмы по всему пляжу, и в их тени — улыбающихся коричневых людей.

За окнами шел снег, шел уже несколько часов подряд, и парень в берете, поживаясь, подумал: «Неужели там сейчас солнце?»

Он решительно встал и подошел к окошечку с надписью «Касса». Озорные искорки вновь заиграли в его карих глазах. Побарабанив минуту по закрытому деревянному

окну, он наклонил голову, словно хотел протиснуться в щель, и тихонько произнес:

— Мамаша!

Он отлично знал, что «мамаше» не больше двадцати лет. Когда часа два назад последние пассажиры торопливо оформляли билеты, он заметил, что у кассирши очаровательные серые глазки и светлые кудрявые волосы, выбивающиеся из-под ослепительно желтого фестивального платочка с названиями городов мира. Он уже тогда попробовал с ней заговорить о погоде, но сероглазая бойко захлопнула окошечко перед самым его носом.

— Мамаша, открой окошечко. Поговорить надо, — сказал он, пытаясь придать своему чуть хриловатому голосу как можно больше нежности.

«Мамаша» решила не отвечать. Много их тут, и все хотят познакомиться, а ей сейчас больше всего на свете хотелось спать.

— Да плюнь ты, Сашк!.. Иди в карты играть, — сказал скуластый, вытаскивая колоду карт.

Парень в берете подошел к скамейке.

— Я вас сейчас новой игре научу. — Скуластый начал было объяснить правила, но белобрысый паренек с золотыми сросшимися бровями тут же перебил:

— Это ап энд даун, — коротко бросил он.

Скуластый уже не сказал «всё знает», а только утвердительно кивнул головой и стал сбрасывать карты, чтобы определить, кому первому сдавать. В эту минуту все трое почувствовали, что в зале наступила какая-то непривычная тишина — это перестал храпеть человек с портфелем.

И только сейчас все услышали чье-то тихое-тихое всхлипывание. Скуластый первым увидел в самом углу зала незнакомую девушку. Все трое переглянулись. Всхлипывания были коротенькие, как позывные.

...Снова неистово захрапел человек в габардиновом пальто. Ребята осторожно подошли к девушке. Она резко повернулась, ребята замерли, у них сделались такие растерянные лица, что девушка невольно улыбнулась, хотя на ресницах еще дрожали крупные слезинки.

— Здравствуйте! — весело произнес парень в берете, только что пытавшийся завязать знакомство с кассиршей.

Но сейчас он сразу как-то осекся: «Что-то я не то вроде сказал».

— Отдыхать едете? — спросил скуластый.

А белобрысый пробормотал:

— Может быть, в Адлер, так вместе бы, а? — И почувствовал, как у него краснеют уши, но, взглянув на тусклую лампочку под потолком, облегченно вздохнул.

— Нет, я не отдыхать, я к маме... — ответила девушка и снова всхлипнула.

И вдруг, сама не зная почему, то ли оттого, что за окном идет мелкий, колючий, похожий на крупу снег, то ли оттого, что ее заставило улыбнуться растерянное лицо этого пижона в модном плаще с погончиками, она стала рассказывать им все, все, что скрывала в письмах к маме, чего никогда не говорила «хозяевам», у которых снимала комнатку в Братске... Она знала, что сегодня уезжает из этого города, уезжает навсегда, и она решила здесь, сейчас, напоследок хоть кому-нибудь, хоть раз в жизни рассказать все как было, все как есть... Рассказать о том, как мечтала еще в институте уехать на далекую стройку, как ссорилась с мамой, как сумела, наконец, пробраться сюда, в таежный город, чтобы учить ребят в школе... И как вот уже два месяца она обивала пороги разных инстанций, где ей равнодушным голосом говорили: «Мест нет». Она, наконец, ни за что в жизни не расплакалась бы, но этот храпящий в габардиновом пальто почему-то ужасно напомнил ей того самого человека в роно, который убеждал ее, что преподавать можно в любом городе, в любой школе и вовсе не обязательно ехать для этого за тысячи километров. Наверное, он так же сладко храпит сейчас у себя дома и ему нет никакого дела до того, что у нее не получилось главного в жизни. Понимаете: самого главного! Она хотела преподавать историю там, где эта самая история делается сегодня, и, оказывается, ей в этом городе нет места, нет места ее мечте, и она никому, ровно никому не нужна!..

Первым заговорил скуластый.

— Дайте-ка мне ваши билеты.

Девушка непонимающе взглянула на него и, вытащив из сумочки билет до Ярославля, протянула его скуластому.

Ни слова не говоря, он встал и направился к закрытому

окошечку кассы. Стук был настолько повелительным, что сероглазая девушка, мирно дремавшая среди билетов и компостеров, проснулась и сразу же открыла окошечко.

— Оформите возврат! — деловым тоном произнес скуластый.

Двое дружков, еще толком не понимая всего происходящего, тоже подошли к кассе.

— Один возврат? — спросила кассирша.

— Нет, два. Один до Ярославля. Второй до Адлера.

— Но вы же потеряете...

— Скорость и плацкарту, — тут же вставил белообрый, который всё знал. Он сунул свой билет в окошечко. — Третий...

Только сама девушка да парень в берете и модном плаще стояли в замешательстве чуть поодаль.

Скуластый отдал деньги за проданный билет и так же повелительно обратился к девушке:

— Идемте.

И тут девушка, словно очнувшись, вдруг заговорила:

— Погодите... Что вы сделали? Погодите...

— Я же вам сказал, идемте с нами! — И, подхватив ее вещи, скуластый направился к выходу.

За ним семенил белообрый с чемоданами, хотя, пожалуй, про него, наверное, впервые в жизни нельзя было сказать «всё знает». На этот раз он шагал молча. Всего он не знал.

Окошечко кассы захлопнулось. И только теперь парень в берете бросился к нему.

— Мамаша! — Он побарабанил пальцами.

Окошечко открылось.

— Что вам?

— Оформите возврат! — Наверное, оттого, что он без конца стучал к ней в окошечко и мешал спать, уютно положив голову на сочинения Эриха Марии Ремарка, она коротко отрезала:

— Нет больше денег. Если каждый возвращать надумает...

— Как же так, мамаша? — растерялся парень.

— А вот так, сыночек, — отпарировала «мамаша» и захлопнула окошечко.

Секунду постояв, парень в плаще с погончиками вдруг

неожиданно решил: «А, черт с ними!» (видимо, он имел в виду деньги) — и побежал догонять друзей.

...Ребята шли по направлению к городу. Девушка едва поспевала за ними. И вдруг она остановилась. Почему-то сквозь свист снега ей послышался далекий-далекий раскат весеннего грома. Она секунду постояла и поняла, что ошиблась. Это просто приближался, наконец, к станции поезд «Лена — Тайшет»...

...Вот такую историю рассказали нам в Братске. Мы не ручаемся за приметы ребят, может быть, они выглядели совсем по-другому, но мы знаем точно, что они привели девушку в мужское общежитие, отдали ей свою комнату, сами ночевали у друзей, а на следующий день занялись ее устройством на работу. Они не смогли сразу подыскать ей место по специальности, первое время девушка работала

на стройке, но главное — они заставили ее остаться в Братске, заставили поверить в то, что здесь живет совсем не равнодушный народ. А кареглазый парень в модном плаще с погончиками совершенно определенно решил, что море и пальмы можно увидеть и на будущий год.

Вы ждете романтического конца? Вы думаете, что он остался, потому что девушка ему приглянулась, и все кончилось счастливой семейной жизнью? Действительно, семейное счастье было, девушка через несколько лет вышла замуж. Но совсем за другого парня, приехавшего на стройку после нее. А этим троим ребятам пришлось довольствоваться тем, что их, как хороших друзей, пригласили на свадьбу. Но зато, когда в комитете комсомола однажды проводилась устная анкета и в ней был вопрос: «За что я люблю Братск», — девушка, которую в темную осеннюю ночь встретили на вокзале трое парней, не задумываясь, ответила:

«Потому что самые лучшие люди на свете живут в Братске».

КТО ЖЕ ОНИ, ЭТИ ЛУЧШИЕ НА СВЕТЕ ЛЮДИ?

Выйди на улицы Братска, постой на эстакаде, спустись в машинный зал, посиди в рабочей столовой — и ты увидишь: идут тебе навстречу, мчатся в самосвалах и грузовиках, на ходу что-то горячо обсуждают простые ребята и девчата, такие же, как в Москве и Ленинграде, на Украине или на целине.

Но приглядишься повнимательней, и ты отметишь — очень много встретилось тебе институтских и университетских значков на груди у парней и девчат. Значки словно соревнуются между собой, и каждый от имени своего института говорит: «И я строил Братск!», «И я!», «И я!..»

Молодые выпускники. Те, кто, окончивая институт, твердо и решительно говорили комиссии по распределению: «Направьте меня на ударную стройку». Пускай дома их убеждали: «Вы можете остаться, у вас есть более выгодные предложения, у вас здесь более заманчивые перспективы», — они стояли на своем. Были ссоры с любимыми, были горькие слезы расставания... И выносят подружки вещи на вокзал, и уезжает тайком от родителей на далекую таежную стройку девушка-инженер; и от счастья, от гордости за нее сияет на платье новенький институтский значок.

А если нет на груди у парня или девчонки институтского значка (так уж сложилась жизнь, может быть, не удалось окончить даже средней школы), подойди, спроси, и ты узнаешь, что, наверное, каждый второй братчанин учится. Люди учатся в вечерних школах и техникумах, в заочных

институтах... Вечерами, когда загораются огни, загляни в окна и увидишь: вот склонился над тетрадкой командир самого мощного на стройке крана, вот постигает премудрости чужого языка девушка-бетонщица, а иногда сидят и занимаются всей семьей: отец, мать и малыш-первоклассник...

— Сейчас у нас рабочие не те, что были в пятидесятых годах, в начале строительства, — говорит начальник строительного участка Владимир Конько. — Выросли ребята — не узнать! Советуешься с ними по любому вопросу, разбираются почти так же, как инженеры.

И надо сказать, что в Братске (мы много раз в этом убеждались) существует крепкая, неподдельная дружба рабочих с инженерами.

Может быть, эта дружба, это чуткое взаимопонимание родились еще в те дни, когда приехавшие на стройку инженеры, забыв на время о дипломах и званиях, строили бараки для жилья и лопатой долбили в карьерах мерзлую землю, потому что в инженерах-энергетиках стройка еще не нуждалась, а рабочих была нехватка. Может быть, это произошло потому, что многим рабочим, их организаторскому таланту, сметке, сообразительности и эрудиции обязана стройка рационализаторскими предложениями, новаторскими методами работы. Инженеры были рабочими, рабочие выросли в инженеров. Как это характерно для нашей эпохи, для молодежи нашего времени!

А может быть, истоки этой дружбы в том, что здесь, в Братске, — передний край. И люди об этом помнят. И люди живут, как и положено на переднем крае. И как на фронте у солдат и офицеров, у них одна-единая, главная забота — победить. И все равны в этом великом стремлении. Не случайно, что в таком удивительном взаимопонимании, в такой общности интересов могло родиться твердое убеждение, выраженное в словах, которые мы не раз слышали от рабочих и от инженеров:

— Мы столькому научились в Братске, что, если нас пошлют на другую ГЭС, мы построим ее в три, в пять раз быстрее, мы построим ее в несколько раз дешевле!

Приезжающие в Братск иностранцы удивляются нынешним нашим темпам. Значит, какие же замечательные воз-

можности есть у людей, когда каждый рабочий считает себя полноправным хозяином стройки!

Сухие цифры говорят: 55 процентов от общего числа населения Братска — молодежь в возрасте до двадцати восьми — двадцати девяти лет. Братск — город комсомола. Комсомол — главный хозяин на бетонной эстакаде, на линиях электропередач, на юных улицах. И это комсомол именно сегодняшних дней, комсомол шестидесятых годов — годов ракет, спутников и электронных машин.

Словно солдат, свято хранящий в дни мирной жизни верность солдатской дружбе и воинскому долгу, комсомол Братска свято чтит традиции Комсомольска-на-Амуре, Магнитки и поднятой целины. Он чтит эти традиции и создает новые. Да, Братск может с гордостью и полным правом сказать о себе:

«Я — это Комсомол!»

Я — КОМСОМОЛ!

Дорогой отважных шагал я по свету,
И вместе со мной молодела планета.
Ты видишь, на карте Отчизны родной —
Моя биография, путь мой большой...

Я — Комсомол!

Я — Комсомол!

На юной груди — значок огневой.
Счастье свое в борьбе я нашел, —
Рожденному бурей

лишь в буре покой!

К земле я не жался от вражеской пули,
И ветры в лицо мне колючие дули,
В атаку не раз я ходил на врага.
И там, где я шел, отступала тайга.

Так пусть мне не шепчут: «Теперь успокойся,
От встречного ветра в сторонке укройся!»
Иду я дорогой борьбы и побед,
Порукой тому — комсомольский билет.

Я — Комсомол!
Я — Комсомол!
На юной груди — значок огневой.
Счастье свое в борьбе я нашел, —
Рожденному бурей
лишь в буре покой!

«РЕВОЛЮЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ»

Еще в Иркутске, сразу после приезда из Москвы, мы попали на семинар вторых секретарей райкомов комсомола области. В обкоме, в маленькой комнатке собралось человек тридцать комсомольцев. Ребята рассказывали о своем житье-бытье, о работе, потом пели, пели все вместе, хором. Рояля не было, песня возникла как бы сама по себе. Вдруг она прервалась, и раздались реплики:

— Почему в песнях еще так много старины?

— В каком смысле? — спрашиваем мы.

— Да вот так. Он ее любит, она его нет... или наоборот...

— Наверное, потому что все это, как ни странно, еще встречается в жизни.

— В жизни-то каждый раз бывает по-разному, а в песне почти всегда одинаково: «отчего-почему»... «никак не пойму»... Гармонь, соловьи, калитки... Время другое сейчас: другой ритм, другие слова, другие темы.

— Стоп! Вот вы сказали — другие темы... Нам, поэтам, кажется, что почти все темы уже использованы. (Это, конечно, своеобразная уловка — мол, пожалуйста, говорите, а мы вам сейчас ответим: такая песня уже есть, давно написана.)

И вдруг...

— А вот песня про комсорга! Нет такой песни!

Лихорадочно перебираем в памяти все известные песни. Действительно. «Мы комсомольцы! Мы идем вперед! Мы шагаем, шагаем, эх, шагаем!..» А вот о человеке, о комс-

орге, о своем товарище нет песни. Сидят напротив нас комсомольские работники, каждый со своим характером, каждый со своим темпераментом, своими способностями, работают они на самых различных стройках, работают в колхозах, в городах, далеких друг от друга, и все же у них есть одно общее — они вожаки, за ними идут, им верят, к ним приходят за советом. И действительно, ни об одном из них нет песни.

Нет песни о так называемом «комсомольском работнике». Каждый из нас в эти минуты припомнил своего комсорга, самого лучшего, самого единственного, и каждый подумал: «А ведь как это нам раньше в голову не пришло!»

Но, наверное, так и не было бы у нас своей песни о комсорге: ведь от слов «хорошо бы такую написать!», даже от воспоминаний, пожалуй, не родилась бы песня, если бы на следующий день не уехали мы в Братск, если бы прямо у пристани не встретили нас...

...Он был высокий, худой, в прочно обжитом коричневом пиджаке. Вы никогда не замечали, что пиджаки в какой-то мере носят черты хозяев? Бывают стерильно чистые, до противного модные пиджаки, бывают старозаветные, насквозь пропахшие нафталином, а у него был пиджак какой-то очень свойский, с мелкими, едва заметными следами цементной пыли. Вместе с ним нас встречали на пристани парни и девчата. В руках у них были небольшие букетики полевых цветов. Потом все сели в автобусик, такой же простой, запыленный и очень деловой. В автобусе как-то само собой выяснилось, что он комсорг строительства Братской ГЭС Иван Скрыпников. Он привел нас в гостиницу и сразу спросил:

— Очень устали?

— Нет.

— Хотите на стройку?

— Хотим.

— Поехали.

Он водил нас по эстакаде, показывал порталные и двухконсольные краны, терпеливо отвечал на бесчисленные вопросы. Когда мы вернулись со стройки, он коротко спросил нас:

— Понравилось?

Видимо, глаза наши очень красноречиво ответили ему, потому что сразу же последовало:

— Сколько думаете пробыть здесь?

На наших лицах появилось совсем другое выражение, и мы растерянно ответили:

— Обком сказал, что на Братск хватит одного дня.

Он сразу же снял телефонную трубку — она оказалась тут же под рукой — и позвонил в обком.

— Вы присылаете к нам людей на один день, а у нас восемь Братсков. На один день они нам не нужны, в таком случае лучше не присылайте. Короче, мы задержим товарищей.

С этой минуты мы поступили в полное его распоряжение. Он великолепно составил календарь нашего пребывания в Братске, он все знал сам — когда и куда мы направились, — и нам казалось, что он так же знает каждого человека на стройке: где он сейчас находится, что делает... Надо сказать, что мы чувствовали себя в «комсомольском плену» превосходно.

Однажды он нам сказал:

— Есть революционное решение — съездить на ЛЭП.

Он любил это выражение «революционное решение», в его устах оно звучало особенно убедительно.

Выяснилось, что туда, на линию электропередач, ехать очень далеко, по плохой дороге, выяснилось, что на ЛЭПе нет пианино, выяснилось, что там трудно собрать людей, работающих на разных «углах». И все же как-то «само собой» получилось, что все поняли: без поездки на ЛЭП не может быть дальнейшей жизни в Братске. Без этого мы не пойдем, не увидим чего-то большого и очень нужного!

Как случилось, что мы все это поняли? Не знаем. Возможно, Ваня говорил какие-то слова, но мы не помним этих слов. Нам просто показалось, что мы сами ехали в Братск только для того, чтобы побывать на ЛЭПе. Откуда-то появился в гостинице аккордеон, и наши композиторы все свободное время учились играть на нем. Отойдя в уголок, с серьезным, сосредоточенным выражением на лице, Пахмутова разучивала свои песни в переложении для аккордеона...

...Окончен концерт, спеты все песни, выслушаны все рассказы ребят-лэповцев... Мы возвращаемся в Братск.

Машины идут через тайгу по узкому коридору дороги. Кругом тьма. Только свет фар летает в ночи. И вдруг мы слышим знакомый голос:

— Есть революционное решение — остановить машины.

Машины остановлены. Мы выходим на дорогу.

— Зачем, Ваня?

— Я хочу, чтобы вы послушали тайгу...

...Сосны стояли по обеим сторонам дороги плечом к плечу, так тесно прижавшись друг к другу, что казалось, и птица не сможет залететь туда. Прямо на вершины сосен упало небо, и огромные нелюбопытные мохнатые звезды спокойно смотрели на нас холодными зелеными глазами. И тишина... Стояла какая-то немислимая, не слыханная никогда ранее тишина. Это надо пережить. Надо услышать самому эту жутковатую ночную таежную тишину. В памяти навсегда сохранятся эта ночь, зеленые звезды, зацепившиеся за макушки сосен, и твердая уверенность в том, что настоящий комсомольский работник в душе обязательно должен быть поэтом.

Каждый из нас вспомнил свою комсомольскую юность. Вместе с нами был комсорг, уже не наш, уже не «свой», но у него, наверное, на всю жизнь останутся друзья по стройке, по этой трудной и увлекательной работе. И они, наверное, когда-нибудь так же вспомнят его, как мы сейчас вспоминали свои, в общем-то еще совсем недавние, комсомольские годы...

Тогда и мы приняли «революционное решение» написать песню о комсорге, вожаке молодежи, за плечами которого стоит порой небольшой коллектив, а иногда и гигантская стройка. Мы думали о человеке, за которым ребята идут и тянуть линию электропередач и взрывать диабазовые скалы, а таких комсомольских работников мы встречали немало на своем пути по Сибири. Нам хотелось, чтобы песня была похожа на разговор с другом.

ТОВАРИЦУ КОМСОРГУ

Мы новые завтра получим задания.
Ну что же, товарищ комсорг, до свиданья!
Может, много лет промчится,
Станет жизнь у нас иной —
В старой песне повторится
Наша молодость с тобой.

Вспомним беды и победы,
Вспомним в песне все, как было встарь,
Вспомним нашу, вспомним нашу жизнь
на стройке,

Комсомольский секретарь.

Вспомним снежные просторы,
Горьковатый дым костра,
И до поздней ночи споры.
И работу до утра...

Были беды и победы.
И припомним в песне мы, как встарь,
Ты всегда был, ты всегда был с нами вместе,
Комсомольский секретарь.

И нынче, в минуты раздумий, сомнений,
Мне нужен совет твой для верных решений.
Уж ты скажешь — как отрубишь,
Станет сложное ясней...
Старый друг, ты вечно будешь
Юной совестью моей.

Вспомним беды и победы,
Вспомним в песне все, как было встарь,
Самый верный, самый лучший мой товарищ —
Комсомольский секретарь!

В СТРАНЕ ЛЭПИИ

Теперь ЛЭП-500 Братск — Тулун уже построена. Значит, если бы тогда, в 1962 году, не привез нас на трассу Иван Скрыпников, мы ее не увидели бы. Мы не увидели бы дремучей тайги, сквозь которую прорубают просеки лэповцы. Те, кто валит лес, расчищая путь для стальных опор, идут первыми. Им особенно трудно, но такая уж участь у первопроходцев. Тайга встречает их «в штyki», она мстит людям за их дерзость, она борется с ними из последних сил. Кажутся неприступными дотами глухие стены деревьев, похожи на противотанковые рвы глубокие овраги, и, словно минные поля, наводят жуть на людей непроходимые болота... Вязнут в коричневой жиже мощные тракторы... Бесчисленное количество поваленных деревьев перетаскивают на себе лэповцы, чтобы подложить их под буксующие гусеницы... Слово в преисподнюю, проваливаются куда-то вниз огромные стволы и исчезают в ненасытном чреве болота. Рвутся стальные тросы, силясь вытащить застрявшие машины... Но нервы у людей крепче, выносливее стальных канатов — и лэповцы не сдаются. Они знают: следом за ними идут монтажники, чтобы ставить опоры, тянуть провода. Так разве могут они, впередсмотрящие, дрогнуть? С тяжелым стоном падают перед ними на колени вековые деревья и отступают непроходимые болота. И тянется, меняя направление на «углах» — опорных точках трассы, линия электропередач. Они, эти линии, словно могучие артерии, несущие городам и заводам электрическую кровь ритмично бьющегося сердца — Братской ГЭС.

Большинство лэповцев, работающих на трассе, живут в «зимовьях» — наскоро сооруженных домиках или землянках. В основном это ребята, связанные не только совместной работой, но и крепкой мужской дружбой. Редко-редко в каком-нибудь зимовье вместе с десятью-двенадцатью парнями встретится одна девушка, чаще всего повараха. Мужчины ведут себя по-рыцарски, не допуская никаких вольностей по отношению к родеющей девчонке. И только белая занавесочка, отделяющая койку молодой поварихи от основной, мужской территории зимовья, напоминает ребятам о том, что когда-нибудь к каждому из них придет свое курносое счастье. Но пока эта легкая занавесочка словно граница соседнего государства, и ребята-лэповцы свято чтят его суверенность.

...Узкой лентой петляет по тайге автодорога. На запыленном, выдавшем виды «газике» мы приближаемся к селу Покосному. Укрытая в тени сосен и лиственниц, бежит в низинке маленькая зеленая таежная речушка. Косые лучи заходящего солнца пробираются сквозь кроны деревьев и освещают серьезные, сосредоточенные детские лица. Мальчишки сидят на живописных корягах, с упоением занимаются рыбной ловлей. Мы останавливаемся, и ребята показывают, как проехать к базе лэповцев.

...Несколько домиков, столовая, парк машин, мастерские — вот и весь поселок. По деревянному настилу-тропуару пробираемся к столовой, наскоро перекусываем и едем еще три километра в Покосное — кто-то сказал, что там в клубе есть пианино.

Приезжаем. В клубе нас встречает женщина.

— Заведующая, — представляется она. — Была разнорабочей, потом поставили сюда. Говорят, больше никому... — рассказывает она историю своего назначения.

— В клубе пианино есть?

Заведующая горько усмехается.

— Пианино? Что вы! У нас из всего хозяйства только одна радиола имеется, да и та давно не работает.

Чувствуется, что женщина задета за живое. Видно, очень ей хочется, чтобы в клубе было интересно, кипела бы жизнь.

— Да что там! — Она невесело машет рукой. — Кинокартин и тех не бывает. С начала года только одну «Неиз-

вестную женщину» и показали. А ведь я заявки на все фильмы дала, очень просила к нам хоть что-нибудь еще привезти!

И вдруг, что-то вспомнив, женщина улыбается.

— Говорят, картина есть, «Девчата», уж с полгода как вышла, — так там про леспромхозы рассказывается. Уж как бы нам ее посмотреть хотелось!.. Ведь здесь, в тайге, кругом леспромхозы. Неужели мы так ее никогда и не увидим?

Нам припомнился просмотр картины «Девчата» в Доме кино. Зрители принимали ее хорошо, смеялись, но после просмотра в кулуарах слышны были голоса.

— Нет, нет... Это, конечно, не то... Не для интеллигентной публики эта картина, — со снисходительной улыбкой говорил долговязый седеющий гражданин, которого мы никогда не видели ни на экране, ни в студиях, но который всегда сидел где-то впереди на всех просмотрах. — Москва эту картину не примет...

К счастью, столь авторитетные прогнозы не оправдались, картину приняли и в Москве, но тогда, в тайге, в Покосном, нам стало до слез обидно, что долговязому показали эту картину раньше, чем ее настоящим героям, и что, наверное, сейчас он опять сидит где-нибудь на просмотре и усталым пренебрежительным голосом «уничтожает» чью-нибудь работу, а в селе Покосном, может быть, до сих пор еще не показали даже «Девчат».

К клубу стал стекаться народ. Лэповцы приезжали на грузовиках прямо с трассы. Пришли рабочие из леспромхоза, а те, кто живет в самом Покосном, приходили целыми семьями, с женами, с детьми.

— Детишек особенно жалко, — кивнув в их сторону, сказала заведующая. — За несколько лет у нас всего одна детская кинокартина была — «Муму». Вот в соседнем селе, километров в ста отсюда («Ничего себе, — думаем мы, — таежные масштабы: «соседнее» село в ста километрах!»), так там в прошлом году артисты с куклами выступали. Тот было радости у ребят!..

Начинается концерт. И вопреки сложившейся программе мы читаем для ребят, занявших первые ряды, подоконники и пол перед сценой, отрывки из наших детских пьес «Колосок — волшебные усики» и «Загорается маяк». Мы

стараясь, читаем на два голоса и жалеем, что нет с нами наших друзей — артистов московского ТЮЗа и что нет здесь ни ярких театральных мизансцен, ни праздничных, веселых декораций. Остается надеяться на ребячье воображение.

Композиторы сегодня держат своеобразный «экзамен», впервые аккомпанируют солистам на аккордеоне. На сцену летят записки — заявки зрителей, и композиторы безотказно исполняют все, о чем их просят.

...После выступления мы беседуем с лэповцами.

— Тайга — это все ерунда, — говорят они. — Морозы... мы к ним уже привыкли. Трудности — они везде есть. А вот то, что никакой культурной жизни здесь нет, — это скверно.

— Мы с целины, — вступают в разговор трое ребят. — Поработали здесь и обратно на целину собираемся. Там хоть кино крутят.

«Там хоть кино крутят»...

— А трудности? Ну, да что там! ЛЭП-220 труднее было строить, честное слово...

И ребята рассказывают о строительстве ЛЭП-220 Братск — Иркутск. О зимовьях за десятки километров от человеческого жилья, о работе в активированные дни, то есть когда жуткий мороз, когда ртутный столбик опускается ниже — 42 градусов и можно не работать, но люди выходят на линию, люди работают на высоте, соединяя провода, а пальцы примерзают к металлу и кусочки кожи остаются на стальных опорах... Люди рассказывают о том, как жили они в зимовьях, и воду возили к ним за шестьдесят километров, и семьдесят процентов этой воды шло на бетон; рассказывают о том, что никогда не обедали, раньше чем окончив работу, а зачастую приходилось работать больше, чем семь часов в день...

— На ЛЭП-500 легче, — говорят они, и только одно: «Здесь даже кино не крутят...» — мешает им жить.

На ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС в 1962-м горячо и резко говорилось о недостатках в культурном и бытовом обслуживании молодежи ударных строек, в частности Братска.

После ноябрьского Пленума было принято специальное постановление правительства по этому вопросу.

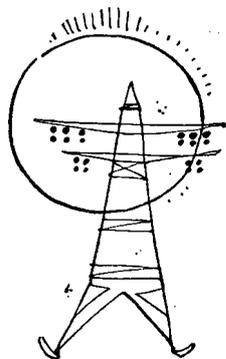
В 1963-м, через год после нашего первого посещения села Покосного, всюду в Братске мы видели признаки коренного оживления культурной жизни. Уже красуется на ЛПК огромная телевизионная вышка. Заканчивается строительство отличного клуба в новом городе, в поселке Энергетиков. И все-таки сделано еще далеко не все. Не может, не должна культурная жизнь отставать от ритма стройки, от взволнованного, напряженного пульса людей, решивших жить и работать на передовой!

...Когда мы приехали в Братск в 1963 году, мы радовались вместе со всеми, что ЛЭП-500 Братск — Тулун уже построена, и все-таки было немного грустно, что снова не поедем на грузовиках по пыльным таежным дорогам к Покосному, что не будем вместе со всеми машинами (таков закон здесь!) останавливаться у «шоферского ключа» и пить студеноую, алмазной чистоты воду, что снова не услышим рассказов лэповцев о зимовьях, о могучих опорах, которые так трудно ставить на промерзшей болотистой почве, и о ребятах, к которым девушки приходят только в мечтах да в песнях...

Седина в проводах от инея...
 ЛЭП-500 не простая линия,
 И ведем мы ее с ребятами
 По таежным дебрям глухим...
 По ночам у села Покосного
 Хороводят березки с соснами,
 И с мужскою усмешкой горькою
 На них мы глядим...

Сквозь таежные зори мгlistые
 Тянем к людям мы солнце чистое,
 И встают зори над опорами
 Под моей озябшей рукой.
 Повернув выключатель в комнате,
 Вы о нашем зимовье вспомните!
 Если б желтый глазок вольфрамовый
 Мог пахнуть тайгой!..

Нет невест у ребят отчаянных,
 Только в песне порой встречаем их.
 Проводов голубыми пальцами
 Мы, девчата, тянемся к вам...
 ...А в тайге горизонты синие,
 ЛЭП-500 не простая линия...
 Но пускай тот, кто не был в ЛЭПии,
 Завидует нам!

ВОТ О КОМ НАДО ПЕСНИ ПИСАТЬ!

Метро... Залитые ослепительным светом подземные залы, стройные колонны, веселые работяги эскалаторы и сверкающие чистотой голубые экспрессы. Таким мы представляем метро, когда произносим это слово.

Было свое метро и в Братске. Вернее, не в Братске, а в старинной сибирской деревне Заверняйке. Не сияла по вечерам над входом в это метро огромная красная буква «М», не щелкали турникеты, не отправлялись отсюда по подземным путям поезда. А стоял на окраине Заверняйки барак, почти по самую крышу ушедший в землю. Сразу и не поймешь — барак это или просто землянка. И дали братчане этому «подземному» строению прозвище «метро». Жили в «метро» ребята и девчата, прибывшие в Братск по комсомольским путевкам, и среди них — Алексей Шохин, высокий, курносый, с кудрявыми светлыми волосами, с добрым, каким-то удивительно оптимистическим взглядом, скрывающимся за толстенными стеклами очков. Окончив Московский энергетический институт, он уехал на строительство Камской ГЭС, а потом в 1954 году с самыми первыми отрядами строителей прибыл в Братск.

Где-то за пургой, за метелями, за сорокаградусными морозами остались эти первые дни и месяцы работы на стройке... Но разве забудет их Алексей Шохин, разве забудет, какое это было счастье, когда ему с женой выделили в «метро» отдельную комнатку! Было и холодно, и трудно, и не всегда зарплаты хватало (первое время приходилось работать плотником), но именно в эти самые

тяжелые месяцы неистощимый оптимист и весельчак Шохин один руководил всеми кружками в клубе: и драматическим, и хоровым, и художественного слова...

— А что? Никаких руководителей у нас тогда не было, а я еще в институте художественной самодеятельностью увлекался... Так и шло время: в понедельник после работы с одним кружком занимался, во вторник — с другим, в среду — с третьим, — вспоминает Алексей Михайлович.

После этого были и выступления на областных смотрах, участие в Московском фестивале молодежи и студентов, но тех «заверняйских» кружков Алексей не забудет никогда...

Участвовал Шохин в первом перекрытии, а потом был направлен на строительство заводов.

— Я же энергетик, — пробовал возражать Алексей.

— Там ты нужнее.

Раз там нужнее, туда и шел работать Алексей Шохин. На стройке он вырос в крупного инженера. Сейчас он начальник Управления единой базы строительства промышленных предприятий, но задорная комсомольская жилка навсегда осталась в характере одного из ведущих инженеров Братска. «Старик комсомолец» — так сам себя называет Алексей Михайлович. А «старику» всего... каких-нибудь 35 лет, и глядят на мир из-под толстых стекол очков молодые, озорные глаза...

...Однажды в перерыве нашего выступления в клубе «Комсомолец», в фойе мы разговаривали с Алексеем Михайловичем. Поодаль стоял паренек лет двадцати пяти. Выждав, когда Алексей отошел от нас, паренек приблизился и заговорщическим тоном произнес, указывая на удалявшегося Шохина:

— Вот о ком надо песни писать!

Мы как-то не ожидали такого внезапного «наступления».

— Нет, нет, я серьезно говорю. Вот именно об Алексее Михайловиче надо бы песню сложить! Вы же не знаете, какой это человек! Ведь он же отличный инженер... так? Но дело не в этом. Человек какой! Вы любого спросите. Вам всякий скажет. Вот вам простой пример. На стройке он начальник... так? Справедливый, но строгий, конечно... А работа кончилась, так он вместе с нами в художествен-

ную самодеятельность идет, в хоре поет. И не разберешь, кто тут начальник, а кто простой рабочий... так? В хоре все равны. Просто никто не имеет права фальшивить... так?

Парнишка волнуется и после каждой фразы прибавляет «так».

— И знаете, придешь к нему с просьбой, все сделает, что в его силах. Вот лично я многим ему обязан... так? И то, что специальность на стройке получил, и то, что квартиру дали. И вообще таких людей, как Алексей Михайлович, поискать...

Мы слушали паренька и думали: не всегда, далеко еще не всегда рабочий так говорит о своем начальнике. Но на Братской ГЭС все — и характеры людей, и способности их, и отношения — проверено временем.

А совсем недавно «старик комсомолец» вновь проявил свой боевой характер. Поделилась с ним молодежь такой идеей. Существует на левом берегу недалеко от клуба «Комсомолец» танцплощадка. Нельзя ли переделать ее в летний театр со зрительным залом мест на 700—800, с киноэкраном? Ведь «Комсомолец» вмещает всего около 300 человек. В летние месяцы, в жару он забивается до отказа и все равно не может вместить всех желающих. Словом, есть идея создать в Братске еще один «очаг культуры».

Алексей Михайлович, даром, что ли, он сам бывший комсомольский активист и участник художественной самодеятельности, горячо поддержал идею ребят. Молодежи из проектной конторы было дано задание — в кратчайший срок, на общественных началах сделать проект летнего театра «по последнему слову техники». Пожалуй, самым трудным было выпросить у дирекции средств на строительство. Наконец проект был готов, средства отпущены, и тогда Шохин решил поручить эту работу строительномонтажному управлению, где начальником был первый комсорг Братска Аркадий Морозов. Надо ли говорить, что начальнику СМУ тоже не занимать комсомольского энтузиазма. И вот в самый разгар строительства разразилась гроза. Кто-то из руководителей Братскгэсстроя увидел, как по направлению к клубу повезли бетон.

— Куда везете, ребяташки?

— На стройку.
— А что строите?
— Летний театр.
— Какой еще летний театр? Кто дал распоряжение? — спросил начальник страшным голосом.
— Шохин.
— А подать сюда этого самого Шохина!

Долго объяснял Алексей Михайлович, что все правильно: и проект есть, и средства уже отпущены, а доложить начальству он просто не решался, не был уверен, что идея будет встречена с энтузиазмом, о чем свидетельствует, например, их нынешний разговор. Но как ни убедительно говорил «старик комсомолец», так и остался он ходить в «партизанах» вплоть до самого Дня строителя — 11 августа 1963 года. К этому дню новый театр должен был быть построен.

Когда руководители Братскгэсстроя, к своему удивлению, накануне Дня строителя увидели новый просторный

театр, они тут же дали распоряжение проводить торжественное собрание здесь, в летнем театре, а тот самый начальник, который хотел было прекратить строительство, пожав руку Шохину, сказал:

— Ладно. В общем-то правильно поступили. Молодцы! Не зря, видно, говорил паренек, что о «старике комсомольце» надо писать песни.

ЗВЕЗДЫ НАД ТАЙГОЙ

Хмурая тайга,
Хмурая тайга,
Скалы грозные да ветры с Ангары...
Шли мы сквозь снега,
Шли мы сквозь снега,
Песней зажигали костры.
Мы учились в суровые дни
Песней зажигать костры...

Шли за днями дни,
Шли за днями дни, —
Вот уж высится плотина над рекой...
Новые огни,
Новые огни
Звездами горят над тайгой.
Мы с тобою, товарищ, зажгли
Звезды над глухой тайгой.

Будут все светлей,
Будут все светлей
Звезды, юностью зажженные, гореть...
Родине своей,
Родине своей
Можем мы в глаза посмотреть.
Можем честно и смело, друзья,
Родине в глаза смотреть.

ГЕРОИ РАЗНЫХ МЕРИДИАНОВ

Братск — город героев. Есть герои, известные всей стране, о них много писали газеты и журналы. Есть герои, у которых нет такой громкой славы, а между тем они ежедневно, ежечасно творят героические дела, ставшие для них будничными.

О Борисе Гайнулине писали много. Наверное, большинству наших читателей известно это имя. История его вкратце такова. Приехав после демобилизации из армии (Борис служил во флоте) на строительство Братской ГЭС, он стал работать бурильщиком. Об этом времени ребята — друзья Бориса рассказывают немногословно:

— Трудное было время. Большинство нас, демобилизованных, впервые оказалось на такой стройке. Ходили в солдатской форме. Даже в кино не выбирались первое время: стеснялись — переодеться не во что было...

В феврале 1958 года Борис возглавил одну из бригад. Владимир Казмирчук, нынешний бригадир ее, вспоминает об этом так:

— Когда его назначили, он так как-то по-простому, по-хорошему подошел к нам, не держал никаких речей, а, оглядев всех, спокойно сказал: «Ну что ж, ребята, пойдем работать». А на второй день казалось, что он уже с нами давно, что мы всю жизнь работаем с ним вместе бок о бок. Не было ощущения, что среди нас появился кто-то старший. А между тем все свои функции, функции бригадира, Борис выполнял с первого же дня, и выполнял образцово.

Между прочим, — припоминает Владимир, — до Бориса у нас в бригаде было брожение, была какая-то неразбериха, нас хотели разогнать. А пришел Борис, и мы сами не успели заметить, как бригада вышла в передовые, стала в буквальном смысле «греметь на всю стройку». Ей одной из первых в стране было присвоено звание бригады коммунистического труда. Серьезный был разговор у Бориса с бригадой, перед тем как взять обязательство бороться за это звание. Кто-то, хорошенько подумав, взвесив все, тут же сказал: «Нет, братцы, не вините, но нет у меня сил, нет у меня пока еще морального права быть в такой бригаде!» — и ушел. Зато уж кто остался, стал трудиться на совесть, бороться за это звание насмерть. И вот, когда высокое звание было завоевано, а вместе с ним все переходящие знамена и вымпелы, случилось несчастье...

7 мая 1959 года, работая на отвесной скале, Борис сорвался и упал на каменную гряду. Упорно боролись врачи за жизнь Гайнулина. Железный организм Бориса выдержал, не сдался. Борис остался в живых, но паралич ног сковал его движения...

Бригада переживала эту трагедию очень и очень трудно. Каждому казалось, что он сам получил травму... Александр Имамов, Владимир Казмирчук и другие ребята в любое свободное время ездили в Иркутск в больницу, к своему бригадиру. Словно стая, оставшаяся без своего вожака, словно рота без опытного бывалого командира, бригада не нашла в себе силы пережить это несчастье. Ее начало лихорадить, она стала катастрофически быстро терять все, что было накоплено месяцами, годами самоотверженной работы.

В ноябре 1959 года бригадиром был назначен Владимир Казмирчук. К этому времени он окончил в вечерней школе десять классов, поступил заочно в энергетический институт. С именем Казмирчука связано возрождение былой славы бригады Гайнулина.

— Поначалу было очень трудно, — рассказывает Владимир. — Я, собственно, не был готов к руководству. Мне просто сказали: «Попробуй-ка поработать бригадиром, хоть временно». Я понимал: надо что-то делать, может быть, начинать с самых мелочей, чтобы вновь «собрать», вновь «мобилизовать» бригаду. Однако сразу же пришлось

принимать и более резкие меры. Например, отстранить от работы одного из звеньевых, бороться за строжайшую дисциплину...

И случилось так, что бригада вновь поверила в свои силы, вновь расправила свои поникшие крылья. Теперь комплексная бригада Владимира Казмирчука снова одна из лучших бригад стройки, гордость не только Иркутской области, но и всей страны. Бригада делает сложнейшую работу. В ней трудятся бетонщики, опалубщики, слесари, электрики, сварщики. Большинство умеет читать чертежи и свободно работать по ним. Бетон требует иной раз ажурных, поистине кружевных конструкций. Очень сложно сделать опалубки для каждый раз новых, каждый раз посвоему сложных конструкций. Иногда приходится начинать с пустого места, работать на скале, держась на веревках... И кажется, нет такой работы, которую бригада Казмирчука не могла бы выполнить.

Сейчас все бетонные работы на здании ГЭС делает одна эта бригада. Бригада может уложить в год 100 тысяч кубометров бетона, что вполне достаточно для постройки одной небольшой электростанции.

Сам Владимир оказался достойным преемником Бориса Гайнулина. Мастер на все руки, великолепно выполняющий любую работу, он уже несколько лет руководит своим большим коллективом (в комплексных бригадах работает в среднем 100 человек). Депутат Верховного Совета СССР, бригадир одной из лучших бригад в Союзе, Казмирчук известен сейчас всей стране. И все-таки, когда встречаешься с ним, кажется, что самая главная черта, делающая его особенно обаятельным, — скромность. Когда его избрали депутатом высшего органа нашей власти, в Братске тут же предложили ему занять отдельную квартиру.

— Зачем? — спросил Володя. — По какому праву? Нет, я останусь с ребятами в общежитии.

И только, когда молодой бригадир и еще более молодой депутат женился, он переехал из общежития.

...Последняя наша встреча с Казмирчуком на аэродроме в Братске. Мы улетаем в Иркутск. Володя стоит в очереди и вот уже несколько часов ждет возможности улететь на проходящем самолете в Красноярск, а оттуда в отпуск, на юг.

— Володя, а вы уже бывали на Кавказе или в Крыму?

— Нет, еще не успел.

— А в какой санаторий вы едете?

— В санаторий? Нет. Я еду сам по себе... Как говорят — «диким образом».

— Но ведь, наверное, в управлении были путевки в санатории, в дома отдыха?

— А зачем я буду брать себе? Я пока еще себя чувствую неплохо. Пусть другие едут, кому нужнее.

Вот таков он, Володя Казмирчук. Стало уже штампом, когда говорят о герое: «Он не любит рассказывать о себе». А что делать? Володя действительно не любит говорить о себе: «У нас обыденная работа, ни в каких героических переплетах мы не бывали».

Только об одном сокрушается Володя.

— Ведь я «вечный студент», — усмехается он, — медленно подвигается дело в институте. Когда иной раз две смены отработаешь, высшая математика как-то на ум не идет... Да и бригада у меня большая. Надо быть в курсе всех дел.

«Надо быть в курсе всех дел», — так скупно говорит о своей работе бригадир Владимир. А ведь это огромная, кропотливая, ежедневная и порой незаметная для постороннего глаза работа! А тут еще и депутатские обязанности. Все же Володя находит время учиться, и мы верим, что и этот рубеж будет взят им с честью.

Смотришь на этого скромного и в то же время волевого парня и думаешь: «Как легко себе представить его и командиром роты, и учителем, и капитаном космического корабля! До чего же он обыкновенный и в то же время необыкновенный человек!» Ловишь себя на мысли о том, что ты с радостью бы поступил в его бригаду, что тебе ничего не было бы страшно, если бы он был твоим командиром на фронте, что, наверное, очень справедливым судьей он был бы при решении самых важных вопросов твоей жизни.

Нити, связывающие бывшего бригадира с нынешним, со всей бригадой, очень крепки, и ничто не в силах разорвать их. Кажется, от кресла-коляски, с помощью которой передвигается Борис, протянуты эти невидимые

нити не только к его бригаде, но и ко всей молодежи области.

23 июля 1963 года в Иркутске шел пленум обкома комсомола по идеологическим вопросам. Был доклад секретаря обкома, выступали ораторы, разгорались споры. И в это время в зале раздался спокойный голос Бориса Гайнулина. Записав свое выступление на пленку, он послал его участникам пленума. Он говорил с ними о том, что бригада — это и есть тот коллектив, где надо воспитывать нового человека — человека будущего. Он рассказывал о пареньке, пришедшем на стройку из заключения, которого воспитала и поставила на ноги бригада. Простой, душевный разговор Бориса закончился словами: «Давайте, друзья, бороться за каждого человека».

И участники пленума поняли: значит, сам Борис в строю, значит, ничто не может сломить таких людей, как он. Недаром комсомольцы Иркутской области гордо и ласково называют его: «Наш Павка Корчагин».

Дома у Бориса собираются все члены бригады, Борис в курсе всех дел на стройке. Он и сейчас помогает советом, пытается вникнуть в самую суть вопросов, волнующих бригаду. А иногда Борису приходится и за что-то отчитать, крепко покритиковать ребят.

Однажды Борис записал в своем дневнике: «Я часто думаю о друзьях и дружбе. Жизнь не обидела меня друзьями. Но дружбу я почему-то воспринимал, как еду, как воздух, как прозрачную воду. Разве мы задумываемся над тем, как прекрасен воздух? Мы дышим — и все! Так и я всегда дышал воздухом дружбы и думаю, что сам умел быть неплохим другом. Но когда случилось со мной несчастье, я понял до конца, какие золотые друзья есть на свете и какой святой бывает дружба. Эта дружба очень часто оказывается важнее, чем еда».

...Мы в 1962 году первый раз побывали в гостях у Бориса. Когда пришли к нему, он играл с кем-то из своей бригады в шахматы. Кругом были комментаторы, болельщики — друзья Бориса.

...Прошел год, мы снова подходим к дому Бориса на правом берегу, в поселке Гидростроителей, и снова видим — Борис за шахматной доской. И снова рядом друзья из родной бригады. Как будто бы не прошло и года, как будто

бы продолжается та самая партия, как будто бы и не уходили они из этого дома, а были все время рядом со своим бригадиром...

В доме Бориса — следы только что закончившегося ремонта. Стены, двери окрашены в светлые весенние тона. Сам Борис ежеминутно предупреждает, чтобы гости ненароком не запачкались, и улыбается своей доброй, веселой улыбкой хорошего человека. Жена хлопочет по хозяйству, а сынишка, черноглазый бойкий мальчонка, не отходит от папы, все время держась за его крепкие рабочие руки.

Нам было так приятно вновь побывать у этого замечательного человека. Мы читали стихи, в частности, прочли ему «Падунские пороги». Мы подарили ему пластинку с первыми нашими таежными песнями. А потом начался «концерт по заявкам». Наши певцы Кобзон и Кохно пели русские, украинские песни — все, что просили Борис и его друзья.

Борис расспрашивал нас о работе, о радио, о грампластинках, почему их так мало, почему на студиях грамзаписи так неоперативно работают. Все его занимало, интересовало. Он шутил, он пел вместе со всеми. И каждый, кто был с ним в тот вечер, чувствовал в нем замечательную душу вожака, веселый и упрямый характер бойца.

ПАДУНСКИЕ ПОРОГИ

Пустые глазницы сиреневых скал
Глядели печально и строго,
Когда с высоты наш товарищ упал
На камни Падунских порогов.
Пороги, пороги,
Таежные дороги,
Берег крутой
Над Ангарой!

Мы все зажигаем в Сибири огни,
Воюем мы все с Ангарою,
И только в такие тревожные дни
Мы видим, что рядом — герои.

А жизнь уж не так-то легка и проста...
И знай, выбирая дорогу,
Что в каждом труде есть своя высота
И камни Падунских порогов!

Был один необыкновенный день в жизни Бориса Гайнулина — 13 мая 1963 года. В этот день в Братск прибыл вождь кубинской революции, премьер-министр революционного правительства Республики Кубы Фидель Кастро. Надо ли говорить, как встречал город легендарного солдата острова Свободы! В вагоне по пути следования в Братск журналист Костюковский рассказал о Борисе Гайнулине, и Фидель пожелал обязательно встретиться с ним.

И вот перед началом митинга эта встреча произошла. Фидель Кастро по-братски обнял Бориса, трижды поцеловал... Он расспрашивал Бориса о его жизни, пригласил приехать на Кубу. Какая это была знаменательная встреча! Герой Сьерра-Маэстры и герой Ангары встретились здесь, на советской земле, в молодом комсомольском городе! Может быть, в эти мгновения непроходимые звонко-зеленые тростники острова палящего солнца услышали голос снежной сибирской тайги... Сколько общего объединяет людей самых разных параллелей и меридианов, когда они едины в своем порыве к свободе, к свету! Разве не похожи вдохновенные герои армии Кастро на пламенных героев армии гидростроителей с далекой таежной реки?

Фидель Кастро подарил Борису Гайнулину свою фотографию с надписью:

«Борису Гайнулину, великому советскому герою творческого труда, являющемуся примером коммуниста. С восхищением и любовью — Фидель Кастро. Братск. 13 мая 1963 года».

...Когда 2 декабря 1956 года Фидель Кастро со своими друзьями высадился с «Гранмы» на южном берегу провинции Ориенте, в Братске уже велись работы по сооружению гидростанции. Совсем недавно на берега далекой Ангары вышли первые отряды строителей. Отважные люди, они верили, что пройдет несколько лет — и Ангара будет покорена, она сдастся на милость человека. Горстка храбрецов, сошедшая с «Гранмы», верила, что пройдет время — и над островом, пока еще подвластным Батисте, взвьется флаг

свободы. Среди горящих тростников и болот, в пятидесятиградусную жару и среди завьюженной, стонущей от мороза тайги, в пятидесятиградусный мороз шли в бой на разных концах земного шара отряды храбрецов.

Строителям Братска казалось, что они вместе с Фиделем бороздят на «Гранме» бушующее Карибское море, вместе с ним воюют в горах Сьерра-Маэстра, защищают свою революционную родину под Плайя-Хирон...

Может быть, легендарные «барбудос» из отрядов Кастро гораздо меньше знали о героической битве на берегах Ангары, но очевидцы рассказывают, что вождь Кубинской революции остановился в восхищении, увидев величественную громаду плотины. Он сказал, что Братск является самым восточным пунктом, который посетила кубинская делегация во время поездки по Советскому Союзу. «Мы проехали много тысяч километров, чтобы добраться сюда. И стоило совершить такое путешествие, чтобы побывать в Братске!» — восхищенно произнес Фидель.

«В Волгограде есть много памятников героям войны. Братская ГЭС — памятник героям труда, — сказал Фидель Кастро. — Сооружение Братской ГЭС свидетельствует о том, что представляет собой нынешний Советский Союз, с его высокоразвитой техникой, с высококвалифицированными специалистами. Это сооружение синтезирует все технические достижения Советского Союза. Но главное — это человек. Если бы не было людей, кто бы мог создать такое сооружение? И это вызывает восхищение. Особенно если учесть, в каких условиях работали строители, если представить страшный холод, доходящий до минус пятидесяти пяти градусов...»

Фидель очень часто говорил об этом и в машине, когда он ехал на стройку, и на самой плотине. Ему, привыкшему к знойному климату Карибского моря, это казалось особенно непонятным и удивительным...

— Мы сегодня испытали на себе плюс пять градусов, — сказал Фидель. — Теперь мы можем представить себе, что такое минус пятьдесят градусов...

— Скажите, как здесь работали в такие страшные морозы? — без конца спрашивал он.

Он был бесконечно горд за наших людей, за героев

Братска и оставил в Книге почетных посетителей ГЭС такую запись:

«Для нашей делегации великая честь — открыть эту Книгу посетителей Братской ГЭС. Мы не заслужили такой чести и считаем это лишь проявлением безграничного благодарства героических строителей этого гигантского сооружения, которым может гордиться все прогрессивное человечество и особенно весь советский народ и его рулевой — славная Коммунистическая партия Советского Союза. Здесь можно видеть во всем величии и блеске торжество дела великого Ленина, который в одной фразе гениально обобщил: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Пусть вечно живет слава тех, кто создал первое в мире социалистическое государство и указал путь другим народам!

Пусть советский народ пользуется плодами своего необыкновенного труда!

Да здравствует сотрудничество и дружба между народами СССР и Кубы!

Фидель Кастро
Братск, 13 мая 1963 года».

...Фидель стоял на трибуне, которую образовали несколько «МАЗов». Он говорил о мужественных людях, создающих энергетические гиганты, о незабываемых встречах с ними. И они, эти люди — Борис Гайнулин, Владимир Казмирчук и многие-многие другие, восторженно аплодировали легендарному герою Кубы, пламенному вождю острова Свободы. Казалось, что кубинские гости, стоящие на трибуне, и тысячи братчан, собравшихся в эти минуты на стадионе, — солдаты одной армии — армии Революции, Свободы и Счастья.

НАШ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

В 1962 году, во время первой поездки, мы решили показать братчанам одно новое произведение. В Сибири была написана и в Братске закончена песня «Куба — любовь моя». И вот во Дворце спорта в Братске, где проходил очередной номер устного журнала клуба интернациональной дружбы «Глобус», Александра Пахмутова сказала братчанам, что сейчас они услышат новую песню. Она вспомнила о том, как принимается песня на радио или в издательстве. Собирается художественный совет, авторы исполняют свое произведение, выслушивают критические замечания, а потом художественный совет решает, «быть или не быть» новому произведению.

— Эта песня, — сказала Александра Пахмутова, — еще никому не была показана. Мы хотим ее проверить на такой большой и такой авторитетной для нас аудитории. Будьте, товарищи, нашим первым художественным советом. Будьте судьями нашего нового произведения.

К роялю подошел Иосиф Кобзон. Первые аккорды — и вот уже в зале звучит:

Куба — любовь моя!
Остров зари багровой...
Песня летит, над планетой звеня:
«Куба — любовь моя!»

Пахмутова волнуется... В песне довольно сложный аккомпанемент, от волнения она где-то «мажет». Но голос певца крепнет:

Мужество знает цель,
Стала легендой Куба...
Вновь говорит вдохновенно Фидель —
Мужество знает цель!

Певец произносит слова, как свою собственную клятву, горячо и торжественно, словно он говорит от имени сотен сидящих в зале людей, словно он говорит от имени тысяч людей в нашей стране и на далеком мужественном острове Свободы:

Родина или смерть! —
Это бесстрашных клятва.
Солнцу свободы над Кубой гореть —
Родина или смерть!

Раздались аплодисменты. Певца вызывали несколько раз. Значит, подумали мы, песня «принята», художественный совет братчан одобрил ее. И вот уже заканчивается выступление. Прочитана масса стихов, спето много песен, а из зала слышится:

— Ку-ба! Ку-ба! Ку-ба!..

Требуют повторить песню. И снова, с еще большим подъемом поет ее Иосиф Кобзон... Потом мы много раз слышали эту песню в его исполнении в Москве, в Колонном зале Дома союзов и в Государственном цирке, в спектакле «Карнавал на Кубе», на радио и на телевидении, но никогда с таким подъемом, с такой «отдачей», с таким темпераментом не пел певец эту песню, как тогда, в тот незабываемый вечер, перед нашим «импровизированным» художественным советом. И никогда больше мы не сдавали произведения такому горячему, такому взволнованному художественному совету. Мы поняли: песня получила путевку в жизнь. И еще мы поняли: самый лучший, самый волнующий и самый требовательный художественный совет там, в этом зале, где сидят люди, чьими трудовыми подвигами восхищается мир и для кого мы трудимся и должны трудиться всю жизнь. И пусть кое-кто в иных, весьма именитых художественных советах порой боится высказывать свое мнение, порой оно такое, что можно понять и так и этак: вроде бы и хорошо и вроде не очень, — здесь мнение всегда честное, категоричное, мнение опреде-

ленное и заинтересованное. Мы искренне желаем всем нашим друзьям, работающим в искусстве, испытать реакцию такого «художественного совета».

С тех пор мы показывали братчанам почти все наши новые произведения. Показывали не только в концертах, но и на радио, в записи, и дома, когда они приезжали в Москву. И не всегда, далеко не всегда, наши «художественные советы» проходили гладко. Немало горьких слов было высказано в наш адрес. Иногда, прослушав песню, ребята молчали, но по их глазам мы видели: что-то еще «не дожато», «не дотянуто», — и тогда мы садились работать снова.

И, конечно, мы отлично понимаем, что огромная часть аплодисментов, которая выпала в «Глобусе» на долю песни, относилась к Кубе, к ее великому народу, к ее вождю. Эта любовь вылилась потом, в мае 1963 года, в бурях оваций, которыми сибиряки приветствовали Фиделя. Но с тех пор, когда в концертах просили исполнить песню «Куба — любовь моя», когда на радио приходили заявки на нее или когда просто слышали, как где-то на улице, в клубе или в пионерском лагере поют эту песню, — мы вспоминали Братск, клуб интернациональной дружбы «Глобус» и наш рабочий «художественный совет», давший этой песне крылья.

КУБА — ЛЮБОВЬ МОЯ!

Куба — любовь моя!
Остров зари багровой...
Песня летит, над планетой звеня:
«Куба — любовь моя!»

Слышишь чеканный шаг?
Это идут барбудос.
Небо над ними, как огненный стяг...
Слышишь чеканный шаг?

Мужество знает цель.
Стала легендой Куба...
Вновь говорит вдохновенно Фидель —
Мужество знает цель!

Родина или смерть! —
Это бесстрашных клятва.
Солнцу свободы над Кубой гореть —
Родина или смерть!

Куба — любовь моя!
Остров зари багровой...
Песня летит, над планетой звеня:
«Куба — любовь моя!»

ПОЗАТОНУЛИ СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ...

Человек глядит в воду, в синюю глубь моря...

— Там я ее встретил, — медленно произносит он. — Мы бродили по зеленым тропинкам среди серых скал... Там такая дикая красота!.. Вы ее уже не увидите...

Мы смотрим в воду и думаем: «Конечно, не увидим. Не каждому дано ходить по дну моря и объясняться в любви на глубине нескольких десятков метров».

Но вот катер проходит еще вперед, и в разговор вступает женщина лет тридцати — тридцати пяти. Она тоже показывает в глубь моря и так же задумчиво, как о чем-то очень дорогом, говорит:

— Здесь была школа. Здесь я вела ребят от первого до третьего класса...

И тогда рыжеватый веснушчатый человек перебивает ее:

— А чуть-чуть правее был родильный дом... Там родились мои Бармалейчики.

«Бармалейчики» сидят здесь же, на катере. Они рыжие-рыжие, они очень походят друг на друга. За свой свирепый нрав, за ужасные проделки, приводящие родителей в трепет, они не случайно прозваны Бармалеями.

— Я старший Бармалей, а Мишка — младший Бармалей, — не без гордости произносит один из них.

Видно, им очень нравится терроризировать родителей и носить такие грозные имена.

Бармалейчики, конечно, не помнят того исторического здания, где они впервые взглянули на свет, но, слушая

разговоры взрослых, для солидности кивают головами и смотрят вместе с родителями вниз, под воду.

...Возникают перед глазами картины морского дна... Зеленые тропинки между серыми скалами... Фантастической красоты водоросли... Дома, похожие на подводные замки... И здание школы, заросшее зеленоватым мхом, облепленное морскими ракушками... Ворота, словно огромный сказочный грот, и медленно плывущие красноперые хвостатые рыбы...

Так и представляешь себе: выходят со дна морского, словно пушкинские тридцать три богатыря, ребята-строители... Выходят прямо из воды, из Братского моря... Только их не тридцать три, а сотни, тысячи... Но идут они такие же гордые, такие же красивые и непобедимые, как в древней сказке.

ИЗ ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА

Помнишь, друг, как в старой сказке,
В чешуе, как жар горя,
Поднялись со дна морского
Тридцать три богатыря?

Под водою оставив квартиры,
Словно воины, строим,
Из подводного царства,
Из подводного мира
Шагали на землю герои!

А теперь на Братском море,
Самом юном из морей,
Поднялся со дна морского
Легион богатырей!

Под водою оставив квартиры,
Словно в новую сказку,
Из подводного царства,
Из подводного мира
Шагают строители Братска!

Все ребята удалые,
Каждый молод, да не слаб.
Вместо дядьки Черномора
С комсомольцами прораб!

Под водою оставив квартиры,
Гидростанцию строить
Из подводного царства,
Из подводного мира
Выходят на землю герои!

...А может быть, вечерами сидит здесь, на берегу, кто-нибудь из ребят и смотрит на синюю гладь моря. Может быть, ждет он свою русалку и не может дожждаться... Вспоминает, как встречались они на улочках старого поселка Падун, как уходили гулять на сопки, в тайгу... Море затопило эти места, затопило едва приметные стежки-дорожки в густой таежной траве, а русалка давно уже уехала в другой город...

Так думали мы, когда в одно из воскресений катались вместе с братчанами по Братскому морю. Странные люди! У каждого из них где-то там, под водой, остались годы с их радостями и горестями, с любовью, с удачами и несчастьями, у каждого там, под водой, остался кусочек сердца, а они шутят, смеются, они словно иронизируют над ушедшими годами, затопленными темно-синей водой моря. Видно, крепко верят ребята в свое будущее, раз так говорят о прошлом! Значит, не будут никогда они сиднем сидеть на одном месте, а пройдут по земле веселыми непоседами и оставят после себя на карте новые города и моря.

Катер плыл по морю. На берегах повсюду мы видели группы людей. Братчане посвящали свой выходной туристским походам, пикникам, спортивным состязаниям — иногда серьезным, иногда шуточным. Где-то на берегу должен был начаться футбольный матч. Команды выстроились на импровизированном поле, и зрители увидели, что обе команды женские. Потом победительницы играли с мужской «сборной», и ребятам пришлось немало потрудиться, чтобы одолеть девчат, упорно защищавших свои ворота, где штангами служили обыкновенные пеньки.

Ребята с катера окликали тех, кто на берегу; и казалось, что одна огромная семья отдыхает сегодня на Братском море. А мы все сгрудились возле молодого человека с элегантными усиками и прической ежиком. Инженер Алексей Марчук, с которым мы совсем недавно познако-

мились, сидел на баке, играл на гитаре и пел. В темно-синих спортивных брюках, в расписной косынке на голове, он был очень живописен. Мы читали о нем в газетах, мы видели Марчука в хроникальном кинофильме «Битва у Падуна». Мы знали, что он с группой товарищей предложил удивительный по смелости проект перекрытия. На металлических трубах-основаниях, прорубавшихся сквозь толщу льда и укреплявшихся на дне, был построен мост. С него и велось перекрытие. Такого еще не было в практике мирового гидростроения. Имя Марчука стало известно далеко за пределами стройки... А сейчас Алексей, в спортивном костюме, с гитарой в руках, совсем не был похож на солидного инженера. Он знает тысячи песен, веселых и грустных, студенческих, туристских, народных. Он пел их на русском, украинском и английском языках. Пел заразительно, каким-то гортанным, хриловатым голосом, низким и мужественным. Он пел «Бригантину», «Черные брови, карие очи» и «Закури, дорогой, закури»; пел песни, сложенные в своем родном МИСИ, и песни, рожденные в туристских походах. А кому, как не Алексею, знать их — ведь он был и туристом и альпинистом, штурмовал ледник Федченко! И всегда и везде гитара была его неизменной спутницей.

— Давайте напишем песню о Марчуке! — обратились мы к Пахмутовой. — Только не очень «солидную», героическую, а простую, легкую. И назовем ее «Марчук играет на гитаре».

По глазам композитора мы поняли, что идея понравилась. Вскоре были написаны стихи, а еще через некоторое время и музыка. Что поделаешь, в стихах не было ничего об Алешином проекте, не было сказано ни о перекрытии, ни о диссертации. Песня, наверное, получилась несколько «легкомысленнее» своего прообраза, и мы задумались: может быть, не стоит называть ее «Марчук играет на гитаре»? Фамилию можно выбросить, оставив «прораб играет на гитаре» или «москвич играет на гитаре». Ведь это только одна и далеко не главная черта инженера, аспиранта, человека, пишущего хорошие стихи и талантливые очерки. «Марчук играет на гитаре...» Несолидно и нетипично! А, собственно, почему нетипично? На следующий год мы познакомились в Братске с инженером Александром Дне-

провским. Хороший специалист, он в любой работе находит свою «поэтическую» искорку. Взгляните на разноцветные прорабские домики на эстакаде — это его идея. Посмотрите, как он рисует, а главное, главное, если бы вы слышали, как он играет на гитаре! Не хуже Алеши Марчука, честное слово! К тому же Александр Днепровский сам сочиняет музыку. А потом... потом мы поехали на Усть-Илим, и в первой же палатке, в которую мы зашли, увидели парня с гитарой. Он был очень скромен, он не стал играть, он только рассказывал о своем «репертуаре», но ребята, его товарищи, живущие с ним в одной палатке, говорили: «Не будь у нас этой одной на весь поселок гитары, мы бы умерли со скуки в долгие зимние вечера. А сейчас услышит песня голос нашей семиструнной — и в гости к нам приходит...»

Наверное, все-таки прав был секретарь Иркутского промышленного обкома ВЛКСМ Анатолий Степаненко, когда мы спросили его уже в Москве:

— Анатолий Иванович, как вы считаете, стоит называть песню «Марчук играет на гитаре» или лучше обойтись так, без имени?

Анатолий Иванович подумал-подумал и ответил:

— Стоит! Лихо это звучит — «Марчук играет на гитаре»! Что-то очень достоверное и убедительное в самом слове «Марчук». «Москвич», «прораб» уже не то... И пусть Алексей не думает, что это лично про него песня. Таких Марчуков у нас тысячи!..

Наверное, в эту минуту Анатолий Иванович вспомнил и Сашу Днепровского, и парня с далекого Усть-Илима, и еще тысячи ребят из своей действительно комсомольской области. Он вспомнил их, известных и безымянных героев, рабочих и инженеров, строителей и геологов, никогда не расстающихся со своим чутким и нежным другом — гитарой. У них разные судьбы. Перед ними разные дороги — грейдеры строек и едва заметные таежные тропки, и все-таки они все очень похожи, когда задумчиво и ласково трогают струны гитары и будят ее человеческую душу.

И пусть не сердится на нас Алексей Марчук, что песня о них обо всех вышла в свет с его звонким именем.

МАРЧУК ИГРАЕТ НА ГИТАРЕ

Жизни не искал ты ласковой да гладкой,
И теперь припомнить вправе мы с тобой
Первую палатку,
Первую палатку,
Вьюги над замерзшею, над дикой Ангарой...

А нынче отстроенный Братск легендарен,
И катер по морю плывет.
Марчук играет на гитаре,
И море Братское поет...

Жил ты, друг и брат мой, в Братске так, как надо,
Пел про бригантину, делал чудеса.

И над эстакадой,
И над эстакадой,
Кажется нам, краны поднимают паруса...

А птицы летят и летят над плотиной,
И солнце над морем встает...
Марчук поет про бригантину,
И море вместе с ним поет...

Все у нас сначала, сколько б ни прошли мы.
Будет вновь в тайге морозная зима...

Там, на Усть-Илиме,
Там, на Усть-Илиме,
Все начнется снова, словно молодость сама.

Тайге его ярый характер известен,
Зовет его в путь Усть-Илим.
Идет по жизни он — и песни,
Как чайки, кружатся над ним...

Ни годы, ни вьюги его не состарят,
Мечта с ним по жизни идет...

Марчук играет на гитаре,
И море Братское поет...

«ОТВЕТЕТЕ БРАТСКУ!»

(Наряд на работу)

После первой нашей поездки в Сибирь мы снова часто встречались в Москве. И теперь на этих встречах то Пахмутова, то Кобзон, то кто-нибудь из нас все чаще говорил:

- А помнишь, там, в Братске?..
- А помнишь, на ЛЭПе?..
- А помнишь?..

Эти «а помнишь?» не давали нам спокойно жить, они беспрестанно возвращали нас на берега Ангары, к друзьям, оставшимся в Братске. Где-то там, на эстакаде, в «газиках» и грузовиках, на которых мы передвигались по ухабистым сибирским дорогам, остались среди запыленных гаек и осколков диабазы кусочки наших сердец и звали нас, звали снова в путь на восток...

Мы очень благодарны комсомолу Братскгэсстроя.

Часто бывает: приезжает подобная группа, и деловые лица, организующие поездку (в том числе и комсомольские работники), следят только за тем, чтобы «артисты» побольше выступали, побольше было бы проведено «мероприятий» (читай: концертов). Все правильно, выступать надо, и выступать надо много. Но порою уезжают после этого творческие работники с холодными глазами людей, увидевших за рампой клубной сцены только похожие друг на друга лица зрителей, которых они встречают каждый день, на каждом своем выступлении.

Комсомольцы Братска поняли главное: они поняли, что надо не только как можно больше использовать нас в каче-

стве «артистов», но и зажечь, увлечь романтикой стройки, показать гидростанцию, да не просто показать, а поstarаться подружить нас, москвичей, с коренными братчанами, с людьми, о которых мы либо только читали в газетах, либо случайно встречали в документальных фильмах.

Хитрые они люди, эти братчане! Наверное, они рассудили так: «Если приезжающие к нам побольше увидят, то, может быть, кое-что западет им в душу и они что-то и напишут. А раз надо будет писать, пусть они получше узнают то, о чем им придется рассказывать в своих песнях».

Дорогие товарищи комсомольские работники! Мы твердо знаем, что мы в долгу перед нашими современниками, что еще мало, еще не всегда удачно пишут у нас о людях, совершающих удивительные, потрясающие весь мир подвиги. Но, товарищи, и вы в долгу перед творческими работниками, честное слово! Ведь даже машину, прежде чем включить третью скорость, надо завести. Сумел же секретарь Иркутского промышленного обкома комсомола Анатолий Степаненко так «завести» нас, что мы теперь всерьез думаем — Иркутская область самая лучшая на белом свете! О Байкале мы, конечно, слышали, но то, что в недрах Иркутской области очень много элементов из периодической системы Менделеева имеется, — честное слово, не знали! Он вынул из шкафа баночку с темной маслянистой жидкостью. Это была нефть, знаменитая «кембрийская» нефть, найденная в Сибири на реке Лене, в Маркове. Нефть, редкая по качеству, нефть, которую без всякой дополнительной очистки можно заливать в двигатели, — она была похожа на гематоген, словно это не нефть, а густая, горячая кровь машин.

Степаненко показал нам сотни писем добровольцев из разных концов страны, рвущихся поехать туда, в Марково, на разработку богатых кладовых нефти. А сколько он нам рассказывал о молодежи своей области, работающей на стройках, заводах и в геологических партиях! И теперь, когда мы вспоминаем о Сибири, мы видим перед собой ребят-комсомольцев на Лене и Ангаре, где-нибудь в предгорьях Саян или на закутаных туманами таежных сопках, на стройках, рудниках и горнообогатительных за-

водах, ребят, которые живут там и работают, ищут и находят свое счастье и счастье Родины и, конечно, как и положено юным, влюбляются.

ЛЕНА

Первая сибирская красавица —
Голубое платье, синие глаза...
А в глазах, как в зеркале ясном, отражается
Солнечного неба бирюза.

И всегда неизменно
Говорю не тая:
«Я люблю тебя, Лена,
Я люблю тебя!»
И всегда неизменно,
Говорю не тая:
«Я люблю тебя, Лена,
Дорогая моя!»

Очень часто ходим мы с ребятами,
Хоть, быть может, нас ты и не ждешь,
Слушать, как лиловыми, вешними закатами
Песни ты таежные поешь.

Ласковая, солнечная, славная,
Но тебя видал я и другой:
Иногда такой была ты своенравною —
Спорить не решался я с тобой!

Мне характер твой упрямый нравится.
Ты приворожила сердце паренька,
Лена, Лена, русская, русская красавица,
Лучшая сибирская река!

И всегда неизменно
Говорю не тая:
«Я люблю тебя, Лена,
Я люблю тебя!»
И всегда неизменно
Говорю не тая:
«Я люблю тебя, Лена,
Голубая река!»

Уезжая из Братска в августе 1962 года, мы получили «наряд на работу». Самый настоящий, по полной форме: «Фамилия — Пахмутова Александра Николаевна.

Призвание — композитор.

Задание — написать песню о Братске, достойную наших ребят.

Срок исполнения — до 31 декабря 1962 года.

Бригадир такой-то».

Итак, наряд на работу получен. Надо его выполнять. Время от времени в квартире кого-нибудь из нас раздавался телефонный звонок: «Ответьте Братску!»

Звонил кто-нибудь из знакомых братчан, рассказывал о себе, интересовался нашими делами. Мы отвечали, отшучивались, острили, но понимали, что за этими словами есть какой-то другой, скрытый смысл.

«Ответьте Братску!» — это означало ответьте ему за заботу, за прием, оказанный вам в Сибири.

«Ответьте Братску!» — это означало, что там люди строят, люди совершают подвиги, досрочно сдают агрегаты, а мы должны им ответить хоть одним стихотворением, хоть одной песней.

Очень многое слышалось нам за сухими словами телефонистки: «Ответьте Братску!»

Надо сказать, что мы действительно немало работали. С композиторами Пахмутовой и Чичковым задумали два цикла песен о Сибири. Первые ласточки стали появляться. Где-то в концерте впервые прозвучали «Девчонки, танцующие на палубе».

Зимой проходил телевизионный конкурс под девизом «К звездам». Мы с композитором Чичковым решили, что земные дела наших друзей-сибиряков тоже помогли нашей стране вырваться на космические трассы, и отослали на конкурс песню «Таежные костры». Она собрала много хороших отзывов телезрителей и, несмотря на то, что формально была как будто «не на тему», получила премию.

Однако не все шло так гладко. Еще осенью 1962 года мы написали песню «ЛЭП-500». Зимой показывали ее приезжавшим в Москву братчанам. Ребята были очень рады, что появилась песня о тех, кто работает на самом трудном

участке — на ЛЭПе. Но в Москве нам часто приходилось слышать:

- Как называется песня?
- «ЛЭП-500».
- Как?!
- «ЛЭП-500».
- А что такое ЛЭП?

Мы отвечали, что ЛЭП — это значит Линия электропередач, что они, эти линии, тянутся через всю страну. Стоит выехать за город, как можно увидеть своими глазами могучие опоры с серебристыми струнами проводов. Мы говорили, что лэповцы работают не только в Сибири. По всей стране тянут они высоковольтные линии к городам, к заводам, к глухим поселкам и деревням. Мы были убеждены в том, что пора и в песню входить новым словам, новым понятиям, в которых, как в фокусе, сосредоточены приметы нашего времени, приметы сегодняшнего дня. Ведь вошел в свое время в песню паровоз. Тоже, наверное, поначалу странно было, а потом уже никого не удивляло:

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне остановка.

Говорят, что эти крылатые слова родились в тех самых железнодорожных мастерских, в которых работал Николай Островский. А может быть, именно он и был автором этой революционной песни?..

Так почему же сейчас, когда вокруг столько необычного, не виданного ранее, иных смущают новые, может быть, еще не всем привычные слова? Нам хочется, нам очень хочется, чтобы о лэповцах пели песни, — они достойны этого! Значит, те, кто сейчас спрашивает «что такое ЛЭП?», должны узнать об этом. Им всем надо объяснить, рассказать об этом своими словами. И вдруг кого-то из нас осеняет:

— Есть выход! Новая песня, которая так и будет называться «Что такое ЛЭП?».

Садимся за работу. Немедленно! Тут же! Пишем несколько вариантов. Стараемся выбрать проще, лаконичнее. Главное — сказать о том, что делают люди, которых называют лэповцами.

И вот, наконец, найдено, кажется, самое точное.

А песня
идет за нами,
Слышишь
слова-шаги:
«Солнце
своими руками
Над Родиной зажги!»

Да, эти люди зажигают солнце, зажигают своими руками! Это главное. Это объяснение, что такое ЛЭП. В окончательном виде песня звучала так:

ЧТО ТАКОЕ ЛЭП?

ЛЭП — это просека в дикой тайге,
Где люди шагают навстречу пурге,
Где делим мы поровну песню и хлеб, —
Вот что такое ЛЭП!

А песня идет за нами,
Слышишь
слова-шаги:
«Солнце
своими руками
Над Родиной зажги!»

Сосны стальные могучих опор
Вступали с таежными соснами в спор,
Чтоб линия шла от угла до угла
Ровная, как стрела.

Спряталось солнце в стальных проводах —
Оно запыляет в больших городах...
А мы с тобой новую трассу тянуть
В дальний уходим путь.

А песня идет за нами,
Слышишь
слова-шаги:
«Солнце
своими руками
Над Родиной зажги!»

КАК УВИДЕТЬ ВСЕ СНАЧАЛА?

В 1962 году Алексей Марчук сказал нам:

— Почему вы приехали так поздно?

Мы это сами почувствовали: мы приехали поздно. Мы не видели знаменитых Падунских порогов — они уже затоплены.

Мы не видели первого палаточного городка, названного строителями «зеленым городом». Его давно нет, на его месте стоят красивые двухэтажные коттеджи.

Мы не видели, как вырубали тайгу, как рыли котлован, мы не видели, как перекрывали Ангару.

Словом, приехали мы слишком поздно. Это ясно.

Как увидеть самое начало? По фотографиям? По кинохронике? По рассказам? В какой-то мере это дает представление, но когда видишь собственными глазами...

— Скажите, а куда вы после окончания стройки? — спрашивали мы ребят в Братске.

И почти всегда ответом было:

— Наверное, на Усть-Илим.

Так впервые мы услышали это странное слово «Усть-Илим». Оказывается, это устье реки Илим. Там предполагалось строительство новой гидроэлектростанции, еще более крупной, чем Братская.

Осенью в Москву приехал Фрэд Юсфин, главный диспетчер строительства Усть-Илима. Он рассказывал о ребятах, начавших строить дорогу на Усть-Илим, о кострах где-то возле Кашимских болот, о самых первых «старожилах» Усть-Илима — геологах. Зимой, на «газике», по за-

мерзшей Ангаре совершил путешествие на Усть-Илим секретарь ЦК ВЛКСМ Ю. В. Торсуев. Он привез приветы от братчан и дыхание скованного льдами Усть-Илима.

Мы поняли: все то, что нам не удалось увидеть в Братске, можно увидеть на Илеме. Надо снова ехать в Братск! Значит, снова идем в ЦК ВЛКСМ, снова просим отправить нас на восток. И хотя в командировке сказано «в Братск», для нас это означает — на Усть-Илим, потому что молодость Братска, вернее, даже его «детство», нынче — это Усть-Илим.

...1963 год. Июль. Мы снова в Иркутске. Не успели войти в номер гостиницы, как раздался звонок.

— Ответьте Братску!

— Кто у телефона?

— Это я... Я — Юсфин. Я — Фрэд.

(Голос взволнованный. В чем дело?)

— Я с вами хочу серьезно поговорить.

(Мы насторожились. Волнение на том конце провода мгновенно передалось нам. Фрэд даже не спросил, как мы долетели. Что случилось?)

— Ребята, ответьте честно: вы действительно хотите поехать на Усть-Илим?

— Да, мы в общем-то собирались...

— Тогда надо не «в общем-то собираться», а железно стоять на своем. — В голосе Фрэда появились низкие разговорческие нотки. — Катер есть, баржа тоже... Я все подготовил... Только помните: поездка состоится, если будете...

— «Железно стоять на своем»?

— Да.

— А в чем дело?

— Да тут у нас разные чудачки считают, что вам не за чем ехать на Усть-Илим.

Уже в Братске выяснилось, что «разными чудачками» оказались друзья Фрэда — Шохин и Марчук. Для них Усть-Илим еще не стал таким же родным, как для Фрэда, пока они были еще всем сердцем в Братске.

— Ну зачем вам ехать на этот Усть-Илим?

— Как зачем? Посмотреть...

— Да там еще и смотреть нечего!

(Значит, уже забыли, как сами жили в Братске, когда еще «смотреть» было нечего.)

— Там же пока всего несколько палаток.

(Здорово, значит, побываем в палатках, посмотрим, как все это начинается! Зачем же ты нас отговариваешь, Леша Марчук, ведь сам говорил, что в Братск мы приехали слишком поздно.)

— Там же комары, мошка!

(Тоже здорово! Ведь в Братске буквально за неделю до нашего первого приезда, как по заказу, исчезла мошка. Какие же мы «таежники», если до сих пор даже не «покорили мошку»!)

— В конце концов плыть туда просто опасно. На реке — пороги...

(Ого! Значит к тому же путешествие будет хоть немножко опасным? Это совсем здорово! Тем более надо стоять на своем «железно»!)

Мы были непоколебимы. Мы были настолько непоколебимы, что, поняв это, братчане не стали больше нас отговаривать. Вечером перед отъездом на Усть-Илим они пришли с нами прощаться. Глаза у них были грустные. Может быть, они хотели, чтобы мы подольше побыли с ними в Братске, а может быть (о, как нам это льстило!), они волновались за нас — ведь путешествие действительно могло быть опасным...

«КАМА» ПЛЫВЕТ ПО АНГАРЕ

«Пианино № 14844, артикул 102. Корпус чернополированный. Верхняя рама с гравированным украшением. Резонансная дека покрыта лаком. Клавишный механизм усовершенствованной конструкции. Диапазон — 7 октав. Контрольный мастер Волкова».

Ее звали «Кама». Чернолакированная, с гравированным украшением, к тому же еще усовершенствованной конструкции. Так сказано в технической характеристике, под которой поставила свою подпись контролер товарищ Волкова.

«Кама» плыла по Ангаре. «Кама» плыла на барже, которую тянули катера «ГЭС-34» и «ГЭС-32». И если взглянуть на нее с самолета, «Кама» выглядела бы маленькой черной ласточкой, севшей на корму огромной баржи. Она действительно была ласточкой — первой музыкальной ласточкой, пробирающейся на далекий Усть-Илим. Если бы «Кама» понимала не только нотную азбуку, она, наверное бы, услышала, как люди на барже говорили, что в поселке Строителей еще нет клуба, что даже неизвестно, где поставят ее на первое время, — и у нее наверняка забилось бы сердце, как у новоселов, которые едут и не знают, что будет дальше, как сложится их жизнь, что встретит их на новых, неизведанных местах. Но где-то в глубине души «Кама» гордилась бы, что она едет первой, самой первой среди своих подруг!

«Кама» стояла на борту и удивленно рассматривала незнакомые ей ангарские берега — таежные сосны, скалы, сиреневые от зарослей иван-чая...

Стал накрапывать дождь, и люди, ехавшие на барже, начали укутывать ее брезентом. Люди знали, что пианино вещь тонкая, деликатная. И если «Кама» «заболеет», она, конечно, ужасно расстроится, начнет фальшивить — и тут уж не ждите от нее ничего хорошего... И не дай бог тогда иметь с ней дело ни исполнителю, ни слушателю!..

Так думали люди, а «Кама», закутанная брезентом, поживаясь от холода, представляла себе, как приедет она в незнакомые места, как будет жить там в маленьком, плохо оборудованном красном уголке.

Когда-нибудь в тех местах построят город, привезут во Дворец культуры и в клубы новые инструменты, а она, уже совсем расстроенная и больная, будет доживать свой век где-нибудь за кулисами старого красного уголка. Во дворцах из стекла и бетона будут сверкать лакировкой огромные черные рояли, не знавшие ни путешествия по холодной таежной реке, ни простуды от бесконечных дождей... Приедут знаменитые пианисты. Святослав Рихтер сядет за инструмент и, на мгновение склонив голову над клавиатурой и упрямо сжав губы, вдруг бросит в зал каскады певучих, страстных, как жизнь, звуков... Другие артисты будут петь новые песни жителям огромного города на Ангаре, а те песни, с которыми дружили первые строители, подбирая их робкими, загрубевшими от работы паль-

цами на ее клавиатуре, все давно забудут... И вот тогда вспомнит «Кама», что ведь когда-то ее ласково называли ласточкой, первой ласточкой, что она была красивой, самой красивой ласточкой на Усть-Илиме, потому что тогда у нее не было соперниц. Она вспомнит и этот брезент, которым ее только что накрыли, она вспомнит, как осторожно-осторожно ехал лихач шофер по тайге... Он вез ее бережно, как драгоценную фарфоровую вазу, боясь малейшего толчка, потому что он вез ее к строителям, которым она была нужна, может быть, не меньше хлеба и солнца. Она вспомнит пальцы Тер-Гевондяна, тонкие музыкальные пальцы геолога, от прикосновения которых ей хотелось петь! Она вспомнит, как в самую первую ночь на Усть-Илиме, когда после концерта ее оставили на барже, началась гроза и Фрэд Юсфин бежал босой по непролазной грязи с обрыва к реке, бежал, спотыкаясь и падая, чтобы убедиться, хорошо ли укрыта она, «Кама», спасется ли она в такую страшную ночь... И подумает «Кама» о том, что жизнь все-таки прожита не даром, и пускай на смену ей пришли новые инструменты, пускай на смену старым пришли новые песни, — если бы не было ее и не было старых песен, может быть, не было бы и их, как не было бы ни стройки, ни гидростанции без геологов, без изыскателей — без всех тех, кого в народе называют «первопроходцами»...

ПЛАВУЧАЯ СЦЕНА

С одним членом нашего экипажа вы уже познакомились. Это действительно была она, «Кама». Кроме нее, еще плыли Александра Пахмутова, певцы Иосиф Кобзон и Виктор Кожно, нас двое и Фрэд Юсфин, страшно довольный, что мы «стояли железно» и путешествие все же состоялось.

...В жаркий солнечный день начался наш путь на Усть-Илим. Солнце палило нещадно, однако мы очень скоро вспомнили о свитерах и фуфайках, оставленных в Москве. От студеной ангарской волны было довольно холодно. Предусмотрительный Фрэд выдал нам два полушубка (на пятерых) и каждому по спальному мешку. Вечерами мы попеременно отогревались в полушубках, а окончательно замерзнув, залезали в спальные мешки.

Что это за чудо — спальный мешок! Неказистый с виду, он таит в себе неисчерпаемые запасы тепла и уюта. Заберешься в него окоченевший, продрогший, а через несколько минут чувствуешь себя на вершине блаженства — мягкое тепло стеганого ватного одеяла окутывает тебя со всех сторон, и только нос, выглядывающий наружу, сигнализирует, что ночи на Ангаре холодные и ветреные. Наверное, оттого, что мы залезали в мешки поздно ночью, уже окончательно замерзнув, мы только в самом конце путешествия обнаружили, что в мешках, кроме одеял, имеются еще и простыни. Увы, в те холодные ночи нам было не до них...

...Сколько раз приходилось нам вспоминать похожий на легенду рассказ старика об Ангаре! Когда мы отплы-

вали от Братска, она была тихая и смиренная, она смотрела на нас спокойными зелеными, действительно какими-то колдовскими глазами. Словно знала Ангару, что не раз мы будем стоять и замороженно глядеть на нее — то такую же спокойную и ленивую, то бурную и стремительную в сужениях и на перекатах, называемых здесь «шиверами».

Ангарские берега, подчас пологие, но большей частью высокие, обрывистые, то обнажали свои «лиловые плечи» — голые, без единого кустика скалы, то вдруг поражали буйной, неистовой растительностью. Сосны, лиственницы, березы, расталкивая друг друга, выходили на самый берег, чтобы поглядеть на зеленоглазую реку, да так и оставались стоять здесь, околдованные ее красотой. Честное слово, глядя на нее, было немного страшно: казалось, что и в тебе не хватит сил расстаться с ней, оторвать от нее глаз!..

Иногда на берегу проплывала мимо нас деревенька: несколько домиков и луга, отгороженные от тайги — вернее, от зверья, которого тут пропасть, — высоким забором. И снова тайга...

...Прошло несколько часов, наступил вечер, и мы вспомнили, что едем не только любоваться природой.

Возле деревни Дубынино, перед Дубынинскими порогами, мы остановились на ночлег. Собралась команда катера, подошли местные жители и вопросительно взглянули на пианино. Брезент, укрывавший «Каму» от дождей, напоминал театральный занавес. Он чуть-чуть колыхался. Казалось, что где-то там, за этим занавесом, на сцене идут последние приготовления: артисты поправляют парики и костюмы, рабочие вбивают последний, самый необходимый на сцене гвоздь, а помощник режиссера бегаёт с суфлерским экземпляром пьесы, еще не веря в душе, что через пять минут начнется спектакль и все станет на свои места. Итак, брезент на пианино предательски заколыхался, и мы поняли, что «занавес надо поднимать».

Нам приходилось выступать и в театрах, и в клубах, и в парках. Были большие сцены и маленькие эстрадки, но такого... такого еще никогда не было.

Сцена — небольшая часть баржи между пианино и ящиками с запчастями для машин и экскаваторов. Вместо фонарей и театральных прожекторов с катера освещал лица артистов. Между баржей и берегом, словно оркестровая яма, зияла черная неподвижная ангарская вода. А на берегу партер, амфитеатр и балкон обозначены были только горящими высокими кострами.

Тишина... Наверное, ни один зрительный зал в мире не может подарить артистам такого трепетного ожидания. Только чуть слышно потрескивали сучья в кострах да за кормой плескались рыбы.

Наши солисты Кобзон и Кохно, привыкшие к шумным концертным залам Москвы, волновались, наверное, ничуть не меньше, чем там.

Кохно в черном костюме, с черным накомарником на лице (комары заявили о своем существовании буквально в нескольких километрах от Братска), освещенный тусклыми отблесками костров, напоминал молодого средневекового рыцаря. А когда он пел «Письмо на Усть-Илим», казалось, что те самые зеленые звезды, о которых говорится в песне, вышли на небо, чтобы послушать песню о них, и таежные костры смотрели на солиста своими действительно рыжими глазами...

И Кохно и Кобзон пели вдохновенно, их звонкие голоса неслись куда-то далеко-далеко в тайгу. Зрители слушали затаив дыхание, почти не хлопали, а только изредка произносили «еще!», «пожалуйста, еще!». Артисты пели, понимая, что такие слова теплее иных самых горячих аплодисментов, понимая, что успех этот дороже всего на свете.

А потом артисты вместе со зрителями пили крепкий, пахнущий дымом таежный чай, о чем-то вздыхали сосны, и костры переговаривались друг с другом на своем огненном языке...

Только сейчас, во время этого путешествия, мы поняли, какая это радость, какое счастье — костер в тайге!.. Недаром о нем сложено столько песен, недаром его называют своим лучшим другом геологи и изыскатели. Наверное, так же грелись у костров самые первые строители Братска, наверное, так же мечтали они и пели песни — и значит, не зря верили ребята этому пляшущему от радости свету, потому что все самые пламенные мечты их сбылись.

6 С. Гребенников, Н. Добронравов

ТАЕЖНЫЕ КОСТРЫ

...Эти дни уже становятся легендой —
Помнишь берег непокорной Ангары,
И в палатке мы — вчерашние студенты,
А вокруг горят таежные костры?..

Сидят у реки комсомольцы,
Сидят до зари вчетвером,
И песен легкие сиреневые кольца
Летают над костром...

Нынче светлые здесь выстроились зданья,
Только те воспоминания остры:
Три палатки, да метели завыванье,
Да продрогшие таежные костры...

Очень жаль, что мы, ребята, повзрослели
И без нас уже в низовьях Ангары
Будут ветры, и палатки, и метели,
Будут новые таежные костры!..

Сидят у реки комсомольцы,
Сидят до зари вчетвером,
И песен легкие сиреневые кольца
Летают над костром...

Уже начинало светать, когда мы залезли в спальные мешки, чтобы наутро продолжить это удивительное путешествие.

На следующий день стало ясно, что к путешествию мы не готовы, не готовы элементарно. Вероятно, отправлявшиеся в туристские походы пионеры подняли бы нас на смех, увидев, как, сварив наутро уху, каждый из нас занялся изобретением предмета, коим можно было бы вкусить этого волнующего своим ароматом блюда. Кобзон старательно выдалбливал в огромной, неизвестно откуда добытой щепке углубление, однако проклятая деревяшка никак не хотела принимать форму ложки. Кто-то прокаливал на огне (видимо, ради дезинфекции) ручную пилу, надеясь с ее по-

мощью полакомиться ухой. И вот что ужасно: чем труднее нам было этими «орудиями» отправлять пищу в рот, тем вкуснее она казалась, тем больше завидовали мы обладателям удивительных, десятки веков назад изобретенных человечеством столовых предметов!

Наши мучения кончились только днем, когда, прибыв в деревню Нижняя Шаманка и обнаружив, что магазин закрыт, мы все-таки разыскали продавца, умолили его вернуться к прилавку и продать нам по паре (вероятно, думали — по одной не хватит!) настоящих, расписных, деревянных ложек.

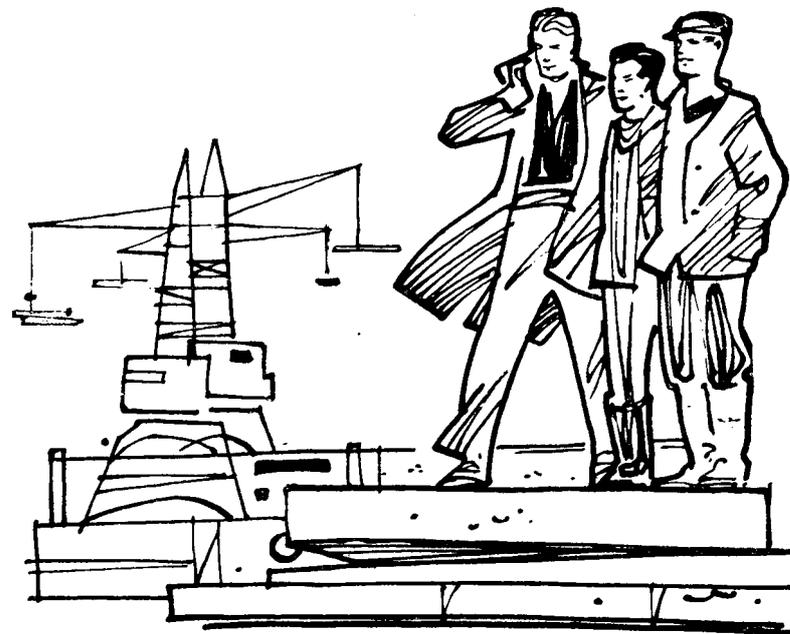
ПОМОЖЕМ!

Кто-то из братчан сказал нам однажды: — До чего же мудрыми были наши предки! Нашли это замечательное слово — «Братск»! Лучшего названия нашему городу нельзя и придумать. Брат, Братск, братский... Здорово!

Знал ли он точно, откуда произошло название Братск? Едва ли. Наверное, как и мы, думал, что слово «Братск» — производное от «брат». Однако Василий Михайлович Рудых, заместитель «мэра» города, придерживается теории, что слово «братский» произошло от «бурятский». Когда в семнадцатом веке возле острога выросло в этих местах довольно крупное поселение, русские люди так называли всех таежных жителей — и бурят и эвенков.

А может быть, как и большинство сибирских деревень, жили здесь в старину только близкие родственники. Возможно, основали это поселение несколько родных братьев, в честь чего и назвали эти места несколько веков назад Братской округой.

Но все-таки не будь советской власти, не развернись на берегах Ангары великая стройка, так и не было бы оправдано до конца это мудрое древнее слово, в котором для нас звучат и теплота хороших человеческих отношений и верность интернациональной дружбе. Ведь не будь Братской ГЭС, не встретились бы на берегах Ангары русский Алексей Шохин и армянин Тер-Гевондян, не встретились бы в одной бригаде татарин Александр Имамиев и украинец Владимир Казмирчук. Говорят, что нет у нас в Совет-

ском Союзе национальностей, которая не прислала бы своего «делегата» в Братск. В городе со сотысячным населением работают представители почти всех национальностей Советского Союза: украинцы, евреи, белорусы, латыши, грузины, русские — все живут действительно единой, дружной семьей, работают бок о бок, по-братски делят любые трудности.

Братск оправдывает свое название. Мы это видели в свой первый приезд в 1962 году, мы увидели это в 1963-м на барже, медленно передвигающейся к Усть-Илиму.

Вместе с нами еще в Братске на баржу погрузилось трое ребят. Держались они все время как-то в стороне. Издалека наблюдали за прогуливающимся по палубе рядным Кобзоном, молча все вместе подходили, помогали передвинуть пианино и снова уходили куда-то к себе, за огромные, сложенные штабелями двери и оконные рамы едущих на Усть-Илим сборных домиков. Было ясно: эта

троица неразлучна. Они почти без слов понимали друг друга. Если один разжигал костер, другой уже в это время разделывал рыбу, третий чистил картошку для ухи.

Мы наблюдали за ними и думали: наверное, эти ребята дружат уже давно, с детства. Бывает же так: еще на школьной скамье решают трое закадычных друзей вместе шагать по жизни, вместе отправиться когда-нибудь в незнакомые края, на поиски синей птицы счастья... А может быть, думали мы, это ребята из одного полка, одной роты. Подружились еще в армии, во время нелегких солдатских будней, а теперь демобилизовались и едут вместе начинать новую жизнь в «гражданке». Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что познакомились-то они в общем совсем недавно! Двое с Алтая, а третьего «подобрали» по дороге. Едут на Усть-Илим.

— Вот услышали, что новая стройка начинается. Решили: поедем, поможем.

Как здорово сказано: «Поедем, поможем!» Оказывается, они все трое механизаторы, экскаваторщики. Знают ли они, что, возможно, первое время придется работать не по специальности?

Да, знают.

Знают ли они, что, вероятно, из-за этого они будут получать сначала гораздо меньше, чем дома, на Алтае?

Да, знают...

Но они еще знают, что Родина начинает новую стройку. «Поедем, поможем!» — вот что для них главное.

— А как вас зовут, друзья? Давайте познакомимся...

— Солопов Александр Михайлович.

— Пан Анатолий Николаевич.

— Франц Генрих Генрихович.

— Простите, Генрих Генрихович, тут вас все называли Андрюшей. Мы думали...

— Да, меня многие так зовут. Но по паспорту-то я Генрих. Генрих Франц. Немец я по национальности. С Поволжья выходец. Тут у нас такая, можно сказать, интернациональная бригада: Пан Толя — кореец, а Солопов Саша — русский.

Мы пригляделись к ним. Высокий, светловолосый, с голубыми глазами и типично русским лицом Александр Солопов, небольшого роста черненький, скуластый Анатолий

Пан и чуть рыжеватый, с добрым, несколько флегматичным лицом, видимо склонный к полноте, Генрих Генрихович... Так вот что объединило этих разных людей в одно целое, объединило так, что они казались нам первое время буквально родными братьями! У них был общий пароль, у них у троих было в сердце одно волшебное слово — «поможем!».

Наверное, это слово звучало на стройках первых пятилеток. С ним, таким простым и человеческим словом, поднимались народы в Великую Отечественную. «Родина в опасности!» — «Поможем!» — слышалось в украинских мазанках, казахских юртах, в горных саклях, и шли со всех концов необъятной нашей земли люди, чтобы в жестоком бою спасти свое Отечество.

«Поможем!» — звучит сейчас на ударных стройках, и можешь не сомневаться, Родина, — что бы ты ни задумала свершить, всегда, отовсюду, ото всех наших народов ты услышишь в ответ простое, испытанное временем слово «поможем».

Мы счастливы, что видели это своими глазами. Мы считаем, что познакомились с молодостью Братска, потому что так же несколько лет назад ехали в Братск по трое, а может, пятером, может, десятером молодые ребята, люди разных национальностей, образовавшие на земле новую, непобедимую «национальность» — братчане...

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА РЕЗНЫМИ СТАВНЯМИ?

Все дальше и дальше на север плывем мы...

Высокие сосны с царственной сединой хвои машут нам тонкими ветвями, нежные лиственницы в ярко-зеленых платьях с любопытством глядят на нас с берега. И березы, родные русские березы словно твердят нам: «Смотрите, смотрите и помните: Сибирь — это тоже Россия. Сибирь — это исконно русская земля».

Почти триста километров от Братска до Усть-Илима по реке, но не так уж много деревень попало нам на глаза за весь этот многокилометровый путь: Тенга, Бурнино, Московское, Матера, Дубынино, Седаново, Подьяланка, Нижняя Шаманка, Воробьево, Закурдаево — можно пересчитать по пальцам. Да и то большинство этих деревень, видимо, как-то сами по себе прекращают свою освященную древностью и традициями жизнь. Отживают свой век серые, сколоченные на века бревенчатые избы. Угрюмо из-за резных ставен и наличников смотрят они безжизненными глазами на реку и не понимают, что происходит вокруг. Нам даже с баржи показалось, что деревни наполовину пусты. Когда мы в Закурдаево сошли на берег, поняли, что наше предположение подтвердилось. В деревне, насчитывающей, наверное, десятка два-три дворов, жилых осталось всего три дома. Старик Георгий Игнатьевич, бакенщик да пастих — вот, пожалуй, и все «население» этой древней сибирской деревни.

Прошли мы по опустевшим избам, зашли в «школу» — помещение, где еще, наверное, несколько лет назад учились

в младших классах те, кто, собственно, и сагитировал стариков родителей покинуть насиженные места. Добротно сложенные дома, с массивными столами, с серыми угрюмыми лавками, с огромными неразобранными печками выглядят как памятники чему-то далекому и навсегда ушедшему. Ветер врывается в полуоткрытые двери и, повоевав недолго с затхлым запахом старины, убегает снова на волю, к дышащей вечной свежестью Ангаре.

Что заставило людей покинуть насиженные места? Говорят, что через несколько лет, в связи с постройкой ГЭС, большинство этих деревень окажется на дне реки. Люди могли бы остаться, получить деньги за затопленные дома и тогда уже уходить на новые места. И все-таки люди ушли теперь. Почему? Видимо, дыхание времени раньше разлива Ангары долетело сюда. Оно долетело в самые отдаленные «медвежьи уголки», где действительно иные старики, выдавшие в небе пролетающие самолеты, еще никогда в жизни не ездили по железной дороге, ни разу в жизни не видели ни паровоза, ни трактора. Из века в век занимались здесь охотой, рыболовством да своими небогатыми огородами, и подслеповатые окна вросших в землю домов смотрели на мир угрюмо и строго, словно лики святых на почерневших от времени иконах.

Но дыхание иной, радостной жизни долетает и сюда. Новое и страшит и манит. И вот,

крепко подумав, решают жители маленьких разрозненных деревень объединиться и перейти на жительство куда-нибудь в более крупные поселения. Большинство же молодежи тянется к могучим гидростанциям, к заводам и стройкам, ко всему тому, что мы объединяем под удивительно емким словом «современность». Окончив несколько классов в сельской школе, они уже не удовлетворяются достигнутым, они хотят учиться дальше, знать больше.

Ребята уходят из деревень, уходят вместе с родителями и родными. Это не значит, что они легко расстанутся с обжитыми местами, с привычным укладом жизни. Это не значит, что им не дорога их родина, что не слышат они, как, прощаясь с ними, вздыхает тайга. Они уходят, чтобы вернуться сюда вновь изыскателями, строителями, чтобы по берегам их родной реки вместо угрюмых бревенчатых домов вырастали такие же молодые, как они, дома, поселки и города.

И, кажется, провожая их, тянутся к небу чуткие зеленые антенны таежных сосен и лиственниц и прислушиваются, прислушиваются внимательно и настроенно к доносящемуся откуда-то с верховьев реки, из Иркутска, из Братска дыханию времени...

О КОМ НАПИСАНА «ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ»?

О ком написана «Песня о тревожной молодости»? Поэт Лев Ошанин писал ее для кинофильма «По ту сторону», снимавшегося по роману Кина. Она была задумана как песня первых лет революции, песня людей, с оружием в руках борющихся за советскую власть. Случилось так, что кинофильм вышел в 1958 году, и песня эта стала песней комсомольцев шестидесятых годов. Солдаты говорят, что это их «строевая» песня, комсомольцы ударныхстроек думают, что песня эта написана о них.

...Из всех выступлений на трассе строительства дороги Братск — Невон нам особенно запомнилось одно, где тоже звучала эта песня. Было это возле деревни Ершово, неподалеку от знаменитых Ершовских порогов.

Катер «ГЭС-34» привел нашу баржу к берегу, который ничем не напоминал пристань, если не считать дороги, ведущей в гору, в тайгу, и стройматериалов, живописно разбросанных в разных местах. Как это обычно случалось, пронесся слух: «Артисты приехали!» — и примерно через полчаса откуда-то из тайги, из деревни, на машинах и пешком стали прибывать люди. Они еще ничего не говорят, они просто группами собираются на берегу, но нам уже ясно: надо готовиться к выступлению. Народу все больше, приходят целыми семьями, вместе с детьми. Раздаются первые робкие хлопки. Мы распаковываем пианино — и в эту минуту начинается дождь... Сначала мелкий, едва заметный, он постепенно «набирает силу». Мы смотрим на берег — никто не расходится...

Нелегко петь и одной рукой держать брезент над пианино и композитором, сидящим за ним. Но люди на берегу не обращают внимания на дождь, их аплодисменты все горячее, их глаза все более жадно требуют новых песен, новых стихов. Там, на берегу, люди так же бережно укрывают от дождя детей — и никто не уходит. Наоборот, подходят все новые и новые...

...И тогда вдруг зазвучала сначала на барже, а потом на берегу «Песня о тревожной молодости». Обычно кто-нибудь из певцов говорит: «Мы будем петь, а вы, пожалуйста, подпевайте». Тут песня возникла стихийно, сама по себе, словно люди давно ждали ее и наконец-то им удалось запеть. Люди пели о самом сокровенном:

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот...

Шел дождь, а люди пели о снеге и ветре, которые еще встретятся им на пути...

Люди строят здесь, в тайге, перевалочную базу, через нее будут переплавлять грузы, которые пока невозможно везти на Усть-Илим из-за порогов. Работа объединила их, и словно о самих себе поют они:

Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружбу мою с тобою
Одна только смерть возьмет...

Мы смотрели на бригадира Василия Пятунина — рядом с ним стояли его жена и маленькие дети, — и думали: «Ведь это о тебе поется!»:

И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды,
С тобою, как ты, отважно
Сквозь бури она пройдет!

Где-то вдалеке тарахтели трелевочные тракторы. Отсюда они казались совсем крошечными. И было странно, как

они ухитряются тащить сразу несколько только что поваленных огромных сосен. Да и сами люди в тайге казались такими маленькими, такими бессильными... А песня звала:

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели, —
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!

И люди словно выросли. Погляди — они становятся выше самых высоких таежных сосен, они кажутся мощнее самых могучих сибирских скал! Видишь, уже вьется по непроходимой тайге пока вся неровная, вся в ухабах, загороженная стволами поваленных деревьев дорога... Это частица будущей автодороги Братск — Невон. Они сейчас стоят под проливным дождем, они как клятву произносят:

Жила бы страна родная,
И нету других забот...

У них хватит сил построить не только автомобильную дорогу в Сибири, они сумеют проложить звездные трассы во вселенной, они могут своим дыханием сломать льды и своими руками схватить за дымящееся горло пламя. Теперь мы твердо знали: «Песня о тревожной молодости» — это песня о них, это песня обо всех, кто, не думая о славе, и в дождь, и в снег, и в ветер воюет на земле за наше будущее.

НАС ОБМАНУЛИ

Мы сидели в тесном кубрике самоходной баржи, радовались тому, что здесь тепло и сухо. Где-то там, над палубой, бушует непогода: пушечными выстрелами грохочет гром, сечет косой дождь. А мы в кубрике. Нам хорошо. Мы прислушиваемся. Давай! Давай! Бушуй, стихия! Ахнул гром, и почти одновременно открылась дверь. Мы увидели незнакомого человека. Он появился, словно из дождя и грома. В белой рубашке, с засученными рукавами. Мокрые волосы спадают на лоб. Лицо обветренное. Заговорил с хрипотцой:

— Обрядин Александр Иванович, начальник изыскательской партии. Вас обманули! Скажите, вы сами-то знаете это? Знаете, что вы обмануты? Вас провезли стороной, по суше, мимо них. Вы их никогда больше не увидите, понимаете? Александра Николаевна, — обратился Обрядин к Пахмутовой, — вы хотите писать совершенно новую музыку? Хотите услышать новые ритмы, удивительные, неправдоподобные аккорды? Хотите увидеть зверя в шкуре?..

Атака Обрядина была настолько сильной, что мы, ошеломленные его натиском, не знали, что отвечать. А Александр Иванович продолжал:

— Поймите: только ради них стоило ехать сюда, в Сибирь! Сейчас я завожу моторку и по двое перебрасываю вас к Ершову. Ночуем у костра, а рано утром я вас везу к ним. Вы должны видеть их! Через три-четыре года их затопит.

Только сейчас мы начали понимать. Они — это пороги. Знаменитые Ершовские пороги. Обрядин даже не заметил, что не объяснил нам этого. Мы должны были понять сами. Для него они были здесь самым главным.

Мы вспомнили, как в Братске, в кабинете заместителя начальника строительства Усть-Илимской ГЭС Валерия Борисовича Зеленского выработывался маршрут нашего путешествия. «Мы пойдем через пороги?» — спросил кто-то из нас. «Пойдете, пойдете!» — с едва заметной иронической улыбкой ответил Зеленский. Но когда мы вышли из его кабинета, он, видимо, дал строжайшее указание высадить нас в Ершове и по берегу, минуя пороги, доставить до Воробьева. Теперь-то мы и вспомнили его ироническую улыбку. Мы поняли: нас в самом деле обманули.

Обрядин продолжал:

— Это небезопасно, но я вам гарантирую — мы останемся целыми и невредимыми. Я тут работаю уже несколько лет. В 1960 году мы с капитаном Михаилом Ларионовым впервые прошли эти пороги на катере. До этого только редкие смельчаки пытались штурмовать Ершовские пороги. Были, конечно, местные старожилы, которые еще до революции проводили лодки купцов через пороги. «Тайну» порогов передавали из поколения в поколение. Пройти через них стоило огромных денег. И нередко самые, казалось бы, отличные знатоки этих мест погибали на порогах. Местные жители до сих пор называют их Шаманскими. Так неужели вы не рискуете?

Нас не надо было больше убеждать. Всем захотелось услышать «неправдоподобные» аккорды порогов, увидеть «зверя в шкуре». Александр Иванович был доволен. Он сразу как-то повеселел и обратился к капитану катера:

— Коль все захотели побывать на порогах, отдавай, Виктор, команду запускать мотор.

— Когда? — удивился капитан.

— Сейчас.

— В такую погоду? Об этом не может быть и речи, Александр Иванович.

— Эх, капитан, капитан!.. Падает тебе цена, падает... А еще мой ученик!

Тогда Обрядин подошел к Фрэду Юсфину, нашему непосредственному начальнику.

— Надо вам задержаться здесь на денек. Завтра я сам на своей моторке доставлю всех к порогам.

— Нет, — покачал головой Фрэд, — их ждут на Усть-Илиме. У них строгий график. Потом надо лететь в Братск, за ними придет специальный самолет, его нельзя задерживать — ведь их выступления в Братске тоже уже запланированы.

Обрядин встал, посмотрел на всех нас. И мы так и не поняли, чего было в его взгляде больше: презрения, горечи или жалости к нам. Хлопнув дверью, он вышел из кубрика.

На обратном пути из Усть-Илима мы познакомились с Александром Ивановичем ближе. Он показывал нам карты Ангары разных масштабов, от более крупных до самых мелких, — итог труда и кропотливой работы сотрудников ленинградского института «Ленгипроречтранс».

— Ангара, — рассказывал нам Александр Иванович, — в отличие от своих сестер — рек Европы и Сибири — наиболее «непокорная» и «коварная». Эти эпитеты, изрядно понадоевшие в литературе, в данном случае точно отражают самую суть. У большинства рек есть какие-то общие для них закономерности, зная которые можно смело заявить: «здесь глубже», «здесь мельче» и т. д. У Ангары таких примет нет. Вопреки всем законам на Ангаре у обрывистого берега может быть мель, а возле пологого, наоборот, — огромная глубина! Изучением фарватера, составлением лоцманских карт Ангары и занимается наша экспедиция. Мы должны дать речникам, строителям вместе с картой абсолютную уверенность в том, что Ангара судоходна в самых, казалось бы, непроходимых местах.

Мы разговаривали с Александром Ивановичем, а неподалеку у борта стоял человек с шотландской бородкой и трубкой во рту. Он слушал рассказ Обрядина и ухмылялся. Саркастическая улыбка не сходила с его лица, а глаза словно бы говорили: «Хорошо, хорошо, послушайте его,

а потом я вам скажу такое, что разобьет в пух и прах, вдребезги всю страстную речь Обрядина».

А речь Александра Ивановича действительно была страстной.

— Знаете, — говорил он, — зимой в Ленинграде я жду не дождусь, когда снова отправлюсь на Ангару. Я ведь здесь работаю уже несколько лет. Уезжаю из Ленинграда ранней весной, а возвращаюсь поздней осенью. Я очень люблю Ленинград. Сами понимаете: Эрмитаж, Зимний, Невский... А наступает весна — и начинает не хватать вот этого простора, ветра, сосен. И не думайте, что в мою обязанность входит только руководство. Я могу с любым потягаться в перетаскивании бочек с бензином и палубу отдраить могу за мое почтение. Но главное: тут не заскучаешь! Здесь на каждом шагу новинки, открытия... Словно сложнейший кроссворд решаешь каждый день. А ребусов у этой красотки на всю мою жизнь хватит. Словом, — резюмирует Обрядин, — поспорю с ней в хитрости здесь и попрошусь дальше, в низовья. К Енисею поближе...

Когда Обрядина зачем-то позвали, к нам подошел человек с шотландской бородкой и саркастической улыбкой на лице и начал так:

— Вот послушаешь иной раз такую речь, и, если она страстно произнесена, да еще с дрожью в голосе, можно и в самом деле поверить, что здесь рай земной.

Один из нас заметил:

— Но ведь и вы страстно начинаете свою беседу, и у вас дрожь в голосе...

— Верно. Дрожь ненависти к этим мрачным берегам, к этой тайге, комарам. Жду не дождусь, когда снова в Ленинград. Дикарем здесь становишься. Забываешь, в какую сторону дверь в ресторане открывается: к себе или от себя. Вот до чего дичаешь! Ведь тут приходится делать все... Даже, — он перешел на доверительный шепот, — даже бочки таскать приходится. Хотите знать, что меня раздражает в этих местах особенно? Тут все одно и то же... Ничего нового! Течет эта вот ледяная водица, в которой даже не искупаешься, и течет изо дня в день, из года в год. Каково, а? — Человек кривит губы и беспомощно

разводит руками. — Другие реки мимо городов приличных текут, а тут три дома: Закурдаево! Населенный пункт! Местное Рио-де-Жанейро! Вы тут так, проездом, а поживите-ка с месячишко — небо с овчинку покажется. Бежать! Бежать надо отсюда, бежать не оглядываясь!

Появился Обрядин. Человек с бородкой замолк, отошел. Александр Иванович заметил, что разговор как-то неожиданно прервался.

— Я не помешал?

— Да что вы, Александр Иванович!

— Я забыл вам сказать, — продолжал Обрядин. — Повыше Закурдаева, возле Дубынинских порогов бороздят Ангару на «Неве» мои молодые друзья — Володя Новиков, Володя Рубинов и Лева Логинов, тоже ленинградцы, из нашего института. Есть у них в «репертуаре» одна песенка, может быть, слышали: «Кузнечик — коленками назад»?

Александр Иванович мельком взглянул на человека с бородкой.

— Кузнечнику простительно такое: он устроен коленками назад, — улыбаясь, сказал Обрядин. — А вот когда человек сам себе коленки назад выворачивает — это, по моему, противоестественно.

Мы поняли, к кому относилась эта фраза. Понял и человек с бородкой. Он отошел к борту, ироническая улыбка еще змеилась на его губах, но, поживаясь, он поднял воротник и вобрал голову в плечи, словно стало ему вдруг как-то холодно и неприятно.

Два человека только что разговаривали с новыми друзьями. И не было слышно ни выстрелов, ни воя сирен, и все-таки это была дуэль, война, которая идет у нас ежедневно, ежечасно, и только немногие не замечают ее или делают вид, что все у нас одинаково хорошие люди, у всех, мол, одинаковая доля в общей борьбе за наше будущее.

Приглядитесь внимательней: человек с саркастической улыбкой на лице стоит у станка, сидит за огромным письменным столом, скучая, снимает трубки телефонов. Есть тысячи учреждений, тысячи «служб», где никакими самыми точными электронными аппаратами не высчитается долю труда человека в общем деле, никакими счетными

машинами не определишь степень увлеченности и заинтересованности. Иной еще вроде этого в порыве откровенности может «излить душу», а другой, наоборот, надев личину энтузиаста, общественника, ухитряется всю жизнь обманывать людей. Мы на секунду представили себе: а что, если бы было наоборот, — начальником изыскательской партии был бы не Обрядин, а этот человек со скептической улыбкой на лице? Нам почудились карты, по которым капитаны не могут найти точный фарватер, и суда, потопленные на грозных порогах...

А когда теперь, в Москве, мы вспоминаем нашу встречу с Обрядиным, перед глазами встает человек, ворвавшийся в кубрик вместе с громом и молнией, в белой сорочке, с засученными рукавами, с каплями дождя на обветренном лице.

РАССКАЗ О ЦВЕТАХ ИЮЛЯ

Вы замечали, что у цветка гвоздики сердцевина похожа на человеческий зрачок? Замечали?..

...Давным-давно, когда на земле еще жили боги, когда не было еще не только реактивных двигателей, но даже египетских пирамид, богиня Диана, покровительница охоты и птиц, прогуливалась по лугам и лесам, подобострастно встречавшим свою прекрасную повелительницу приветственным шумом.

Внезапно богиня замерла... Над ее головой куда-то в одном направлении пролетели птицы. Они летели, не обращая внимания на свою высокую покровительницу. Они спешили туда, откуда слышалась чудесная мелодия. Издалека доносились звуки свирели. Они были так прекрасны, что сама богиня послушно отправилась на их зов...

На поляне, покрытой ласковой изумрудной травой, сидел мальчик. Он играл на свирели, а рядом, очарованные его игрой, замолкнув, притаились птицы.

Появление богини на поляне не произвело на притихших птиц ровно никакого впечатления. Богиня увидела, что птицы вышли из повиновения. Диана поняла, что теряет свою божественную власть.

Она подошла к мальчику. Свирель замолкла. На нее удивленно смотрели ясные детские глаза...

У этой древней легенды печальный конец. Боги умели мстить, жестоко мстить людям за их неповиновение...

Но с той поры, как гласит предание, из глубины крова-

во-красного цветка гвоздики смотрят на мир удивленные глаза мальчика, игравшего на свирели...

...Неужели вы никогда не замечали, что у гвоздики сердцевина цветка похожа на маленький человеческий зрачок? Неужели не замечали?..

...Те, кто читал о французской революции, знают, что коммунары носили в петлице цветов гвоздики. И порою трудно было отличить, где след от раны, а где ярко-красный цветок.

Русские революционеры, сохраняя эту традицию, носили в петлице алую ленточку, напоминающую цветок гвоздики.

...Обо всем этом мы вместе с братчанами узнали в Клубе ЛПК в Братске. Перед нами выступал инженер-дендролог города Герман Тафинцев. Он рассказывал о цветах июля. Так было объявлено и в афише: «Рассказ о цветах июля».

Он говорил о пронизанных солнцем саранках, об эльфах, живущих в лесных колокольчиках, о том, что у нас слишком грубые уши и поэтому мы не слышим их звона...

В зале слушали затаив дыхание. Где-то совсем рядом гудели бульдозеры, рычали экскаваторы, а в клубе молодой парнишка рассказывал о цветах. Было это и странно и символично...

Не подумайте, что он рассказывал только легенды. Он говорил о растениях — друзьях и врагах человека. Он уверял людей, что, зная природу, зная флору тайги, никогда не пропадешь, никогда не останешься голодным, заблудившись в чащобе. Он отлично знал, какие цветы богаты крахмалом, сахаром, из корней каких растений можно сварить суп, — и люди поражались удивительным качествам давно знакомых им цветов и листьев.

Они глядели теперь на растительный мир другими глазами — глазами веселыми, острыми и наблюдательными, глазами дендролога Германа Тафинцева.

Герман в Братске уже несколько лет. После окончания Лесного института по кафедре цветоводства и благоустройства городов он приехал из Москвы в Братск. Облазил все окрестности, изучил (насколько это возможно за несколько лет) всю флору бассейна Ангары. Провел массу

опытов, сделал тысячи фотографий. Комсомольцы тепло приняли молодого энтузиаста.

— Все, что сделано за эти годы по озеленению Братска, все это сделано им, Германом, — говорит комсорг ЛПК Толя Львов. — Конечно, трудно ему пока работать. Не считается у нас его работа серьезным делом. Если баранку крутишь или бетон кладешь — все понимают, что это необходимо. А тут человек цветочки сажает... Не до этого, мол, сейчас.

— Вы знаете, — в разговор вступает инженер Спартак Губайдулин, — Герман своими силами сделал оранжерею в одной из палаток. Посадил рассаду. Цветы росли зимой. Люди приходили любоваться на новое таежное чудо. И вот однажды... вы не поверите, мы видели, как Герман плакал... Оказывается, здесь, у нас в тайге, ему перестали отпускать... дрова для отопления оранжереи. В лесу пожалели дров! Цветы замерзли, превратились в ледышки. Пошел насмарку труд человека, загубили его любовь... И мы сами видели, как Герман плакал...

Плакал взрослый и в общем-то не сентиментальный мужчина. Его жена, инженер-конструктор Римма Тафинцева, написала письмо в «Комсомолку». Его напечатали.

Герман стал получать письма со всех концов страны. Писали дети и взрослые, писали, не зная адреса, просто так — «Братск, Тафинцеву». И вот что самое главное: люди не только выражали сочувствие, а старались в меру своих сил помочь молодому инженеру-дендрологу. Учащиеся Лев-Толстовской средней школы Липецкой области написали коротко и по-деловому:

«В ответ на статью «Замороженные цветы» высылаем Вам семена сальвии, корейских хризантем и гвоздику Шабо. В апреле вышлем луковицы гладиолусов лучших сортов».

Из Ленинграда пришло письмо от пенсионерок Н. Захаревой и К. Комиссаровой. Они, две пожилые женщины-инвалидки, приняли свой «пятилетний план» по освоению целины. К 1964 году они обязались полностью обеспечить семенами цветов школы и больницы Павлодарской области. После статьи в «Комсомолке» они обещали помочь семенами и Братску.

Казалось, вся страна приняла близко к сердцу горе Гер-

мана, и каждое письмо говорило: «Нет, Герман, не равнодушные у нас люди, честное слово!» И в каждом письме были добрые советы и новые, и новые семена цветов... Однако в самом Братске отношение к нему осталось прежним.

— Несколько раз пытались Германа уволить с работы под предлогом «сокращения штатов», хотя весь «штат» состоял из него одного, — рассказывает Анатолий Львов. — Комсомольцы отстаивали Германа, но некоторые руководители все-таки продолжали чинить препятствия молодому дендрологу, презрительно окрестив его «инженером-цветочником». А, честно говоря, кто после этого захочет работать? Вот и собирается Герман уезжать от нас обратно в Москву...

Мы вспомнили, как перед началом выступления на ЛПК увидели необычную демонстрацию. Несколько девушек и ребят несли цветы. Цветы в кадках, в горшках и просто в обыкновенных стеклянных банках. Это шли «ассистенты» Германа, его единомышленники, его «братья по духу». Потом мы видели этих людей за кулисами. Они смотрели на Германа, как смотрят бойцы на своего командира, как смотрят спортсмены на своего самого лучшего, самого опытного игрока в решающую минуту состязания.

Герман говорит, что он в Братске сделал очень немного.

— Всего-навсего удалось высадить цветы возле яслей, детских садов, школ. Но ведь можно было бы украсить стройплощадки, озеленить территории заводов. — Глаза Германа озаряются таким молодым, таким задорным блеском, что кажется, это не глаза, а сибирские саранки, до краев пронизанные солнечным светом.

— Цветы — это суровая необходимость нашей жиз-

ни, — совершенно убежденно резюмирует Герман. — Человек должен любить цветы. Польза цветов — в их красоте, а красота нужна людям, нужна как солнце, как воздух, как хлеб!

Да, Герман, ты прав! И семена, посаженные тобой, дадут ростки не только на клумбах возле детских садов. Люди, которые несли твои цветы, покрепче нежных лепестков, замерзших в оранжерее. Их морозами не спугнешь!

...Не знаем, как сложится твоя жизнь, но когда мы думаем о завтрашнем дне Братска, мы видим демонстрации, подобные той робкой «демонстрации» твоих ассистентов. Мы верим: пройдут по улицам светлого города, города из бетона и стекла, тысячи людей, и в руках у них будут цветы. Бушующее море цветов захлестнет город...

Может быть, через много лет мы снова приедем в Братск, и, если ты будешь жить там, мы сразу узнаем твой адрес, — он будет очень хорошо известен влюбленным, потому что всем девушкам города будут преподносить цветы, выращенные твоими руками. Мы безошибочно найдем твою улицу, потому что она обязательно будет самой красивой...

А если ты уедешь и будешь жить совсем на других параллелях и меридианах, где нет ни тайги, ни суровых морозов, ты, наверное, всегда будешь помнить об этих невыносимо трудных, но все-таки очень счастливых годах, о далеких таежных цветах, буйных и ярких, и о снеге, об удивительно чистом сибирском снеге, сквозь который, словно первые подснежники, прорастали осторожно и нежно твои юношеские мечты...

ПЕСНЯ ПРО СНЕГ

...Сегодня мороз, и влюбленные пары
Не будут бродить над таежной рекой,
Но словно на старых московских бульварах
Усыпан алмазами снег голубой...

Снег бывает разный —
Жгучий да колючий,
Радостный,
Искристый...

А у нас в Сибири
Он, как совесть, чистый.

Конечно, порою здесь кружится ветер,
Конечно, порою здесь вьюги метут,
Но самый весенний цветок на планете
Недаром подснежником люди зовут!

«Остаться? Приехать?» В твоей это власти...
Но что б ни решила, хочу пожелать
И чистого снега и чистого счастья,
А счастье самим нам дано открывать!

Снег бывает разный —
Жгучий да колючий,
Радостный,
Искристый...

А у нас в Сибири
Он, как совесть, чистый.

МИР ДЕРЖИТСЯ НА ФАНАТИКАХ

— Мир держится на фанатиках! — кивнув в сторону Германа, сказал Спартак Губайдулин.

Действительно, Спартак, не на китах, не на слонах, а на фанатиках! Не верите, приезжайте в Братск — убедитесь!

Мы видели фанатиков на строительстве плотины в Братске, на Усть-Илиме. Они идут по звериным таежным тропам, в лютые морозы онемевшими пальцами соединяют провода линии электропередач, составляют лоцманскую карту Ангары и выращивают цветы для будущего города.

...Жил в Москве, в одном из тихих арбатских переулков мальчик, рыжеватый, невысокого роста. Четырнадцать лет пошел мальчишка работать. А через год началась война, и работу пришлось совмещать с учебой. Парнишка рвался на передовую, парнишка мечтал о подвигах, но... не всем даже самым отчаянным и рослым ребятам удавалось тогда накинуть себе годок-другой, обмануть бдительность военкомов и попасть на фронт.

Служба в армии пришлось уже на окончание войны... Но если, наконец, мечта исполнилась, так надо проситься на самый трудный участок! Парнишка идет служить в подводный флот.

— Теперь, после службы на подлодке, у меня появились друзья на всю жизнь, — говорит он. — Я знаю: стоит мне заболеть, оступиться — достаточно будет свистнуть, и, где бы ни были мои друзья по флоту, они примчатся из разных городов, с разных концов страны, чтобы помочь. Такая уж она, наша флотская дружба...

Может быть, именно после службы в подводном флоте появилось у паренька что-то такое в характере, что, где бы он ни служил, с кем бы ни встречался потом, всюду моментально привлекало к себе друзей, которые в нем, как говорится, души не чаяли.

После демобилизации вернулся парнишка в Москву, работал на строительстве Московского университета и имел полную возможность поступить учиться. Всего несколько лет — и законченное высшее в кармане. Но... парнишка был фанатиком. Не мог он усидеть в Москве, на химфаке университета, — рванул далеко на юг, в Голодную степь. Моряк-подводник, служивший несколько лет на Северном флоте, знакомый со штормами, с долгой полярной ночью, с туманами и метелью, решил изведать укусы палящего солнца и нрав белесого песка пустыни. Он уехал вместе с геологами в партию и стал работать топографом.

А в 1955 году услышал паренек о строительстве Братской ГЭС и сменил выцветший на солнце рюкзак топографа на зеленую палатку строителя.

Мы познакомились с ним в 1962 году в Братске. Тогда, после нашего самого первого выступления в клубе «Комсомолец», нас пригласил к себе домой очень интересный человек — Владимир Долгий. В тот вечер мы познакомились и с ним, и с Марчуком, и с Шохиным и как-то сразу даже не обратили внимания на невысокого паренька, тихонько прислонившегося к дверному косяку. Когда нас ему представили, он спокойно произнес:

— Фрэд Юсфин.

Кто-то добавил:

— Фрэд у нас председатель клуба «Глобус».

Но что это за «Глобус», «с чем его едят», мы тогда не знали. Скрыпников, Марчук и Шохин наперебой рассказывали о стройке, Кобзон пел «Кто может сравниться с Матильдой моей!». Казалось, никому нет никакого дела до Фрэда. Он никак, ну никак не обращал на себя внимания. Не дал бог ему внешности героя — и все тут! А через несколько дней мы выступали в «Глобусе» — в клубе интернациональной дружбы. Заседание клуба проходило во Дворце спорта — самом большом зале Братска. На вечер пришло больше тысячи человек. Вел «заседание» Фрэд. И с той самой минуты, когда он взял в руки микрофон, ска-

зал первые фразы, возник какой-то удивительный магический контакт с аудиторией. Видно было, что он чувствует настроение зала, настроение каждого человека, сидящего там. Он не призывал к порядку, не звонил в колокольчик, но зал понимал его с полуслова, с самого, казалось бы, незаметного жеста. Когда Фрэд внезапно замолкал, из зала кричали: «Говори!»; когда он уходил со сцены, в зале начинали шуметь и требовать: «Фрэда, Фрэда!»; когда он острил, зал разражался дружным хохотом. Мы бывали на устных журналах в разных организациях, но такой заинтересованной, воодушевленной аудитории, как в «Глобусе» в Братске, не встречали.

Надо сказать, что «Глобус» сразу же, с первых своих шагов, завоевал популярность. «Глобусу» посчастливилось — в самом первом его номере принял активное участие Юрий Алексеевич Гагарин. Первый номер был назначен на 12 апреля 1961 года. В этом выпуске организаторы «Глобуса» собирались рассказать о будущих космических полетах.

Ошеломляющую новость — человек в космосе! — в Братске услышали днем (разница во времени между Москвой и Братском — пять часов, и если в Москве десять утра, то в Братске уже три часа дня).

Ровно через три часа после сообщения о великом событии люди пришли на первый выпуск «Глобуса». И надо было видеть, что творилось в зале, когда слово предоставили инженеру Кириллу Александрову, который собирался рассказывать о будущих космических полетах, а вышло, что он уже говорит о настоящих!

«Глобус» сделал очень многое для оживления культурной жизни Братска. Возможно, успех устного журнала зависел от того, что организаторы его особое внимание уделяли разнообразию программы.

Вслед за сообщениями о международном положении звучали стихи, записи классической музыки сменялись ритмами джазовых мелодий. С одной стороны, это привлекало в «Глобус» большую и самую широкую аудиторию, с другой — воспитывало вкус, пробуждало у людей интерес к вещам, до сих пор нелюбимым, может быть, только потому, что они с ними не были знакомы. Настойчиво, из номера в номер «Глобус» рассказывал о серьезной музыке, и мно-

гие любители легкого жанра постепенно заинтересовывались ею.

У братского «Глобуса» уже есть последователи: на территории Лесопромышленного комплекса родился устный журнал «XX век». Недалек час, когда и на Усть-Илиме появятся наследники «Глобуса» — ведь главный «папа» «Глобуса» уже работает на строительстве новой станции.

...Давно, когда Фрэд только еще приехал в Братск, поселили его с семьей в рабочем общежитии. В маленькой комнатке, кроме Юсфиных, ютились еще две семьи. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Молодые ребята жили так дружно, что «на огонек» к ним по субботам собиралась масса друзей. Разместившись кто как мог, друзья объявляли «заседание» открытым. Мечты, яростные споры и песни — вот кто еще населял в эти часы крошечную комнатку общежития. А жены хозяев готовили для гостей сибирские пельмени. И с легкой руки Фрэда эти вечерние субботние заседания получили прозвище «Большой пельмень».

И когда мы побывали в клубе «Глобус», познакомились с его живой аудиторией, мы подумали: «Не перенес ли председатель клуба интернациональной дружбы сюда, в эти просторные залы, простоту и непринужденность встреч в маленькой комнатке общежития, непосредственность, искренность и юмор вечеров с таким «несерьезным» названием «Большой пельмень?»»

Мы никогда не забудем нашего прощального вечера в «Глобусе». Мы уже почти привыкли к тому, что после выступления где-нибудь в клубе на сцену поднимается «представитель», жмет руки и желает «дальнейших творческих успехов». Здесь все было по-иному. Выходили зрители, говорили какие-то простые, незаученные слова. Улыбались, шутили и даже под дружный смех всего зала читали дружеские эпиграммы. Вот некоторые из них:

Пусть от Братска до Гудзона
Раздается бас Кобзона,
Низвергая в прах кумира,
Потрясая женщин мира!

Цель фамилий велика
Теноров на букву «К»,

Но кончаются на «О»
Лишь Карузо и Кожно!

Самая «лирическая» эпиграмма была посвящена композитору:

Пахнут хвоей и травой
Песни Пахмутовой...
Нет сердец перед тобой
Нераспахнутых!

...У занавеса стоял Фрэд. Он смотрел на сцену и загадочно улыбался. Наверное, он обдумывал в это время очередную выпуск устного журнала...

...Где ты сейчас, Фрэд? Куда забросила тебя нелегкая работа диспетчера? Ведь, кроме общественных обязанностей председателя клуба интернациональной дружбы, у тебя есть еще свои собственные, так сказать «профессиональные», заботы. Ты один из первых подался на новую стройку, ты агитируешь своих друзей ехать вслед за тобой туда, в Невон, в поселок Строителей...

Какая удивительная «взрывная» сила заложена в твоей душе! Не дает она тебе спокойно сидеть на одном месте, а зовет все вперед и вперед, к новым людям, к новым стройкам, к новым местам!словно космическая ракета, отдающая всю свою энергию, чтобы порвать с земным притяжением и увидеть иные миры, — твоя судьба. Слово уносящийся от перрона поезд, летящий к другим станциям, к дальним, неведомым городам, — твоя жизнь.

Я ХОЧУ БЫТЬ ПОЕЗДОМ ДАЛЬНИМ

Я хочу быть поездом дальним,
Чтобы ветер в лицо встречать,
Чтоб от станций с гудком прощальным
К новым станциям улетать.
Я хочу быть поездом дальним!..

Есть в движеньи сила и гордость.
Есть простор у родной страны!
Пусть же смелость моя и скорость
Будут людям всегда нужны!
Есть в движеньи сила и гордость!

Будь, товарищ, вечно в движеньи!
Пусть не гаснет твоя звезда,
Пусть не терпят у нас крушенья
Ни надежды, ни поезда!
Будь, товарищ, вечно в движеньи!

Я хочу быть поездом дальним,
Чтобы ветер в лицо встречать,
Чтоб от станций с гудком прощальным
К новым станциям улетать.
Я хочу быть поездом дальним!..

Не живет спокойно на этом свете фанатиком! И, наверное, сидит сейчас Фрэд где-то возле деревни Ершово вместе с трактористом-трелевщиком у костра или спорит до хрипоты с прорабами где-нибудь в старенькой избушке в Воробьеве, а может быть, проснувшись на рассвете, бежит босиком по мокрой от росы таежной траве к стройплощадке и, вынув из заветного карманчика баночку с содой, на ходу глотает ее, чтобы хоть ненадолго заглушить острую, режущую боль...

— Почему ты не лечишься, Фрэд?

— Понимаете, все как-то некогда...

— Но ведь ты ежеминутно глотаешь соду. Значит, болят, значит, надо идти к врачам, ложиться в больницу. Жить на соде вредно.

— Нет, что вы! — беззаботно улыбается Фрэд. — Я помню, когда еще лежал в госпитале, мне врач говорил: «Будет болеть — глотай соду». Значит, это вовсе не вредно.

Ну что с ним поделаешь!..

Мы верим: пройдут годы, но если позовет Родина, где бы он ни работал в это время, покинет Фрэд ставшие уже дорогими места и поедет туда, где снова будут костры над таежной рекой, метели, да ветры, да тревожная, полная неожиданностей работа.

И снова придумает Фрэд какого-нибудь задиристого «Глобусенка», и снова встретится он с молодостью. Да, собственно, для таких, как он, молодость никогда и не кончается...

О ЧЕМ ПЛАЧУТ КАМНИ?

Вы видели, как плачут камни? Вы видели, как в трещинах, напоминающих глазницы, блестят слезы? Замечали вы, как стекают они по серым, морщинистым лицам скал? Малозаметными ручейками текут слезы в реку, и, если глотнуть ангарской воды у самого берега, она покажется солоноватой на вкус.

Мы стояли у створа будущей плотины, на Толстом мысу. Через несколько лет на этом месте поднимется над рекой Усть-Илимская ГЭС. Сейчас в каменной груди скалы, как огромная рана, зияет темное отверстие — штольня геологов. Напротив, на другой стороне реки, — точно такая же штольня. Вот здесь, между этими двумя штольнями, и будет построена плотина. Пока только выцветший на солнце, полинявший от снегов и дождей, полощется на самом верху скалы красный флаг, установленный там первой бригадой, начавшей работы на Усть-Илиме, — бригадой Иннокентия Перетолчина.

Пустынен берег Ангары. Где-то вдалеке строится огромный причал для приема оборудования, которое перекочет на Усть-Илим из Братска. А пока у створа будущей плотины тишина, и только жужжат неторопливые пузатые шмели над захмелевшими от солнца саранками и кустами иван-чая...

— Поглядите, камни плачут...

Это Фрэд. Он стоит вместе с нами на гладком валуне возле входа в штольню и смотрит вверх, на струящиеся по твердой породе серебряные капли. Мы и раньше видели

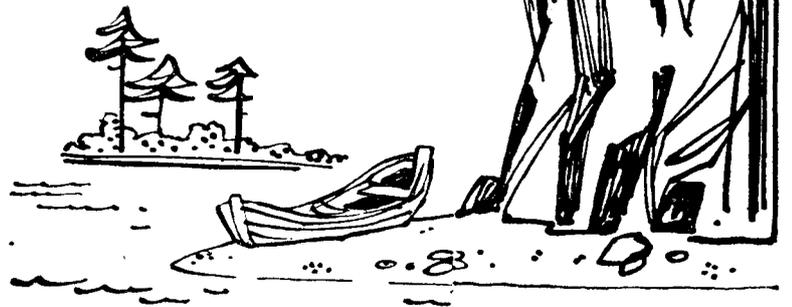
эту замшелую трещину, из которой, стекая вниз, струилась вода. Но теперь место, откуда вытекла серебряная струйка воды, показалось нам глубокой глазницей. Другую трещину мы заметили в трех-четыре метра от первой. Создавалось полное впечатление плачущих глаз. Воображение нарисовало вместо острого выступа — нос, вместо желтых кустарников — волосы, поперечные трещины показались морщинами на лбу... Скала стала лицом. Старческим лицом с глубокими морщинами, со скорбными складками у рта. Мы приблизились к плачущей скале. Струи звенели, ударяясь о выдолбленные лунки, и, прячась в мелком гравии, убегали к реке.

— Вы слышите, о чем плачет скала? — спросил Фрэд.

Кому-то из нас показалось, что плачет она оттого, что последние годы любит шумливыми порогами Ангары.

Кто-то подумал, что скала плачет от счастья: наконец она дождала до тех дней, когда своими собственными глазами увидит и плотину, и краны, сильные, как геркулесы, и новый город, который будет построен в этих местах.

А может быть, камни плачут,

прощаясь с тишиной, с покоем, который им милее, дороже всего на свете? Они стояли века. Но вот пришли люди. Люди кажутся по сравнению с ними совсем детьми. Но эти ребята обуздают, покорят неприступные каменные вершины, сделают все так, как им хочется, не считаясь ни с упрямым характером скал, ни с их твердым нравом. Молодые все делают по-своему. Не всегда старики соглашаются с ними, но юных это не страшит, не останавливает. И старики угрюмо смотрят на дела молодости, понимая, что время их прошло. Может быть, они вспоминают свою молодость, свои мечты, совсем не похожие на мечты этих юных, и им хочется — ох, как хочется! — поспорить с ними, сказать свое веское слово. Но камни молчат, они не любят бросать слов на ветер. И ветер, отдыхающий на их могучей груди, знает это. Пусть молодые делают все, что им вздумается, пусть, они так же молчаливо и угрюмо будут смотреть на них.

— Ребята, — Фрэд протянул нам руки, — поклянемся, что всегда будем верны Сибири!

Мы взглянули в глаза Фрэда, они были серьезные и чуть грустные, даже обычная золотистая «фрэдовская» смешинка исчезла из них. Он понимал верность Сибири по-своему; он клялся в том, что совершит все, что задумано им и его молодыми друзьями. Мы стояли вместе с ним у порога, у начала будущей стройки, а рядом с нами тихо и застенчиво, словно стыдясь своей минутной слабости, плакали седые мудрые камни...

ХОТИМ БЫТЬ ПЕРВЫМИ

Мы спрашивали у людей, едущих на Усть-Илим: — Что вас туда потянуло? Почему вы не остались в Братске?

Обычно они отвечали:

— В Братске уже почти все сделано. А мы тоже хотим быть первыми.

Чаще всего первыми люди бывают не из тщеславия. И это не так-то просто — стать первым. Мы знаем некоторых «первых», которые, уезжая в Сибирь или на целину, прощаясь на вокзале, говорили: «Мы будем первыми». Но что греха таить, порой запала у таких «первых» хватало на месяц, в лучшем случае на полгода. Пока не похудел рюкзак, пока еще звенят в нем консервные банки, пока не кончилось домашнее варенье и копченая колбаса, пока светит летнее солнце, быть первым даже приятно. Но вот задули осенние ветры, с неба стала падать мокрая снежная каша, раскисли дороги, в палатке на брезентовых стенах появился иней, а с подвозом продуктов нелегко, и рацион блюд в столовой предельно однообразен. Вот тут-то и появляется иное настроение у таких «первых». «Почему я должен здесь мерзнуть, идти на работу туда, где негде даже укрыться от ветра и дождя, снега и мороза? Я тоже советский человек и хочу жить в довольстве, в тепле и уюте».

Куда делось слово «мы» и откуда появилось «я»? Наверно, это «я» лежало на самом дне рюкзака, под консервными банками, под колбасой, завернутой в пергамент, под

индивидуальной хромированной ложкой с вензелем «я». Каждый знает, как строили железную дорогу первые комсомольцы вместе с Николаем Островским. У них не было рюкзаков, в которых пряталось «я», у них были плечо друга и глаза, смотрящие в будущее.

Есть такой термин у строителей — «испытание на прочность». Бетон, на плечи которого взвалена вся тяжесть Братского моря, выдержал это испытание. Тысячи кубометров воды не в силах ничего поделаться с его несокрушимой твердостью. У первых, у тех, кто с самого начала работал в Братске, «испытание на прочность» шло не только в открытом бою с силами природы — вьюгами, морозами, кипящей ангарской волной.

Люди долгое время жили в бараках, в палатках — шло «испытание на прочность». Приходилось бороться с хулиганьем, со шпаной, которая просачивалась на новую стройку. Не хватало яслей, детских садов, школ, больниц — шло «испытание на прочность». И люди не сдались, не отступили. И даже те, кто приехал позже, но выдержал все суровые экзамены жизни в Братске, могут считаться первыми. Право на это им дала любовь к сибирской земле и преданность общему делу.

Кто-то сказал нам однажды:

— Вы знаете, когда ГЭС будет построена, когда начнется торжественный митинг, зазвучат оркестры и песни, у многих на глазах вы увидите слезы, потому что люди будут расставаться со стройкой, будут расставаться со своей самой большой любовью...

Владимир Казмирчук говорит:

— Дороже Братской ГЭС у меня нет ничего на свете. Она Родина, она мать родная...

Пусть порой эта «мать» была слишком сурова, пусть иногда бывала несправедливой, никто не в силах убить сыновнюю любовь к ней!

...Когда закладывали фундамент здания гидростанции, люди бросали в котлован часы, «вечные» ручки — все, что было у них в тот момент дорогого. В торжественный час это был порыв, идущий от широты натуры. А в будни эти люди незаметно и скромно отдавали сибирской стройке частицы своей души. И выросла станция на крепком фун-

даменте человеческой любви. И долго будет помнить сибирская стройка о щедрости людских сердец, проявляющейся каждый день, на каждом участке, в любой работе.

Сейчас, когда работы на Братской ГЭС заканчиваются, перед теми, кто был здесь первым, встает вопрос: как сложится дальнейшая жизнь, куда дальше? В лучших бригадах за годы стройки люди овладели десятками профессий. Они стали специалистами уникальной квалификации. Они действительно научились «высекать огонь из воды». Каждая бригада сцементирована крепкой дружбой.

Работы на Усть-Илиме разворачиваются сейчас еще медленными темпами, и пока там просто нет нужды в высококвалифицированных братчанах. Конечно, их с радостью примут на стройке алюминиевого завода, конечно, их ждут на ЛПК, но ведь все это работа не по специальности. Люди не хотят уходить из родных бригад, разбивать годами создававшиеся коллективы, где люди буквально «притерты» друг к другу, как части сложного и точного механизма.

«Испытание на прочность» продолжается.

Но люди верят: нет, не распадутся их родные бригады, найдется им дело на новой стройке, на Усть-Илимской ГЭС!

Мы видели, как едут, едут поодиночке и целыми группами на далекий Илим простые парни и девчата, едут совсем не из тщеславия «быть первыми».

...Вместе с нами на барже оказалась семья из трех человек: молодые супруги и трехлетняя дочь Таня. Погрузились они в Братске. Багаж их был довольно объемистым. Везли они с собой стол, оцинкованную ванночку, полную детских игрушек, несколько чемоданов и сундук. Это говорило о том, что двинулись они в путешествие надолго. Супруги были геологами. Такой багаж как-то не очень вязался с их «кочевой» профессией.

Разговорились.

— Мы знаем, что геологи в поход не берут с собой столов и сундуков, а вы вот...

Мать Тани застенчиво улыбнулась и, не дав договорить фразу, ответила:

— Мы надолго сюда... И Таня вот у нас... Ванночка потребуется. Ну, а сундук взяли с собой — там у нас книги и...

Она вопросительно взглянула на мужа.

— Да говори, говори...

— Телевизор там, «Темп-3».

Прочитав на наших лицах удивление, отец Тани стал объяснять:

— Что вы удивляетесь? В Братске ведь вот-вот телестудию построят. К тому времени, мы думаем, конструкция «Темп-3» не устареет. Представляете, как будет хорошо... Вернешься из тайги, натоскуешься там без людей, намерзнешься вдоволь, а дома, в палатке, Танюшка рычажок «чик» — и, пожалуйста, матч смотри, спектакль, музыку слушай.

Ну как все просто: никаких, оказывается, сложностей — натоскуешься без людей, намерзнешься, а Танюшка рычажок «чик» — и, пожалуйста...

— А как же Танюшка? Уходя в тайгу, не оставите же вы ее одну в палатке? Ребенок ведь...

— Нет, одну в палатке ее не бросим, — успокаивающе ответил отец Тани. — Первое время мать с ней будет оставаться. А зимой у нас объем работ несколько сокращается. Далеко от базы вряд ли будем уходить. Ну, а к лету Танюшка уже подрастет, посадим ее на лошадку рядом с сухарями и: «Но! Поехали за кедровыми орехами!» Так ведь, Таня?

Девочка к этому времени оторвала у плюшевого медвежонка лапу и ответила:

— За олехами? — Она еще не выговаривала букву «р». — Нет, лучше за камушками разноцветными поедем.

Она была дочкой геологов. Она уже знала, что в тайге надо искать не орешки, а «разноцветные камушки».

Отец Тани шутил, он с юмором говорил о предстоящих трудностях. Он отлично знал: не так это просто — «посадим Танечку на лошадку рядом с сухарями», он хорошо понимал: «орешки», которые приготовила им тайга, не так легко будет разгрызть не только девочке, но и ее родителям. Отец Тани не сказал, что он хочет быть первым. У него в сундуке не запасы продуктов, а книги. И очень может быть, что одна из них — «Как закалялась сталь». И выходит, что в будущее можно лететь на ракете, мчаться на поезде, плыть на барже и идти пешком. Главное — не останавливаться, не бояться трудностей, главное — верить и не изменять своей мечте.

НА РАКЕТЕ СВОЕЙ МЕЧТЫ

В каждом деле — запевала,
К славным подвигам готов,
Комсомол встает к штурвалу
Замечательных годов!

Стать бесстрашным
Можешь и ты!
Стать отважным
Можешь и ты!
Мчится в будущее каждый
На ракете своей мечты!

Мы пройдем глухой тайгой,
Зной и вьюгу укротим.
Мы расправим над рекою
Плечи гордые плотин!

Космос нам раскрыл объятья,
Ждут нас славные дела.
Всем нам, словно «звездным братьям»,
Крылья Родина дала!

Стать бесстрашным
Можешь и ты!
Стать отважным
Можешь и ты!
Мчится в будущее каждый
На ракете своей мечты!

ПЕСНЯ ГЕОЛОГА

... Скажите, что делать, если с детства в душе у тебя живет одна страсть — страсть к музыке; если к тому же твой отец — известный композитор, а сестра скоро станет пианисткой; если в раннем возрасте обнаруживают у тебя хорошие музыкальные способности, а к восемнадцати годам ты удивляешь всех редким по красоте бархатным тембром голоса и тебя без всякого участия, без всякой «протекции» родителей-музыкантов принимают в Музыкальное училище имени Гнесиных, где преподаватели прочат тебе блестящую карьеру певца, — и вдруг в один совсем не прекрасный день все рушится: у тебя пропадает голос, и врачи обнаруживают неизлечимую болезнь гортани, с которой, как говорится, «жить можно, петь — никогда»?..

Скажите, что тогда делать?

Погибла мечта — единственная, самая жгучая, самая твоя. Мечта о трудных сольфеджио и виртуозных ариях, о концертных залах и пахнущих клеем от только что построенных декораций оперных сценах...

Конечно, можно смириться с потерей голоса и согласиться на вечное «околомузыкальное» существование где-нибудь в управлении концертной организации. Некоторых это устраивает, многие находят в этом свое счастье. Они постоянно в «сфере», они на всех просмотрах и спектаклях, к их мнению прислушиваются, может быть, даже больше, чем к мнению известного певца или композитора, потому что они только тем и занимаются, что посещают

спектакли, ловят на лету мнения других и сами со временем начинают делать замечания и указания, не принимая в общем-то никакого творческого участия в искусстве.

Нет, не об этом, не о такой судьбе мечтал ты!

Трудно найти выход. И все-таки он найден. Приобрести такую профессию, которая была бы ничуть не похожа на старые увлечения, уехать туда, где ничто бы не напоминало о строгих оперных театрах с монументальными колоннами у входа, о шумных концертных залах с аплодисментами, неожиданными и звонкими, похожими на веселые выстрелы.

Вот так и появился в многотысячной семье геологов Лев Анушванович Тер-Гевондян. В дикие сибирские места приехал человек с душой певца, с дипломом геолога.

Может быть, вечерами, черная, словно покрытая блестящим лаком, ангарская вода напоминала Льву Анушвановичу огромную крышку знаменитого «Бехштейна»*, а угрюмое завывание ветра — вздохи консерваторского органа, может быть... Но немногие в партии знали о прошлой судьбе Тер-Гевондяна. Люди, работающие с ним, полюбили этого неутомимого человека, умеющего работать сутками, пройти в день десятки километров, умеющего в трудную минуту поднять настроение острым словом, веселой шуткой.

Он и сам не очень любит вспоминать о прошлом: о музыкальном институте, о товарищах, ставших известными артистами, — и только иногда вечерами подбирает на игрушечном пианино для маленькой дочки несложные песни.

— Лев Анушванович, а у вас нет другого музыкального инструмента?

— Есть аккордеон. Только от сырости пришел в негодность, — отвечает Тер-Гевондян.

И трудно понять, действительно это так или просто не хочется Льву Анушвановичу брать аккордеон в руки, заводить разговор о прошлом, тревожить давно отболевшее...

Несколько лет партия Тер-Гевондяна работает на Усть-Илиме, изучает трещиноватость пород на месте строительства будущей ГЭС. Порою приходится брать пробы — бурить породу зимой. Наверху 40 градусов мороза, а внизу

* Фирма роялей.

от работающего бурового оборудования 40 градусов тепла. Однажды в такой морозный день загорелась буровая вышка. В тепляке оставались документы, расчеты. Молодой геолог Люся Дюренкова бросилась в огонь, спасла документы, сумела потушить пожар. Сколько случаев, подобных этому, было за три года в партии Тер-Гевондяна!

Опытный глаз геолога всегда отличит ценную руду от так называемой «пустой породы». Наверное, и в самих геологических партиях происходит подобный «естественный отбор». «Пустая порода» уходит, отсеивается, а остаются в партии только люди особой, «геологической» породы.

Начнется стройка, приедут люди, гордо названные первопроходцами. О них будут писать в газетах и журналах под заголовками «Они были первыми». И, может быть, мало кто вспомнит о геологах — о людях, с которых все начиналось, которые действительно были первыми, когда еще не было ни зеленых палаток строителей, ни причалов, ни теплых бревенчатых домиков... Геологи уйдут на новые места, чтобы туда после нескольких лет их трудной работы, где быть первым входит в обязанность, в рабочую необходимость, пришли бы другие, раскинули палатки и построили поселок, потом завод, плотину, электростанцию...

...Когда нам рассказывали о Тер-Гевондяне, когда мы сами познакомились с ним, мы подумали: «Можно быть певцом, не спев в жизни ни одной песни!» Как прилет новых птиц говорит о приближающейся весне, так и приход геологов предсказывает новую жизнь глухим местам. И там, где прошли геологи, звучат песни начинающих строек, новорожденных поселков, юных, как мальчишки, заводов. Прислушайтесь — звучит на всю страну песня Тер-Гевондяна, поглядите — над тайгой горят звезды, новые звезды, зажженные человеческими руками! И если у геологов не было крыши над головой, они видели эти будущие звезды; если у них кончались спички, они зажигали костры своим горячим дыханием; если им было очень трудно, приходила к ним песня.

Мы слушали Тер-Гевондяна, его рассказ о своих товарищах, о дальних походах, а нашему воображению представлялась такая картина...

Ночь... Новогодняя ночь в тайге. Партия геологов возвращается на базу. Идти еще очень далеко, а продукты на исходе, и несколько дней назад отказала рация... И вот сидят эти продрогшие люди в тайге, у костра и встречают Новый год.

— А знаете, друзья, кого мы сейчас напоминаем? — говорит один из них, уже пожилой человек в меховой шапке, которая от инея кажется поседевшей. — Мы напоминаем сейчас двенадцать месяцев из сказки Маршак. Так же сидим у костра в зимнюю новогоднюю ночь, у каждого свои мечты, свои думы о будущем годе...

— Только в сказках всегда все кончается хорошо, а что с нами будет, пока неизвестно, — вступает в разговор человек, которого в партии зовут «Семь раз отмерь, один — отрежь» за его вечный пессимизм и осторожность.

А девушка-топограф мечтательно произносит:

— Мне в детстве бабушка говорила, что под Новый год Дедушка Мороз приносит подарки и кладет их в башмачки...

И тогда все, перебивая друг друга, заговорили:

— Для нас лучшим подарком была бы сейчас краюшка черного хлеба...

— Нет, вот если бы Дедушка Мороз мог бы под утро положить в башмачок новенькую рацию!..

— Главное, друзья, чтобы отыскали нас в тайге...

А самый молодой геолог, только год назад окончивший институт, сказал:

— Главное — знать, что тебя помнят и любят... Странная судьба у нас, геологов! Я уехал в тайгу, она — в Каракумы. И кто, какой добрый волшебник может мне сказать, жива ли она, здорова ли, помнит ли обо мне?..

— Внимание, друзья! — перебил паренка человек, когда-то служивший во флоте коком и поэтому исполнявший в партии в особо торжественных случаях роль повара. — Глинтвейн закипает!

— Наполним бокалы, содвинем их разом!

— Да какие там бокалы! Это просто кружки с кипятком! — сказал «Семь раз отмерь, один — отрежь».

Кто-то покачал головой.

— Эх ты, всю песню испортил!..

Девушка-топограф толкнула рядом сидящего.

— Тс-с!.. Глядите-ка, Митя заснул. — Она показала на молодого геолога, который буквально минуту назад рассказывал о своей любимой.

— Не надо его будить, — сказал начальник партии. — Пусть спит, сил набирается.

...Короткое пиршество, во время которого были извлечены из «неприкосновенных запасов» две бутылки коньяка и одна плитка шоколада, подходило к концу. И когда кто-то положил рядом с Митей оставленную ему порцию новогодних запасов, вдруг послышался его голос:

— Поглядите, кто это приближается к нашему костру по лунной дорожке? Девушка... вся в белом...

Молодой геолог лежал у костра, глаза его были закрыты, но он улыбался; и другие не могли понять, спит он или уже проснулся и от тепла, от уютного потрескивания сучьев ему просто не хочется открывать глаза.

— Смотрите, — чуть слышно продолжал Митя, — как легко она ступает по искристому снегу!.. Она словно соткана из лунного света... Кто ты, волшебница?

И тогда всем показалось, что они услышали голос, похожий на шелест листьев или отдаленный шум ветра.

«Я — песня...»

— Да как же ты, песня, нашла нас в такую морозную ночь в глухом лесу?

«Я всегда прихожу тогда, когда знаю, что без меня, как без воздуха, нельзя больше жить».

...И хоть каждый сквозь сизую дымку костра, в неясном мерцании огней видел девушку-песню по-своему, ее спросили:

— Скажи, значит, все песни такие, как ты?

«Нет. Мы все разные. Есть у меня сестры грустные, есть веселые, на которых посмотришь — и не удержишься: улыбнешься. А есть у меня сестры строгие, красивые, в военных шинелях. В них стреляли враги, но они никогда не умирали, потому что убить песню нельзя. И помнят и любят их в нашей стране до сих пор. Кто тут сейчас говорил о своей любимой, о беспокойной судьбе геолога?»

Девушка наклонилась над Митей и тихо запела:

Я уехала в знойные степи,
Ты ушел на разведку в тайгу.
Надо мною лишь солнце палящее светит,
Над тобою лишь кедры в снегу...

А путь и далек и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог!
Крепись, геолог!
Ты — ветра и солнца брат!

На прощанье небес синевою,
Чистотою студеной волны,
Голубою заветной Полярной звездой
Поклялись в нашей верности мы.

Лучше друга нигде не найду я —
Мы геологи оба с тобой.
Мы умеем и в жизни руду дорогую
Отличать от породы пустой!

Будь отважен, мой друг, и спокоен —
Ты со мной в каждой песне моей...
Закаленная ветром, и стужей, и зноем
Только крепче любовь и сильней!

А путь и далек и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог!
Крепись, геолог!
Ты — ветра и солнца брат!

...Геологи пели, и хотя никакой девушки у костра уже не было, все поверили, что они только что видели ее, что они встретились с ней в эту синюю новогоднюю ночь, что песня была, только что была у их костра, потому что она не могла не прийти, когда действительно без нее, как без воздуха, нельзя больше жить...

УСТЬ-ИЛИМ

... Катер свернул вправо, и мы оказались в устье довольно широкой реки.

— Илим, — сказал капитан.

Так вот ты каков, Илим! Неторопливый, с зеркальной гладью чуть коричневатой воды. Если встать на борту катера, то вода покажется серебристой — такое количество разного рода мелкой рыбешки наводнило ее. У Кобзона загорелись глаза, и, едва катер пристал к берегу, он вытащил удочки и так и простоял, подобно живописной статуе, на корме все время, пока мы купались и бродили по тайге.

Устье реки Илим... Усть-Илим. Неподалеку отсюда, в Бадарминском сужении, по первоначальному проекту хотели строить плотину. Потом было решено возводить ее несколько дальше, у Толстого мыса, но название «Усть-Илимская ГЭС» сохранилось и, возможно, так и останется навсегда.

Цепляясь за кустарники, обнимая на ходу стволы склоненных над рекой деревьев, мы карабкаемся по обрывистому берегу вверх, в тайгу. Сосны и лиственницы растутаяются. Мы выходим на поляну, покрытую сочной высокой травой, среди которой огненными островками алеют цветы. Лилии, огромные красные лилии (даурские — таково их научное название, как нам впоследствии сообщил Герман Тафинцев). Они растут не на клумбах, как мы привыкли их видеть, а прямо среди густой таежной травы, и любуются ими здесь, наверное, лишь увальни-медведи да маленькие полосатые бурундучки.

С катера сигналият: пора идти дальше. И вот мы снова на берегу Илима. В руках у нас охапки даурских лилий. На цветах в каждой капельке росы отражается солнце. Оно слепит глаза, а на душе от безбрежного простора, от воздуха, настоящего на хвойном таежном экстракте, светло и радостно. И мы, зажмурясь, подставив голову солнечным лучам, набрав полные легкие зеленого соснового воздуха, кричим:

— Эге-гей!..

И вдруг слышим в ответ:

«Эге-гей!..»

И через паузу, так же четко и ясно, в третий раз:

«Эге-гей!..»

Мы переглянулись и, словно желая проверить, не сказка ли все это, крикнули:

— Усть-Илим!

И снова через паузу услышали в ответ:

«Усть-Илим!»

Эхо было все таким же чистым и звонким, и каждая буква казалась стеклянной, когда мы услышали в третий раз:

«Усть-Илим!»

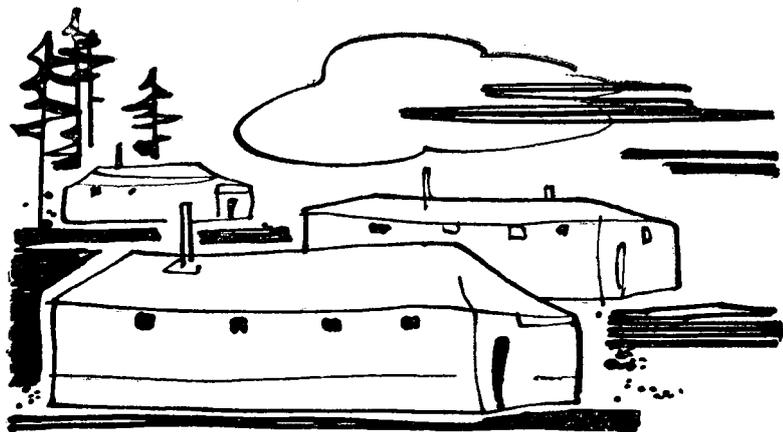
Мы вспомнили огромные студии Дома звукозаписи, строгих, седых звукорежиссеров, бьющихся над эффектом звучания голоса в безвоздушном пространстве (так называемой «реверберацией»), и подумали: «Природа создала эти чудеса раньше».

Мы плывем дальше, к поселку Строителей, туда, где живут люди, начавшие работы по строительству Усть-Илимской ГЭС. Впереди показались три огромных острова. Лосята — так называют их здесь. Лосята выросли большие. На их скалистых «ребрах» густая щетина сосен. «Головы» Лосята задевают проплывающие облака. Почему острова эти в старину прозвали Лосятами, нам выяснить не удалось. Летчики же, летающие в этих местах, говорят, что сверху Лосята кажутся следами какого-то зверя — может быть, гигантских размеров лося.

Катер вводит нашу баржу в залив.

— Постоянный, — сказал шкипер и кивнул в сторону видневшегося вдалеке поселка.

В глубине залива, на самом острове, у берега виднелись два бревенчатых домика и несколько палаток. Строители назвали свой поселок Постоянным. Они приехали сюда недавно, но, видимо, как свидетельствует название, надолго. Не прошло и десяти минут, как мы были на месте. Кобзон и Кохно нырнули под брезент, вытащили из чемоданов свои черные костюмы и стали переодеваться. Фрэд заметил:

— Стоит ли, ребята, вам переодеваться? Люди здесь простые, добрые и судить о качестве концерта будут не по костюму.

— Мы сюда приехали работать, и поэтому зрители должны нас видеть, какими увидели бы в Москве, на концерте во Дворце съездов.

(Надо сказать, что такое профессиональное отношение певцов к своему делу мы видели везде, где бы нам вместе ни приходилось выступать.)

Состоялось летучее совещание с Фрэдом: где давать концерт? Клуба пока на Усть-Илиме нет, есть красный уголок, который не вместит всех желающих. Может быть, выступить на поляне, возле «административного барака»?

И все же мы решили, не нарушая традиции, выступать на барже.

Нас предупредили, что сейчас в поселке не весь народ: еще не вернулись топографы и геологи из партии Тер-Гевондяна. Они придут не ранее чем через полтора часа. Надо подождать.

Спешить нам некуда. Будем ждать.

Усть-Илим — восемь палаток, в которых живут по восемнадцать-двадцать человек. Четыре дома, небольших, новеньких, пахнущих смолой. Длинный навес — там лесопильная рама, несколько бульдозеров и трелевочные тракторы. Почти в самой тайге — движок, дающий энергию и свет поселку. И не верится, что здесь, на этом самом месте, через несколько лет будет город, возможно, более красивый, чем Братск, а гидростанция, уже теперь известно, — мощнее Братской ГЭС.

Таким ли мы представляли себе Усть-Илим? Да, пожалуй, таким. Ничего удивительного, что масштабности стройки пока еще нет. Она будет, дайте только срок!

Заходим в одну из палаток. Разговариваем с ребятами. Задаем вопросы первыми:

— Как жизнь?

— Пускаем корни... — отвечает щупленький паренек.

В это время, словно в подтверждение того, что корни действительно пущены, в палатку вбежал мальчонка лет шести и прямо с порога крикнул:

— Ой, идите на берег! Там на барже под брезентом что-то черное привезли, блестит как зеркало. Веревку тянут. Говорят, ходить по ней будут над водой на одной ноге, прямо не держась! — залпом все выговорив, малыш помчался к другой палатке.

— Это чей же такой шустрый?

— Местный житель. У него еще сестренка младшая есть, такая же боевая.

— А приезжих здесь много?

— Да почти все приезжие: кто из Братска, кто из других городов.

— И не скучаете?

— Некогда скучать. Только динамиков нам завезли бы, товарищ Юсфин. У нас вот последние известия Колька по палаткам разносит, который только что забегал.

А динамик пока один. Всего один! Ну куда это годится? И тот у девчат находится, а к ним ведь в любое время не заскочишь музыку послушать.

— Что, не пускают?

— Один смельчак нашелся, после одиннадцати сунулся, про футбол узнать хотел, так они ему... уши надрали.

— Еще гитара у нас одна имеется и детский рояльчик у Тер-Гевондяна. Вот пока все наши музыкальные ресурсы.

— С сегодняшнего дня ресурсы ваши увеличатся, — сказал Фрэд. — То самое черное, что «блестит как зеркало», принадлежит вам. Это новенькое пианино «Кама». После концерта можете выгружать.

Фрэда хотели качнуть, но мы уберегли его от этого. Кто-то из ребят сказал даже такую фразу:

— Тут с сигаретами перебой, ну да что там, потерпим. А вот «Кама» в гости к Ангаре прикатила — это сейчас нам как вода, которую в Каракумы в бочках привозили...

Люди соскучились по музыке. Они спрашивали о песнях, спрашивали, привезли ли мы что-нибудь новенькое для них.

Нам стало ясно: недаром мы вместе с Фредом выпрашивали там, в Братске, пианино для Усть-Илима, недаром везли его, укрывая от холода и дождей. В палатке было много народа. Может быть, здесь был кто-нибудь из тех семерых, кто под руководством Иннокентия Перетолчина начал в ноябре 1962 года работы на Усть-Илиме. Сначала их было семеро, потом в бригаде стало тридцать человек, потом сто. Может быть, сейчас в палатке находился кто-нибудь из экипажа первого санно-тракторного поезда, пробиравшегося через тайгу из Братска к Усть-Илиму. Это напоминало антарктические экспедиции. Только шел этот ледовый караван не к Полюсу холода, а к Полюсу света. Ведь самую мощную гидростанцию будущего можно назвать Полюсом света! И вот теперь они, эти мужественные люди, как дети, радовались встрече с музыкой. А мы подумали: «Может быть, они все оказались здесь потому, что услышали когда-нибудь эхо далекого Усть-Илима».

...Концерт уже шел. Но из тумана, стелющегося над рекой, все прибывали и прибывали остроносые моторки... Десять костров освещали «партер», «амфитеатр» и плавающие «ложи». Плавающие потому, что шлюпки вынырива-

ли из тумана отовсюду, прижимались к берегу и люди, не выходя из них, слушали песни, посвященные сибирякам. Но в сибирском цикле была одна, адресованная именно тем, кто слушал нас сейчас, сидя на высоком обрывистом берегу, именно им — и никому другому. Песня эта называлась «Письмо на Усть-Илим», и написана она была еще в Москве, задолго до того, как мы приехали сюда. Она была написана даже до того, как первая бригада начала свои работы у створа будущей плотины. Тогда здесь были только костры да палатки изыскателей. Наверное, они, намаявшись после трудового дня, собирались у огня, пели песни,

вспоминали о любимых, оставленных где-то в Москве, и сетовали на то, что письма в эти глухие места идут очень долго и приходят слишком уж редко. И вот от имени одной из любимых мы и решили послать на далекий Усть-Илим это музыкальное письмо. Почему мы написали песню, даже ни разу не побывав здесь? Почему именно об Усть-Илиме, а не о других местах, где мы уже все видели, казалось, досконально изучили «материал»? Почему эта песня стала едва ли не самой любимой у нас в сибирском цикле? Порой нам даже казалось, что песня эта существует сама по себе, как бы без нашего участия. Почему так случилось? Не знаем... Но, может быть, до нас тоже долетело эхо, чистое, стеклянное эхо с таежной реки Илим... Ведь в жизни у всего нового, будь то высокая идея, научное открытие или начинающаяся стройка, есть свое эхо, и оно обязательно прилетит к тебе, обязательно коснется твоего сердца.

ПИСЬМО НА УСТЬ-ИЛИМ

Над Москвой незнакомые ветры поют,
Над Москвой облака, словно письма, плывут...
Я по карте слежу за маршрутом твоим,
Это странное слово ищу — Усть-Илим...

Усть-Илим на далекой таежной реке,
Усть-Илим от огней городских вдалеке.
Пахнут хвоей зеленые звезды тайги,
И вполголоса сосны читают стихи...

Позови — я пройду сквозь глухую тайгу,
Позови — я приду сквозь метель и пургу.
Оглянись — неприметной таежной сосной
Уж давно я стою за твоею спиной.

Усть-Илим, над Москвой твои ветры поют,
Усть-Илим, твои ветры в дорогу зовут...
Усть-Илим... две зеленых звезды в небесах...
И костер... и тоска в его рыжих глазах...

ПЯТЕРО С КАТЕРА «ГЭС-32»

В судовом свидетельстве, выданном судоходной инспекцией Восточно-Сибирского бассейна катеру «ГЭС-32», сказано: «Район плавания: река Ангара — нижний бьеф Братской ГЭС».

Это не совсем точно. Экипаж катера направлен на самый трудный участок Воробьево — Невон. Это значит, что, благополучно пройдя весной Ершовские пороги, команда осталась работать в низовьях Ангары. Участок малоисследованный, а потому трудный.

...Их пять человек. Если сложить их годы вместе, получится внушительная цифра — 110 лет. Ну, а если раздать каждому члену экипажа свое, то выяснится, что самому старшему в команде, механику Геннадию Орлову, всего 24 года. Никто из этих ребят не изображает «морского волка». Да если бы кто-нибудь из них и поднатужился, завел бы себе трубку, выработал походку вразвалочку и спал в мичманке, ничего бы из этого не вышло. Пожалуй, это выглядело бы даже комично. В том-то и прелесть этих ребят, что они простые, крепкие, добродушные, а в душе прирожденные речники. Заманила их всех к себе Ангара из разных концов страны. «Поставила им петельки-силки», — как сказал бы старик, беседовавший с девчонками на палубе.

На первый взгляд вряд ли бы можно было их отличить от пассажиров. Единственно, что выдает их профессию, — это тельняшки, которые они надевают, но только по вече-

рам, когда прохлада заставляет нас кутаться чуть ли не в шубы.

— Что, товарищи, погода не климатит? — спрашивает нас помощник капитана Николай Киселев. Надо, видимо, понимать «не радуется», «не удовлетворяет». Мы киваем головой, поднимаем воротники, а Николай улыбается. Он с явным удовольствием разгуливает по палубе, и видно, что его радует погода, его-то она «климатит».

Днем же вся команда, за исключением капитана, по пояс раздета. Капитану нельзя терять престиж, он был постоянно в сером свитере. Русые волосы закинута назад, и за ними он не забывал следить, особенно когда катер подходил к населенным пунктам. Ну, это и понятно: двадцать три года!..

Виктор Дубровин, коренной сибиряк, родом из Нижне-Илимска, плавает с пятнадцати лет. Ходил матросом, потом сдал на помощника капитана, потом на капитана.

— Виктор, а как ты определяешь, куда надо вести катер — где мель, а где глубже?

— А по волне... — невозмутимо отвечает капитан.

Всматриваемся мы в эту самую волну и никак не можем постигнуть капитанскую премудрость, и кажется нам эта самая волна везде-везде одинаковой.

...Идет катер по Ангаре, у штурвала — помощник капитана, а Виктор прилег на баке, подложив под голову пробковый спасательный пояс. Глаза закрыты, то ли спит, то ли думает.

Катер медленно пробирается по реке сквозь пелену белесого тумана. И вдруг Виктор вскочил, словно ужаленный пчелой, бросился в рубку — и за штурвал.

— Ты что так близко к берегу пошел? — крикнул он помощнику. И резко дал штурвал вправо.

Как он это почувствовал? Ведь он не мог даже видеть берега, не мог видеть волну, по которой обычно определял, где глубоко, где мелко.

Ветер, подувший из-за выступа скалы, разорвал туман, и мы увидели, что катер в самом деле шел на опасном расстоянии от берега. Мы переглянулись. Это была интуиция прирожденного водника, интуиция бывалого капитана.

Васинович Анатолий попал на катер после того, как услышал, что здесь требовался радист.

— Это же моя родная специальность. Я в армии радистом был, — говорит он.

Правда, пока еще рация на «ГЭС-32» не работает, но Анатолия это не смущает. Пока он с удовольствием выполняет всю нелегкую работу матроса, а время от времени подходит к радию, что-то протирает, что-то прилаживает. Скоро определят волны, на которых должна работать рация катера, и у Анатолия два или три раза в сутки (сколько раз дадут связь) будет работа «по душе».

Роман Демькив по молодости в армии не служил. Аккуратный и исполнительный матрос, по совместительству он еще и корабельный кок. А так как наша «команда» в буквальном смысле объедала корабельную, мы можем свидетельствовать — отличный кок на «ГЭС-32»! Из весьма небогатого ассортимента продуктов он умел готовить такие флотские щи, такое отличное жаркое, что не только Кобзон, а мы все съедали по две-три порции, и обедавшая после нас команда, наверное, не раз удивлялась нашему могучему аппетиту. Мы и сейчас представляем себе, как на узкой лестнице кубрика появляется с огромнейшей кастрюлей в руках наш дорогой кормилец и, улыбаясь, приглашает к столу. Как и полагается коку, Роман самый плотный, самый упитанный человек на катере, а потому его улыбка самая добрая и самая многообещающая... В паузах между делами на палубе и плиты Роман успевал спуститься в кубрик и поиграть на баяне. У Романа неизменно улыбающееся лицо. Однажды он ненадолго вздремнул у плиты. Устал парень, две должности — это не пустяк. Пахмутова, взглянув в кубрик, позвала нас:

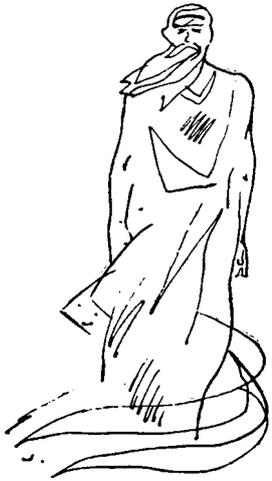
— Смотрите. Он и во сне улыбается.

Очевидно, радостное настроение никогда не покидает молодого матроса.

А вот у Геннадия Орлова, механика катера, какие-то грустные глаза. Серые, вдумчивые, они как-то очень серьезно, глубоко смотрят на мир. Гена внешне, пожалуй, меньше всех похож на моряка. Скорее, вы примете его за инженера, конструктора. Он молчалив. Вот он вышел из моторного отделения, сел на носу и задумался.

— О чем думаете, Гена?

— Я?.. — Он как-то застенчиво заморгал и не сразу

ответил. — Да разное в голову приходит... Вот удивляюсь, зачем нужно было Ангаре убежать от старика отца, Байкала? Легенда говорит, что Енисей ее покорил, а я вот думаю: как ни красив Енисей, а вряд ли он пара Ангаре... Да и кого ей в пару подберешь? Есть ли такой красавец на белом свете? А старик Байкал, наверное, до сих пор грустит о дочке, с друзьями-шаманами советуется, как бы вернуть ее в отчий дом...

Гена так образно рассказывал, что мы невольно представили себе, как стоит среди мрачных, нахмуренных скал разгневанный Байкал и смотрит вдаль, вслед убегающей дочери.

— А с другой стороны, хорошо, что Ангара от старика своего сбежала, а то бы не плавать нам по ее просторам, — продолжал Гена.

— Так все-таки непонятно: вы сами-то довольны, что она убежала, или грустите по этому поводу?

— Грустит, грустит! — озорно отвечает за Геннадия Рома. — Только не по этому поводу...

Он достает баян и играет что-то напевное, лирическое, и нам сразу становится ясно, о чем грустит старший механик.

Подходит Коля Киселев и, словно уловив настроение ребят, говорит нам:

— Конечно, в прошлом году веселее было. Плавали мы от Иркутска до Братска. Города большие, во время стоянок и кино успеешь посмотреть и на танцы сходишь... Ну да ничего, — успокаивает он сам себя. — Молодежи в этих местах все больше и больше, так что скоро и здесь весело будет. Только пока почему-то в основном ребята на новые места едут, девчат совсем почти нет.

— Приедут, — отвечаем мы. — Просто такая уж у них, у девчат, привычка: всюду, как на свидание, немного запаздывать.

— В Иркутске свидания обычно у фонтана назначают, — вздохнув, сказал Коля.

Мы вспомнили Иркутск — большой город, залитый огнями, зеленую площадь, фонтан — ориентир влюбленных, и подумали:

«Эх, девчата, девчата! Если бы вы знали, какие чудесные парни на катере «ГЭС-32»! Если бы видели, как здорово выполняет каждый свою работу! Если бы посмотрели, какая образцовая чистота на судне! Если бы послушали, как играет на баяне корабельный кок Рома! Если бы хоть раз прошли вместе с экипажем катера по каменистой бурной реке в холодные осенние вечера, когда ветер гонит по небу серые тучи, а на окошечко рубки падает мокрый снег!...»

Но девчата далеко, за многими километрами суровой водной дороги, и о чем-то вздыхает в руках Романа баян, и задумчиво глядит вдаль Геннадий Орлов, а Николай Киселев мечтательно улыбается. Наверное, вспомнил он город Иркутск, прохладные летние вечера на набережной Ангары и этот дорогой для всех влюбленных фонтан...

У ФОНТАНА

У фонтана, у фонтана
Этой солнечной весной
Так негаданно-нежданно
Повстречались мы с тобою...

Я в глаза тебе смотрю
И тихонько говорю:
«Ну, скажи, скажи хоть слово!
Может, любишь ты другого,
Может, просто холодна,
Как ангарская волна?»

А вокруг в листве зеленой
Струйки звонкие искрятся,
И в глазах у всех влюбленных
Брызги счастья серебрятся...

Я в глаза тебе смотрю
И тихонько говорю:
«Ну скажи, скажи хоть слово!
Может, любишь ты другого,
Может, просто холодна,
Как ангарская волна?»

Прилетит на белых крыльях
В город к нам пурга, как птица,
Снежной пеной, белой пылью
Наш фонтан засеребрится,

Но сквозь вьюгу голос мой
Прилетит к тебе одной:
«Ну скажи, скажи хоть слово!
Может, любишь ты другого,
Может, просто холодна,
Как ангарская волна?»

Набирал себе экипаж сам Виктор Дубровин. Было дано ему такое право. И вот не ошибся в людях капитан.

— С моими ребятами хоть куда можно плыть! Вздумай Ангара в космос повернуть, и туда с ними не страшно. Крылья сообща приделали бы к нашему «ГЭС-32» и... полетели! Была бы летная погода!

Мы шли на катере «ГЭС-32» от Воробьева до Усть-Илима, но в этих словах капитана убедились сами несколько позднее. Наш обратный путь намечался так: водой до Невона, из Невона 20 июля в Братск самолетом. 21 июля согласно афишам выступление в Братске, в клубе «Комсомолец».

— Все идет по плану, — твердо сказал Фрэд. — Была бы летная погода, а все остальное зависит от нас...

Однако в ночь на 20-е прошла гроза. Глинистая почва, до этого уже изрядно набухшая, стала похожа на взволнованное коричневое море. Стоит сойти с деревянных тротуаров, проложенных по главной и единственной улице поселка Строителей, как тут же проваливаешься в жидкую грязь гораздо выше колена.

— Едва ли аэродром сможет принять самолет после таких дождей, — задумчиво сказал Фрэд и посмотрел на небо.

Оно было кроваво-красным, с чернильными разводами грозных облаков.

— Да и небо не для наших извозчиков.

Под «извозчиками» Фрэд подразумевал маленькие, похожие на зеленых стрекоз самолеты, курсирующие между Братском и Усть-Илимом.

Предчувствия Фрэда оказались пророческими: через час-другой небо затянуло совсем и полил дождь.

Стало ясно: такое не на один день. И так, авиатранспорт отменяется. Автодорога, как известно, будет построена года через полтора. Тоже ждать долго. Остается одно — Ангара и наш ставший уже родным катер «ГЭС-32». Для страховки попробовали вызвать по радию Братск. Радист в Невоне в течение пятнадцати минут тщетно старался связаться с городом, потом устало и безразлично сказал:

— Сегодня суббота... короткий день. Видимо, они уже кончили. Связи с Братском не будет до понедельника.

Собрался «штаб»: Фрэд Юсфин, начальник стройучастка Юрий Антонович Гилис и капитан «ГЭС-32» Виктор Дубровин.

— Сколько вы шли сюда? — спросил Гилис у Фрэда.

— Трое с половиной суток.

— Это вниз по течению. Понятно. А сколько тебе, Виктор, понадобится дней, чтобы доставить людей в Братск?

— Постараемся — за двое с половиной суток.

— Вверх по течению? — удивленно вскинул брови Гилис.

— Вверх по течению, — спокойно ответил Дубровин.

— А пороги?

— А что пороги? Не ходили, что ли, через пороги?.. Дождь нам не помеха. Это вот для тех, кто в небе, это для них — была бы летная погода...

— Сама судьба за нас! Небо за нас! Экипаж за нас! Что ж, братцы, — обратился к нам Фрэд, — не велено было вас пускать через пороги, но метеосводка будет нашим пропуском. Вперед, к «зверю в шкуре»!

— Метр восемьдесят, метр шестьдесят, метр пятьдесят...

Это помощник капитана стоит на носу катера и «наметкой» — длинным полосатым шестом — промеряет глубину.

— Метр сорок, метр тридцать, метр десять...

От каждого удара шеста о дно вздрагивает сердце. Катер, лавируя между камнями, ежеминутно меняет направление, и все же глубина уменьшается.

— Метр, девяносто... восемьдесят...

Двадцатидвухтонную посудину швыряет из стороны в сторону. Кажется, одно — только одно! — неосторожное движение штурвала, и катер, как игрушка, разлетится в щепки на острозубых рифах. У руля — Виктор Дубровин. Рядом с ним Александр Иванович Обрядин, какой-то необыкновенно собранный и торжественный. Он словно принимает парад разбушевавшейся стихии.

Ветер растрепал его пышные волосы с едва заметной сединой. Обрядин стоит чуть впереди и скупыми точными жестами показывает — чуть вправо, чуть влево, еще влево. Виктор вращает штурвальное колесо и дает чуть вправо, чуть влево, еще влево.

...Мы лежим на крыше рубки, вцепившись руками в канаты, и смотрим вниз. Воронки, водовороты, пенящиеся буруны... И камни... Справа, слева... Одиночные и целые гряды. Острые и покатые. Голые, отшлифованные и покрытые водорослями. Кажется, где-то там, на дне, в какой-то дикой, неистовой пляске беснуются зеленоватые чудовища, оскалив хищные, острые зубы...

Но вот уже позади ориентиры опасности — камни Беляк и Селезень, где-то совсем недалеко, как страшный памятник чудовищной силе порогов, навеки осталась стоять на камнях огромная нефтеналивная баржа... Кипят и пенятся гривастые волны, с бешеной скоростью кружится вода в глубинных воронках. Волны хлещут на палубу. А взглянешь на берег и увидишь, как по отвесным скалам убегают вверх таежные сосны. Слово в страхе перед этой необузданной силищей, бегут они все выше вверх, подальше от клубящейся реки. Но не в силах подняться и убежать, они падают, цепляются друг за друга; ухватившись корнями за голые камни, они висят над пропастью и стонут от ужаса. Нет, недаром в старину прозвали эти пороги Шаманскими!..

Мы благодарили непогоду за все то, что нам пришлось пережить в этот день, за то, что нам представилась воз-

можность пройти через Ершовские пороги, через которые, как нам сказали, за всю историю прошло не более сотни людей...

...Вдруг где-то совсем рядом грянул выстрел. Мы вздрогнули. Оказывается, это Фрэд дал салют в честь благополучного штурма порогов. Из ружья была извлечена гильза, вся команда катера «ГЭС-32» расписалась на ней, и сейчас она бережно хранится на письменном столе Александры Пахмутовой, напоминая об этом походе.

...И теперь, когда мы говорим о молодежи, работающей на сибирской реке, нам вспоминается молодая, веселая команда катера «ГЭС-32». И вся Сибирь нам представляется таким комсомольско-молодежным экипажем, дружным, скромным и дерзким, умеющим, если надо, пройти через любые, кажущиеся неприступными пороги.

СИБИРЬ

Земля моя таежная,
Сибирский край могучий —
На всей земле, наверно, нет
И рек и пашен лучше!

Такой красоты и шири
Нигде нет в целом мире!
И зори,
Золотистые зори
Горят и горят на просторе
В Сибири, в Сибири...

Открыли здесь геологи
К подземнымкладам двери,
Богатств таких, наверно, нет
На Марсе и Венере!

Ведут пути сибирские
И к счастью и к удаче.
Нигде девчат, наверно, нет
Таких, как сибирячки!

В Сибири дружит молодость
И с удалью и с риском.
Для славных дел предела нет
У нас, в краю Сибирском!

Такой красоты и шири
Нигде нет в целом мире!
И зори,
Золотистые зори
Горят и горят на просторе
В Сибири, в Сибири...

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Однажды Гена Орлов спросил нас:
— Скажите, где сейчас Евгений Кибкало? Что-то его почти не слышно...

Мы ответили, что солист Большого театра Кибкало уезжал в Италию, где совершенствовал свое мастерство, поэтому Гена Орлов вот уже год не слышал новых записей лучшего нашего баритона. Мы сказали, что он уже вернулся в Москву и скоро снова будет петь в Большом театре.

Геннадий впервые услышал Кибкало по радио в опере В. Шубина «Укрощение строптивой». С тех пор молодой строитель Братска стал внимательно следить за молодым певцом Большого театра. Он знает все его записи, дома у Гены все пластинки Евгения Кибкало.

Наверно, Евгений Кибкало не слышал о механике-самбучке с далекой таежной реки, но мы убеждены, что в их судьбах, в их мечтах, в их жизни много общего.

Гена Орлов в непроходимой тайге строил линии электропередач. Сейчас он по малоизученным участкам Ангары водит буксирный катер. Евгений Кибкало — первый исполнитель трудных ролей в современном оперном репертуаре. Он дал путевку в жизнь многим советским песням. И вот что удивительно: Гена Орлов глубоко уважает за это артиста Кибкало, а нам порой приходилось слышать, да и не только слышать, но и читать, что-де Кибкало «испортила работа над современным репертуаром», мол,

такой прекрасный оперный певец, а «разменивается» на песни.

Высказываясь так, критики незаслуженно ставят современную песню в положение Золушки, забывая о том, что многие другие музыкальные жанры «произошли» от песни. Песня родилась в труде, человек бережно пронес ее через века и передал новым поколениям. Без песни невозможно прожить жизнь, вот почему Гена Орлов собирает пластинки Евгения Кибкало.

Представим себе, что кому-то не нравится опера, а нравится только песня. Будет ли он прав, если скажет: «Давайте зачеркнем оперу и оставим только песни. Ведь не арии Гремина поют в походах туристы...»? (Хотя нам кажется, что с «Куплетами тореадора» можно идти и в туристский поход.) Такое выступление против оперы было бы не менее нелепым, чем пренебрежительное отношение к песне. Почему мы так много говорим об этом? Да потому, что нам кажется нелегким делом дать песне путевку в жизнь. Она тоже требует собственного «решения» и не меньшего внимания и затраты сил, чем партия в опере, конечно, если за песню берется настоящий художник. Отлично, что Евгений Кибкало много времени отдает работе над современным репертуаром, что он, как и механик с далекой сибирской реки, не выбирает в жизни путей «протоптанной и легкой». И, может быть, когда-нибудь артист Большого театра споет песню о Геннадии Орлове или сыграет в театре роль молодого строителя, и образ этот будет похож на кого-нибудь из ребят комсомольско-молодежного экипажа.

...Мы вспоминаем, как во время своего пребывания в Москве один из братчан зашел вместе с нами на репетицию в Государственный цирк. В то время там ставилась водяная феерия «Карнавал на Кубе». Даже если бы во всей остальной программе не было ничего интересного, зрители, наверное, ходили бы на этот спектакль из-за гимнастики Вали Сурковой. Те, кто видел «Карнавал на Кубе», наверное, никогда не забудут хрупкую гимнастку в зеленом костюме. Без всякой поддержки и страховки, на головокружительной высоте, порою держась лишь одной ногой за колеблющийся канат, Суркова в образе какого-то символического зеленого существа, напоминаю-

щего гибкостью змею, проделывала номера, от которых захватывало дух...

Когда братчанин увидел, с каким упорством, с каким ожесточением отрабатывает Валентина Суркова на занятиях каждое свое движение, сколько пота и крови стоит высокое артистическое мастерство, он едва слышно произнес:

— Вот это работа!..

Мы уверены в том, что если бы Валя Суркова увидела, как кладут бетон в сорокаградусные морозы на открытых всем ветрам отвесных скалах братские строители, она, наверное, так же бы восхищенно сказала:

— Вот это работа!..

Кстати, познакомившись, они тут же стали договариваться о том, что хорошо бы Вале выступить у них в Братске. И вдруг неожиданное препятствие:

— Да у нас же помещения такого нет, где бы вы могли этот ваш номер показать.

И тогда Валя Суркова совершенно серьезно сказала:

— А на крае разве нельзя? Я бы могла. Я один раз уже так выступала. Прямо на стройплощадке...

И мы, слышавшие этот разговор, подумали: «Они делают одно общее дело. И неважно, что один из них строитель по профессии, а другой по профессии артист цирка».

Почти все братчане, с которыми нам приходилось встречаться, проявляют самый живой интерес к литературе, музыке, театру. Поговорите со строителями Владимиром Долгим, с Алексеем Марчуком о поэзии, о проблемах романа, и вас поразит их глубокая эрудиция, точность критических замечаний. Правда, что касается Владимира Долгого, — это не удивительно. Окончив филологический факультет Московского университета, он приехал в Братск и стал работать... электросварщиком. А в клубе «Комсомолец» он читал лекции о литературе, о международном положении. И во время этих лекций в зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Нам рассказывали, что он очень хороший электросварщик. И все же мы думаем, что Владимир не изменил своей основной профессии. Он никогда не говорил нам об этом, но мы верим, что в долгие зимние

вечера работает Владимир Долгий над книгой по истории Братска и когда-нибудь мы, наверное, познакомимся с трудом этого интересного человека, филолога по профессии, работавшего на строительстве Братской ГЭС простым электросварщиком.

...Когда-то давно, еще в самом начале строительства, на диабазовой глыбище, над великой сибирской рекой появилась надпись: «Мы покорим тебя, Ангара!»

На ледяном ветру несколько часов выводил эти гордые слова молодой рабочий. Говорят, это был Николай Сластенко. Сейчас его пейзажи висят в клубах Братска. Сластенко работал на стройке, а в свободное время занимался живописью. Мыс Пурсей, Падунские пороги, самые первые «кадры» стройки — вот «сюжеты» его картин. Николай погиб в Братске, погиб в городе, в который он был влюблен.

Такая любовь не умирает, она живет в его картинах, напоминающих о начале строительства. Значит, он и сейчас с теми, кто сегодня заканчивает работы на плотине. Он остался в строю. И право на это дали ему беззаветная любовь к Братску и творчество, которое было нераздельно с этой любовью. И смотрят со стен клубов лиловые камни Падунских порогов, все в белой пене кипящей ангарской волны. И люди, приехавшие в Братск позже, видят эти уже давно затопленные пороги глазами художника Коли Сластенко...

Мы не помним ни одного выступления, после которого не задавались бы десятки вопросов, не начинались бы дискуссии по самым различным проблемам в области искусства. Живопись, театр, кино, опера — все интересует людей в Братске. А сколько раз мы слушали стихи рабочих-поэтов, песни, сочиненные местными баянистами, выступления самодеятельных инструментальных ансамблей! И даже те, кто сам непосредственно картин не рисует, стихов не пишет и не поет в хоре, любят искусство, интересуются им. Уважение братчан к творческому труду далеко не случайно. Мы убеждены: в работе строителей и труде работников искусств много общего.

Поглядите, с какой «отдачей» работают строители Братска, послушайте, с какой волей к совершенствованию репе-

тируют по несколько часов в день великие артисты и музыканты, — и вы убедитесь в этом. Панорама Братской ГЭС вызывает такое же эстетическое наслаждение, какое испытываешь, когда смотришь на знаменитые произведения искусства. А создание высоких произведений искусства немислимо без труда, тяжелого, упорного, ежедневного, ежечасного, без труда, не знающего покоя и отдыха, без труда, который сродни поистине титанической работе строителей Братска. Недаром и то и другое так восхищает, так ошеломляет. Американцы, приезжающие в Братск, благоговейно смотрят на чудо современного строительства — Братскую ГЭС; американцы, которым посчастливилось попасть на спектакли советского балета в Нью-Йорке, стоя восхищенно аплодировали чуду нашего искусства — Улановой, Плисецкой. Это дань нашей стране, нашим людям, талантливым и одержимым, побеждающим везде — в космосе, в тайге и на залитой огнями сцене.

«НЕ ИМЕЮ ПРАВА ОШИБАТЬСЯ»

Когда люди из других городов приезжают в Москву, они стараются как можно больше увидеть, и в первую очередь Кремль, Большой театр, Третьяковскую галерею. Они стараются побывать на Ленинских горах и в Лужниках, во Дворце съездов и на ВДНХ. Перечислить все, куда стремятся попасть человек, впервые приехавший в Москву, пожалуй, невозможно.

В Братске достопримечательностей тоже много. Гости города идут на мыс Пурсей, к морю, осматривают древнюю сторожевую башню. Но в первую очередь они хотят попасть на плотину. На этом уникальном по своим масштабам сооружении можно увидеть, словно на выставке, новейшую строительную технику, начиная от бульдозеров, самосвалов и кончая двухконсольными кранами пятидесятиметровой высоты. Они кажутся гигантами-чемпионами, съехавшимися на международные соревнования по поднятию тяжестей. Вот один хватает невероятных размеров бадью с бетоном и выжимает ее, словно бы шутя, другой не уступает ему, а их тут шесть, первейших в мире, и соревнуются они ежедневно, еженощно вот уже несколько лет. Посмотреть на это «олимпийское состязание» приезжают со всех концов мира, и, судя по отзывам, не было таких, которые оставались бы равнодушными. Но ведь краны — это всего лишь техника, а технику создают и управляют ею люди. Значит, на поверку выходит — удивляются-то людям. Нам посчастливилось: мы побывали на плотине несколько раз. И вот что нам невольно пришло в голову.

Шесть гигантов. Шесть единственных в мире. Шесть двухконсольных, недостижимых по своей космической высоте. Шесть первых. Мы поинтересовались, в какой последовательности они монтировались. Нам показали: «Вот этот был первым».

— Так, — решили мы, — значит, этот — Юрий Гагарин, вон тот — Герман Титов, там Николаев, Попович, Быковский, Терешкова...

Терешкова! Да, не только мужчины могут быть сильными, не только они могут покорять космос! И не только они строили Братскую ГЭС.

...Когда мы последний раз, в 1963 году, подъезжали к плотине, длинная вереница груженных машин остановилась перед красным светофором, у эстакады. Машины переждали встречный поток. Движение здесь одностороннее. Среди громоздких грузовиков-тружеников стояла в ожидании зеленого света светло-серая «Волга». За рулем ее сидела женщина. Блондинка, с живым, добрым выражением лица. Зеленый сигнал светофора — машины двинулись по эстакаде на противоположный берег Ангары.

...В который раз мы на плотине, а ведь увидели еще далеко не все. Осмотр всегда проходил с опытными гидами, профессионально и добросовестно рассказывавшими о стройке. Но вот возле нас остановилась та самая женщина с «Волги».

— Татьяна Конько, инженер, — представилась она.

Нас передали в ее распоряжение. Оказывается, мы попали на участок, где она работает. Сейчас она в отпуске, но каждый день, хоть ненадолго, она навещает свой участок.

— Прихожу сюда, как на свидание, — улыбается Таня.

В кого же она влюблена? В бетон. В его конструкции. И если бы мы этого не знали, то по словам: «он нежный», «он капризный», «он сильный» — можно было бы подумать, что речь идет об одухотворенном существе.

Мы спросили Татьяну Конько, почему с бетонной стены свешиваются шланги с постоянно текущей водой.

— Он любит воду.

— А разве ее мало по ту сторону этой стены?

— Там же Братское море прижалось к плотине. А чтобы удержать своей грудью целое море, он должен быть

крепким. Элементарные вещи. Человек крепок головой, а бетон — водой.

На самой вершине плотины показался человек. Он узнал Таню и приветственно помахал ей рукой. Услышать, что он ей крикнул, было невозможно. Нас разделял колодец шириной метров пятнадцать-двадцать. Из стометровой глубины его доносились звуки работающих агрегатов. У человека на плече была свернутая в кольцо веревка. Одним концом он зацепился за торчащую, словно иглы у ежа, арматуру, снял все кольцо с плеча, как-то очень хитро перекинул веревку через плечо, потом вокруг пояса и стал быстро сбегать по отвесной стене вниз, туда, где клокочет вода и откуда доносятся звуки моторов. Вот он откусил специальными щипцами торчащий кусок арматуры и снова побежал вверх по гладкой отвесной стене.

— Непостижимо! — вырвалось у кого-то из нас. — Герой да и только! Цирковой номер!

— Верхолаз, — тихо сказала Таня. — Только за эти вещи ему необходимо всыпать. Вы заметили: он не пользовался страховочным поясом...

Откровенно говоря, мы этого не заметили. Мы любовались мастерством верхолаза. А он забрался наверх, что-то прожестикнул нам, потом расхохотался. Таня погрозила ему пальцем. Верхолаз опять же жестом дал понять, что виноват, свернул в кольцо веревку и скрылся. Таня продолжала:

— К высоте надо привыкнуть.

— А это возможно? Я, например, не смогла бы привыкнуть, — сказала Пахмутова. — Страшно ведь...

Таня Конько как-то застенчиво улыбнулась и ответила вопросом на вопрос:

— А выступать перед тысячной аудиторией не страшно?..

— Не страшно, а волнительно...

— А мне кажется, ой как страшно!

Обе рассмеялись. Потом Татьяна Конько рассказала нам, что теперь работает она в производственно-техническом отделе.

— Делаю расчеты, чертежи, по которым строят опалубку. Бетону можно придать любую форму. А конструкторские формы бывают самыми различными. Малейшая не-

точность в проекте — и все пойдет насмарку, труд сотен людей... Может произойти непоправимое... — Помолчав, она сказала: — Вот и парню-верхолазу нельзя ошибаться. И я не имею права ошибаться. И вообще здесь, на стройке, никто не имеет права ошибаться. Правда, есть такая поговорка: «Не ошибается тот, кто не работает». А я вот думаю: «Ошибки могут быть, но в пределах возможного, в пределах поправимого». Я сама из Одессы. Окончила гидростроительный институт, вышла замуж, и теперь мы с мужем в Братске. А вот многие наши товарищи предпочли остаться в Одессе. «Куда вы едете, там же нет моря!» — говорили они нам. А теперь и у нас море. А как вы думаете, какое море дороже: то, которое появилось само по себе и плещется миллионы лет, или вот это, сделанное собственными руками, чистое, молодое, красивое? Да еще вот эта ГЭС, да еще новый город в придачу...

— Наши однокурсники тоже работают, — продолжала Таня, — строят разные объекты. И вот когда мы с Володей, с мужем, приезжаем в отпуск в Одессу, ребята часто приглашают нас на свои стройки. Поверьте, это не преувеличение, но их объекты для наших строителей из Братска — на один зубок, и по срокам и по качеству. Вот я и думаю: а не ошиблись ли наши парни? Вероятно, ошиблись, но... в пределах возможного. Специалисты они хорошие и на таких стройках, как Братская ГЭС, были бы очень нужны.

Совсем не безоблачно прошла Танина жизнь на стройке. Было все: и трудности, и жить приходилось в землянках, и зима с жестокой холодностью старалась выселить южан из Сибири. Мы уговорили Татьяну Конько рассказать хотя бы один из эпизодов первых лет жизни в Братске.

— Майским утром 1955 года, — рассказывает Таня, — мы на самосвалах пробирались по банкету. (Это такая земляная насыпь, с которой идет дальнейшее перекрытие реки.) Работала я тогда мастером. Почти все инженеры-гидростроители вначале работали не по специальности. В первой машине с шофером сидела я, а через четыре машины сзади — девушка-учетчица. В том году упрямая зима долго держалась. Но всему приходит конец... И вот вдруг где-то за нами раздался выстрел, сильный, словно из орудия. Это начался ледоход. Лед вздыбился. Ломаясь и треща, льдины лезли одна на другую. Я оглянулась и увидела, как на бан-

кет стала надвигаться, словно айсберг, огромная, толстая льдиница. Она встала на дыбы и приготовилась к прыжку. Это было внезапно. Такая льдина сметет на своем пути все. Она отрезала нас от берега, от других машин, от девушки-учетчицы. Шофер и я успели выскочить из машины. По ту сторону льдины, где осталась учетчица, раздался крик о помощи. И вдруг все смолкло. Мелькнула мысль, что там люди и машины погибли. Очередь за нами... Я и сейчас мысленно вижу и тонкую полоску банкета, разрезанную пополам начавшимся ледоходом, и ревущую реку, и надвигающуюся на нас льдину...

— Ну и что же дальше?

Таня улыбается.

— А дальше чудо! Буквально в двух шагах от нас льдина остановилась. Сама остановилась. Я не могу понять, почему это произошло. Так неудержимо надвигалась — и вдруг стоп! С тех пор мы с мужем отмечаем это второе мое рождение. Ведь бывает, как это там: Никола летний, Никола зимний. Так я теперь тоже Татьяна летняя и зимняя...

Помолчав, Таня добавила:

— Суровая была зима тысяча девятьсот пятьдесят пятого... Но сдалась, капитулировала, выкинула белый флаг.

КАК СДАВАЛАСЬ ПУРГА

Помнишь зимние ночи без сна,
Как пурга перед нами выплясывала,
Как сдавалась ребятам она —
Белый флаг выбрасывала!

На реке бушевал ледоход,
И шумела тайга растревоженная —
Это шла наша юность в поход,
На мечту помноженная!

Мы учились себя не жалеть,
Чтоб пройти по тайге победителями.
Очень многое надо уметь,
Чтобы стать строителями!

— А вы знаете, откуда красивее всего вид на плотину? — спросила нас Татьяна Конько.

— Нет, конечно.

— Поедемте — покажу...

И действительно, Таня привезла нас в «заветное» место. Там из-за таежных сосен, из-за зарослей иван-чая плотина была особенно красива. Она казалась серебряной частицей в хвойном орнаменте сибирской природы. Тонкие ветви двухконсольных кранов сплетались с узловатыми ветвями таежных сосен. Мы не знаем, кто «открыл» эту точку — может быть, не сама Таня, но, несомненно, это был человек такого же, как у нее, поэтического настроения души.

Она снова села в машину, «Волга» как-то особенно легко и изящно поднялась по извилистой дороге и исчезла в потоке бегущих по эстакаде машин.

Такой и осталась она у нас в памяти — хрупкая женщина за рулем «Волги», инженер-энергетик, влюбленный в бетонную громаду плотины, человек, не имеющий права ошибаться...

На стройку в Братск приезжали не только семейные, но чаще, пожалуй, холостяки. Однако теперь Братск и Ангарск многонаселенные города и занимают первые места в Союзе по деторождаемости.

Это довольно примечательное явление. Нам рассказывали, что когда у Эллы Юсфиной, работавшей на линии электропередачи Братск — Тулун, пришло время родиться первому сыну, ее участок находился почти уже в Тулуне. Все шло к тому, что в метрике ребенка должна была появиться запись: «Место рождения: город Тулун». Но Элла отправилась в дальний путь на попутных машинах по ухабистым дорогам в Братск. Только бы успеть!.. Первенец должен быть записан в Братске, чтобы он всегда мог родиться славным местом своего рождения. А мы уверены: вырастет Александр Фридрихович Юсфин и будет гордиться не только местом своего рождения, но и своими замечательными родителями.

Учительница Галина Петровна Шохина — жена «старика комсомольца» Алексея Шохина рассказывает о первых годах жизни на стройке:

— Жаль, что вы не приехали к нам тогда, не видели,

как мы жили еще в Заверняйке! Вот это была романтика! Теперь сама удивляюсь, как мы выносили тогда все трудности и были веселыми, жизнерадостными. Утром однажды встаю с лавки, на которой спали первое время, а косы примерзали к стене землянки. Пришлось отрезать их, уж бог с ней, с красотой-то!.. На работу спешила...

Мы смотрим на Галину Шохину, на ее совсем молодое лицо и чуть заметную прядь седины, тронувшей светлые волосы... И кажется нам, что это гордые сибирские морозы коснулись легких волнистых волос. И хочется сказать: «Вы так еще красивее, Галочка, честное слово!» Но рядом сидит ее муж, Алеша, и мы молчим, мы думаем, что он ей, наверное, раньше нас сказал эти слова...

Рассказ о женщинах Братска ждет своих авторов. И когда-нибудь — а ждать, наверное, много не придется — мы познакомимся более подробно с их судьбами, полными героизма, выдержки, настойчивости. Инженеры, учителя, строители, врачи — о вас, женщины Братска, маленькие волшебницы нашего времени, еще и песни споют и сказки расскажут...

ВОЛШЕБНИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

...Кто-то ждет вас в этот поздний вечер,
Каждая минута дорога...
Вам халат накинули на плечи
Белые сибирские снега...

Кажется, сил не хватает,
Но надо на вызов идти.
Доброго вам пути,
Волшебница в белом халате
С маленьким солнцем в груди!

Для людей, как ласковая песня,
Стали вы и близкой и родной.
Говорят, что беды и болезни
Этот край обходят стороной...

Люди ценят ваше беспокойство,
К вам любовь недаром горяча —

По селу сибирскому геройство
Ходит с чемоданчиком врача.
Кажется, сил не хватает,
Но надо на вызов идти.
Доброго вам пути,
Волшебница в белом халате
С маленьким солнцем в груди!

СКАЗКА О СТАРОМ ШАМАНЕ

В Сибири очень многое напоминает о шаманах. В самых больших порогах самый грозный камень называли Шаман-камнем. Вспомните старинные сибирские деревни. Наверное, не случайно окрестили их люди Нижней Шаманкой, Верхней Шаманкой. Шаманы были неплохими артистами. Седая борода, развевающаяся по ветру, глухие удары бубна, грозные выкрики и дикие пляски в какой-то мере «отображали действительность» — серые волны, ревущие над острозубыми камнями порогов и шиверов, дикую пляску ветров над Байкалом и Ангарой, глухие стоны сосен в непроходимой тайге.

...Уже скрылись под водой знаменитые Падунские пороги, и не песни шаманов, а стихи Твардовского и подшивки газеты «Огни Ангары» будут напоминать потомкам об их былом величии. Гудят стройки на берегах великих рек, и звонкие голоса их заглушают стоны вековых сосен, летят самолеты и вертолеты над самыми непроходимыми местами великой страны — Сибири, и вместе со старинными бревенчатыми избами доживают свой век под водой Братского моря старинные легенды. Но какой-то один, главный шаман остался в Сибири. То появится он весной среди жарков и саранок и глянет огненными глазами цветов прямо в лицо демобилизовавшемуся из армии пареньку, то присядет ночью к костру геологов, то вдруг раскинет свои колдовские руки над стрелами башенных кранов и навсегда приворожит твое сердце к сиреневым скалам, голубым лиственницам, неприметным тропам первопроходцев.

Может быть, это он, знаменитый сибирский шаман, разговаривал тогда с двумя девчонками на борту старенького ангарского парохода.

Нам кажется, что поверили они в то, что Ангара действительно «река-кудесница», «река-колдунья». Мы помним их глаза... Они смотрели на бархатную ангарскую воду, на острозубые скалистые берега пристально и влюбленно. Они, наверное, увидели гораздо больше, чем мы. «Околдовала» их река Ангара, и остались они навсегда на ее берегах...

На могучих «ТУ», в запыленных пассажирских поездах, на нашем старом знакомом — пароходе «Фридрих Энгельс» едут молодые девчонки и ребята, едут по зову сердца в незнакомые места и не знают порой, как встретит их сибирская земля. А увидят здесь такую красоту, что влюбятся раз и навсегда в порожистые реки и глухие таежные дебри. И действительно, как говорил старик на пароходе, кто-то из них становится геологом, кто-то рыбаком, а кто и «большим начальником». Наверное, это происходит без всякого «волшебства», но мы все-таки верим: уцелел в Сибири этот «главный шаман», и привораживает он тысячи молодых сердец к необозримым таежным просторам. И пока есть на свете Сибирь, будут жить на свете чудеса.

ДО СВИДАНИЯ, СИБИРЬ!

До свиданья, Сибирь! До новых встреч! Мы не забудем клятвы, данной у Толстого мыса. Мы вернемся к тебе опять, чтобы еще раз прикоснуться к силе твоей и мощи, чтобы еще раз увидеть твою мужественную красоту.

Ты слышала, Сибирь, о древней стране Египет? Много веков назад построили люди на песчаных ее просторах огромные пирамиды. До сих пор приезжают со всего света путешественники, чтобы взглянуть на пирамиды усопших фараонов, на эти памятники смерти.

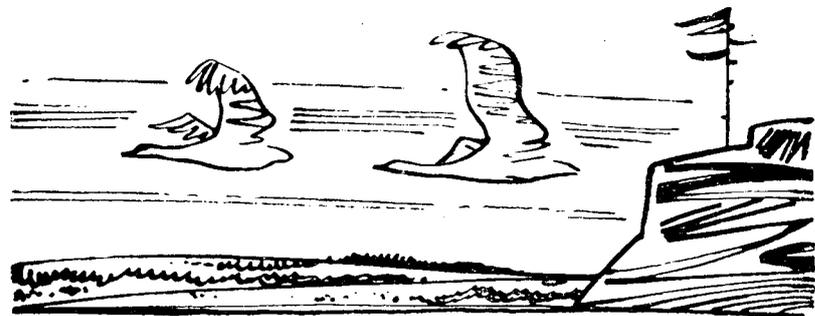
Сибирь, на твоих снежных просторах люди построили гидростанции — памятники жизни и свету.

Пройдут века — по этим памятникам историки грядущего будут судить о нашем времени.

Слава вам, строители ГЭС! Вы архитекторы, вы скульпторы великого здания, авторы огромного памятника, зовущегося XX веком!

Сибирь, ты, наверное, опрокинула бы бетонную громаду плотины, в яростной схватке сломала бы ее стальной хребет, не будь она такой же мощной, как ты сама... Только богатырские плечи такого гиганта, как Братская ГЭС, смогли потеснить твои богатырские скалы!

Только стремительная, современная красота гидростанций, изящество ажурных конструкций электрораспределительных устройств под стать твоей красоте, Сибирь! Не будь они так красивы — они всегда казались бы здесь чем-то чужеродным, неестественным.

Только упрямый характер строителей сумел выстоять в борьбе с твоим вековым упрямством, Сибирь!

Люди, которые приехали на стройку со всех концов страны — из Москвы, Ленинграда, Одессы, привезли тебе вместе с дипломами свои знания, свои мечты, а ты в суровой, ежедневной, ежечасной борьбе закалила их, влила в них частицу своей силы, своей твердости и мужества — получился отличный сплав знаний и силы, романтики и трезвого практического расчета. Но главное — ты подарила им вечную молодость. Почему иные ровесники Алексея Шохина, Татьяны Конько, Александра Днепроовского или Фрэда Юсфина где-нибудь в больших, солидных городах уже давно состарились душой, а в сердцах этих ребят такой запас молодости, которого хватит на всю жизнь? Наверное, ты, Сибирь, твои нехоженые тропы, нетронутые запасы твоих богатств, твой чистый морозный воздух бодрят человека, не дают ему состариться сердцем. А это самое главное в жизни...

ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ!

Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть!
В дальний путь собрались мы,
а в этот край таежный
Только самолетом можно долететь.
А ты улетающий вдаль самолет
В сердце своем сбереги...

Под крылом самолета о чем-то поет
Зеленое море тайги...
Летчик над тайгой точный курс найдет,
Прямо на поляну посадит самолет.
Выйдет в незнакомый мир,
ступая по-хозяйски,
В общем-то зеленый, молодой народ.

Там веками ветры да снега мели,
Там совсем недавно геологи прошли.
Будем жить в поселке мы,
пока что небогатом,
Чтобы все богатства взять из-под земли.

...Мчатся самолеты выше облаков,
Мчатся, чуть похожие на больших орлов,
Мчатся над тобой они,
а знаешь, дорогая,
Лету к нам в Таежный несколько часов!

Алексей Шохин сказал однажды:

— Честное слово, мне очень жалко тех, кто не поехал со мной сюда!.. Они потеряли главное-главное в жизни... Парнишка, дорогой наш товарищ, который говорил, что об Алеше Шохине надо писать стихи, извини, мы не написали не только о нем, мы не написали еще о многих, которые достойны песни. Мы не считаем, что наряд, данный нам на работу, выполнен. Это наряд на всю жизнь. И, может быть, люди, с которыми мы еще не познакомились в Братске, не меньше достойны песен, чем те, которых мы знаем...

Может быть, девчонки, стоявшие в рабочих костюмах возле сцены на одном из выступлений, достойны песни больше, чем девчонки, танцующие на палубе парохода «Фридрих Энгельс»... Но мы еще не знаем их. Жизнь идет вперед, история продолжается, а биография строителей Сибири только начинается. Пока печаталась книга, у некоторых из наших друзей-братчан уже появились новая работа, новые адреса, новые планы. И, может быть, завтра самую могучую сегодня Братскую ГЭС обгонят другие стройки и гидроэлектростанции.

А чтобы написать песню об Алексее Шохине, надо будет ехать уже не в Братск, а еще дальше, на самый Дальний Восток, на реку Зею, где начинается строительство новой гидроэлектростанции и начальником этого строительства уже назначен наш дорогой «старик комсомолец».

Где, на каких параллелях и меридианах мы встретимся с вами снова, наши братья-братчане? Мы знаем только одно: где бы вы ни были, всегда будут жить рядом с вами песни. Такая уж у вас судьба. Строки этих песен напишут в синем небе своими стрелами двухконсольные краны, мелодии их зазвучат в тихом потрескивании костров и в могучем реве турбин... Пусть ваши новые песни услышим не мы, пусть кто-то другой споет их всей стране, но мы всегда будем гордиться вами, вашими делами, вашей негасимой молодостью, вашей песенной судьбой, и мы всегда с нетерпением будем ждать новых встреч с вами.

Мы увезли с Толстого мыса кусочки керна, кусочки диабазовой скалы. Они опять зовут нас в далекий путь... Они зовут к тебе, Сибирь... Мы скоро полетим к тебе, полетим навстречу утренней заре, полетим, чтобы снова встретиться с юностью, чтобы встретиться с песней — ведь жизнь переделывает старые поговорки, и теперь можно с уверенностью сказать: «В Сибирь, за песнями!»

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, МУЗЫКАЛЬНАЯ

О многом из того, что мы увидели в Сибири, мы рассказали в предыдущих главах. Но нам стало ясно, что всего прозаическими словами выразить нельзя, невозможно! О Сибири и людях ее надо петь громко, во весь голос.

— Друзья, — обратились мы к композиторам, — почему бы нам не объединиться в этой главе? Ваши мелодии дополнят наш сибирский рассказ. Конечно, мы понимаем, что в вашем распоряжении всего семь нот, но ведь из них были созданы все музыкальные произведения на свете! К тому же у вас есть помощники: басовый ключ, скрипичный, бемоли, диезы да еще такие «проникновенные» слова, как «не спеша», «мягко», «игриво», «тепло», «задушевно». Так что, пожалуйста, не говорите, что вам труднее, чем нам.

— Ну что ж, — ответили композиторы, — перейдем от стихов к песням, или, точнее, от слов к делу!

ДЕВЧОНКИ ТАНЦУЮТ НА ПАЛУБЕ

К стр. 7.

Музыка А. Пахмутовой

В темпе вальса

Чуть о-хрип-ший гу-док па-ро-хо-да у-плы-
 ва-ет в та-еж-ну-ю тьму. Две дев-чон-ки тан-
 цу-ют, тан-цу-ют на па-лу-бе, звез-ды с не-ба ле-
 тят на кор-му. А ре-ка бе-жит, зо-вет ку-
 да-то. Плы-вут си-бир-ски-е дев-ча-та
 на-встре-чу ут-рен-ней за-ре по Ан-га
 ре, по Ан-га-ре... На-встре-чу ут-рен-
 ней за-ре по Ан-га-ре.

ПЕСНЯ ОБ АНГАРСКЕ

К стр. 13.

Музыка А. Пахмутовой

Легко, просто

Здесь зимой ле-та-ет бе-ла-я пур-га,
 а в квар-та-лах го-ро-да пря-чет-ся тай-га. По-ве-
 -сен- не-му звон-ко и мо-ло-до с каж-дым
 днем хо-ро-шень и ра-сти на-ше-му слав-но-му
 го-ро-ду с ком-со-моль-ским знач-ком на гру-ди!
 С ком-со-моль-ским знач-ком на гру-ди!

Я — КОМСОМОЛ!

К стр. 27.

Музыка А. Пахмутовой

В темпе марша

Один голос

До-ро-гой от-важ-ных ша-гал я по све-ту, и
 вме-сте со мной мо-ло-де-ла пла-не-та. Ты
 Дуэт или хор
 ви-дишь, на кар-те От-чиз-ны род-ной — мо-
 -я би-о-гра-фи-я, путь мой боль-шой...
 Один голос
 Я-Ком-со-мол! На ю-ной гру-ди зна-
 Дуэт или хор
 -чок от не-вой. Сча-стье сво-е в борь-бе я на-шел, рож-
 -ден-но-му бу-рей лишь в бу-ре по-кой! Рож-
 ден-но-му бу-рей лишь в бу-ре по-кой!

ТОВАРИЩУ КОМСОРГУ

К стр. 34.

Музыка А. Пахмутовой

Спокойно
Одн. голос

mf

Мы но-вы. е зав-тра по-лу-чим за-да-нья. Ну
что же, го-ва-рищ ком-сорг, до сви-да-нья!
В темпе марша
Мо-жет, мно-го лет про-мчит-ся,
ста-нет жизнь у нас и-ной - в ста-рой пес-не по-вто-
Дуэт или хор
- рит-ся на-ша мо-ло-дость с то-бой. Вспом-ним
бе-ды и по-бе-ды, вспом-ним
в пес-не всё, как бы-ло встарь, вспом-ним
на-шу, вспом-ним на-шу жизнь на строй-ке,
Одн. голос *Дуэт или хор*
ком-со-моль-ский се-кре-тарь. Вспом-ним

на-шу, вспом-ним на-шу жизнь на строй-ке,
ком-со-моль-ский се-кре-тарь. Вспом-ним снежны-е про-
сто-ры, горь-ко-ва-тый дым ко-стра,
и до позд-ней но-чи спо-ры, и ра-бо-ту до-ут.
Дуэт или хор
ра... бы-ли бе-ды и по-бе-ды, и при-
- пом-ним в пес-не мы, как встарь, ты всег-
- да был, ты всег-да был с на-ми вме-сте,
I Дуэт или хор
ком-со-моль-ский се-кре-тарь. Ты всег- //
II Спокойно Одн. голос
- тарь. И нын-че в ми-ну-ты раз-
- ду-мий, со-мне-ний, мне ну-жен со-вет твой для

В темпе марша

вер. ных ре. ше. ний. Уж ты ска. жешь, как от. -
 ру. бишь, ста. нет слож. но. е яс. ней...
 Ста. рый друг, ты веч. но бу. дешь ю. ной совестью мо.
Дуэт или хор
 ей. Вспом. ним бе. ды и по. бе. ды, вспом. ним
 в пес. не всё, как бы. ло встарь, са. мый
 вер. ный, са. мый луч. ший мой то. ва. рищ,
 ком. со. моль. ский се. кре. тарь! Са. мый
 вер. ный, са. мый луч. ший мой то. ва. рищ,
 ком. со. моль. ский се. кре. тарь!

ЛЭП-500

К стр. 40.

Музыка А. Пахмутовой

Сдержанно, выразительно

Се. ди. на в про. во. дах от и. не. я... ЛЭП-пять.
 - сот - не про. ста. я ли. ни. я, и ве.
 - дем мы е. е сре. бя. та. ми по. та.
 - еж. ным деб. ря. м глу. хим... По. но.
 - чам у се. ла По. кос. но. го хо. ро.
 - во. дят бе. рез. ки с сос. на. ми, и с муж.
 - ско. ю ус. меш. кой горь. ко. ю на
 них мы гля. дим...

ЗВЕЗДЫ НАД ТАЙГОЙ

К стр. 45.

Музыка А. Пахмутовой

Сдержанно
Один голос

Хму-ра-я тай-га, хму-ра-я тай-га,
ска-лы гроз-ны-е да вет-ры с Ан-га-ры...
Шли мы сквозь сне-га, шли мы сквозь сне-га,
пес-ней за-жи-га-ли кост-ры. Мы у-
чи-лись в су-ро-вы-е дни
пес-ней за-жи-гать кост-ры...

Дуэт или хор

ПАДУНСКИЕ ПОРОГИ

К стр. 51.

Музыка А. Пахмутовой

Спокойно, выразительно
Хор

Пу-сты-е глаз-ни-цы си-ре-не-вых
скал гля-де-ли пе-чаль-но и стро-го, ког-да с вы-со-
-ты наш го-ва-риш, у-пал на
кам-ни Па-дун-ских по-ро-гов. По-ро-ги, по-
-ро-ги, та-еж-ны-е до-ро-ги,
бе-рег кру-той над Ан-га-рой, над Ан-га-рой.
бе-рег кру-той над Ан-га-рой, над Ан-га-рой.

КУБА — ЛЮБОВЬ МОЯ!

К стр. 57.

Музыка А. Пахмутовой

В темпе марша, решительно

Ку-ба-лю-бовь мо-я! Ост-ров за-ри ба-
гро-вой... Пес-ня ле-тит, над пла-не-той зве-ня:
„Ку-ба-лю-бовь мо-я!“

ИЗ ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА

К стр. 60.

Музыка Ю. Чичкова

Уверенно

Пом-нишь, друг, как в ста-рой сказ-ке,
в че-шу-е, как жар го-ря, под-ня-лись со дна мор-ско-го
три-дцать три бо-га-ты-ря? Под во-
-до-ю о-ста-вив квар-ти-ры, слов-но во-и-ны,
стро-ем, из под-вод-но-го цар-ства, из под-
-вод-но-го ми-ра ша-га-ли на зем-лю ге-
-ро-и! // зем-лю ге-ро-и!

Для повторения

Для окончания

МАРЧУК ИГРАЕТ НА ГИТАРЕ

К стр. 65.

Музыка А. Пахмутовой

Бодро, легко
Первый голос

Жиз. ни не ис.кал ты лас.ко.вой да глад.кой,и те.

..перь при. пом. нить впра.ве мы с то.бой
Второй голос

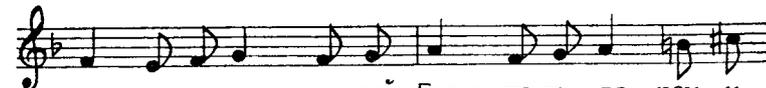
пер.ву.ю па.лат.ку, пер.ву.ю па.лат.ку,

Вместе

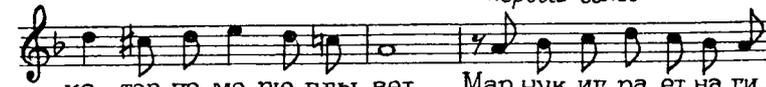
Второй
голос

вью.ги над за.мерз.ше.ю, над ди.кой Ан.га.рой.. А

нын.че от.стро. ен.ный братск ле.ген.да.рен, и
Первый голос

ка.тер по мо.рю ply.вет. Мар.чук иг.ра.ет на ги.

..та.ре,

Второй
голос

и мо.ре брат.ско.е по.

Мар.чук иг.ра.ет на ги.та.ре, и мо.ре

..ет... Мар.чук иг.ра.ет на ги.

брат.ско.е по.ет, по.ет! Мар.чук иг.ра.ет на ги.

..та.ре, и мо.ре брат.ско.е по.ет...

ЛЕНА

К стр. 68.

Музыка Ю. Чичкова

Не быстро

Пер-ва-я си-бир-ска-я кра-са. ви-ца -
го-лу-бо-е пла-тье, си-ни-е гла-за...
А в гла-зах, как в зер-ка-ле яс-ном, от-ра-жа-ет-ся
сол-неч-но-го не-ба би-рю-за. И всег-
да не-из-мен-но го-во-рю не та-я: „Я люб-
лю те-бя, Ле-на, я люб-лю те-бя!“ И всег-
да не-из-мен-но го-во-рю не та-я: „Я люб-
лю те-бя, Ле-на, до-ро-га-я мо-я! Я люб-
лю те-бя, Ле-на, до-ро-га-я мо-я!“

ЧТО ТАКОЕ ЛЭП?

К стр. 71.

Музыка А. Пахмутовой

В темпе марша, энергично

Один голос

ЛЭП - э-то про-се-ка в ди-кой тай-ге, где
лю-ди ша-га-ют на-стре-чу пур-ге, где
де-лим мы по-ров-ну пес-ню и хлеб, -
вот что та-ко-е ЛЭП! А пес-ня и-
дет за на-ми, слы-шишь сло-ва-ша-ги:
„Солн-це сво-и ми ру-ка-ми над
Ро-ди-ной за-жги! Солн-це сво-
и ми ру-ка-ми над Ро-ди-ной за-жги!“

ТАЕЖНЫЕ КОСТРЫ

К стр. 82.

Музыка Ю. Чичкова

Спокойно

...Эти дни уже становятся легкими. Дойдешь ли ты до берега непокорной Ангары, и в палатке мы-вчерашние студенты, а вокруг горят таежные костры? А вокруг горят таежные костры... Сидят у реки комсомольцы, сидят до зари вчетвером, и песен легки и serene. Вы же колдуете над костром...
 Для повторения // Для окончания
 ром... Нынче // ром.

180

ПЕСНЯ ПРО СНЕГ

К стр. 104.

Музыка Ю. Чичкова

Спокойно

...Сегодня мороз, и влюбленные пары не будут бродить над таежной рекой, но словенно на старых московских бульварах, усыпанная землями снег голубой... Снег бывает разный - жгучий да колючий, жгучий да колючий, радостный, истинный, а у нас в Сибири он, как совесть, истинный.
 Для повторения // Для окончания
 чистый. Ко // чистый.
 чистый.

181

Я ХОЧУ БЫТЬ ПОЕЗДОМ ДАЛЬНИМ

К стр. 111.

Музыка Ю. Чичкова

Быстро

Я хо-чу быть по-ездом даль-ним,
 что бы ве-тер в ли-цо встре-чать, чтоб от стан-ций с гуд-
 -ком про-щаль-ным к но-вым стан-ци-ям у-летать. Я хо-
 чу быть лю-ездом даль-ним!

НА РАКЕТЕ СВОЕЙ МЕЧТЫ

К стр. 120.

Музыка Ю. Чичкова

Темп марша

В каж-дом де-ле за-пе-ва-лак слав-ным
 по-дви-гам го-тов, Ком-со-мол вста-етк штур-
 -ва-лу за-ме-ча-тель-ных го-дов!
 Стать бес-страш-ным мо-жешь и ты! Стать от-
 -важ-ным мо-жешь и ты! Мчит-ся вбу-ду-ще-е каж-дый,
 мчит-ся вбу-ду-ще-е каж-дый на ра-ке-те сво-
 -ей меч-ты! Мы прой-//ей меч-ты!

Один голос
 Один голос

Для повторения | Для окончания

ГЕОЛОГИ

К стр. 127.

Музыка А. Пахмутовой

Просто, спокойно

Один голос

Я у-е-халавзнойные степи, ты у-
шел на разведку в тайгу. Над мною лишь солнце па-
ляще светит, над тобою лишь кедровые сне-
ги... А путь и далек и долг, и нель-
зя повернуть назад...
Дуэт или хор
Держись, геолог!
Крепись, геолог! Ты -
ветра и солнца брат!

ПИСЬМО НА УСТЬ-ИЛИМ

К стр. 134.

Музыка А. Пахмутовой

Спокойно

Над Москвой незнакомые ветры по-
ют, над Москвой облака, словно письма, плы-
вут... Я по карте слежу за маршрутом тво-
им, это странное слово ищу - Усть-Илим...

У ФОНТАНА

К стр. 139.

Музыка Ю. Чичкова

Шутливо

У фон- та-на, у фон-та-на э-той сол-неч-ной вес-
 -но- ю так не- га-дан-но-не-ждан-но по-встре-
 -ча-лись мы с то- бо- ю... Я в гла-за те-бе смот-
 -рю и ти-хонь-ко го-во-рю: „Ну, ска-жи, ска-жи хоть
 сло-во! Мо-жет, лю-бишь ты дру-го-го, мо-жет, про-сто
 | Для повторения
 хо-лод-на, как ан-гар-ска-я вол-на?“
 | Для окончания
 А во- // вол-на?

СИБИРЬ

К стр. 143.

Музыка Ю. Чичкова

Быстро

Зем- ля мо-я га- еж-на-я, Си-
 -бир-ский край мо-гу-чий - на всей зем-ле, на-
 -вер-но, нет и рек и па-шен луч-ше! Та-
 -кой кра-со-ты и ши-
 -ри ни-где нет в це-лом ми-ре! И
 зо-ри, зо-ло-ти-сты-е зо-ри го-рят и го-рят на про-
 | Для повторения
 -сто-ре в Си-би-ри, в Си-би-ри... От. //
 | Для окончания
 -ри, в Си-би-ри...

КАК СДАВАЛАСЬ ПУРГА

К стр. 154.

Музыка А. Пахмутовой

Подвижно, задорно

Пом-нишь зим-ни-е но-чи без сна, как пур-
 га пе-ред на-ми вы-пля-сы-ва-ла, как сда-
 ва-лась ре-бя-там о-на - бе-лый флаг вы-
 бра-сы-ва-ла! Как сда-ва-лась ре-бя-там о-
 на, бе-лый флаг вы-бра-сы-ва-ла! На ре-
 и-те-ля-ми!

Для повторения

Для окончания

ВОЛШЕБНИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

К стр. 156.

Музыка Ю. Чичкова

Темп вальса

Кто - то ждет вас в э- тот позд-ний ве- чер,
 каж-да-я ми-ну-та до-ро-га... Вам ха-лат на-
 ки- ну-ли на пле-чи бе-лые си-
 бир-ски-е сне-га... Ка-жет-ся, сил не хва-
 та-ет. но на-до на вы-зов ид-ти.
 Доб-ро-го вам пу-ти, вол-шеб-ни-ца
 в бе-лом ха-ла-те с ми-лень-ким солн-цем в гру-ди!

ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ!

К стр. 161.

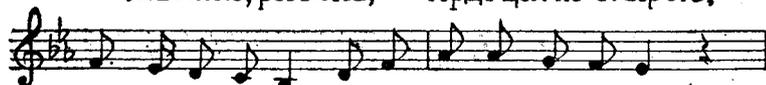
Музыка А. Пахмутовой

Легко, жизнерадостно

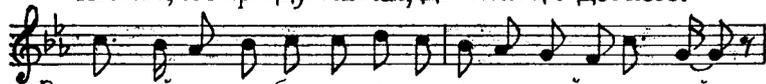
Один голос

Глав.но.е, ре.бя.та, серд.цем не ста.реть,

лес.ню, что при.ду.ма.ли, до кон.ца до.петь!

В даль.ний путь со.бра.лись мы, а в э.тот край та.еж.ный

Дует или хор

то.ль.ко са.мо.ле. том мож.но до.ле.теть.

ты у.ле.та.ю.щий в.даль са.мо.лет

в серд.це сво.ем себе.ре.ги... Под кры.

лом са.мо.ле.та о чем-то по.ет зе.

-ле.но.е мо.ре тай.ги...

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка начинается сразу	4
<i>Девочки танцуют на палубе</i>	7
В кварталах города спряталась тайга...	9
<i>Песня об Ангарске</i>	13
Братек. Город-поэт	14
Оформите возврат!	18
Кто же они, эти лучшие на свете люди?	25
<i>Я — Комсомол!</i>	27
«Революционное решение»	29
<i>Товарищу комсorghу</i>	34
В стране ЛЭПиИ	35
<i>ЛЭП-500</i>	40
Вот о ком надо песни писать!	41
<i>Звезды над тайгой</i>	45
Герои разных меридианов	46
<i>Падунские пороги</i>	51
Наш художественный совет	55
<i>Куба — любовь моя!</i>	57
Позатонули стезьки-дорожки...	59
<i>Из подводного царства</i>	60
<i>Марчук играет на гитаре</i>	65
«Ответьте Братску!»	66
<i>Лена</i>	68
<i>Что такое ЛЭП?</i>	71
Как увидеть все сначала?	72
«Кама» плывет по Ангаре	75
Плавающая сцена	78
<i>Таежные костры</i>	82
Поможем!	84
Есть ли жизнь за резными ставнями?	88
О ком написана «Песня о тревожной молодости»?	91
Нас обманули	94
Рассказ о цветах июля	100
<i>Песня про снег</i>	104
Мир держится на фанатиках	106
<i>Я хочу быть поездом дальним</i>	111
О чем плачут камни?	113
Хотим быть первыми	116
<i>На ракете своей мечты</i>	120

Песня геолога	121
<i>Геологи</i>	127
Усть-Илим	128
<i>Письмо на Усть-Илим</i>	134
Пятеро с катера «ГЭС-32»	135
<i>У фонтана</i>	139
<i>Сибирь</i>	143
Общее дело	145
«Не имею права ошибаться»	150
<i>Как сдавалась пурга</i>	154
<i>Волшебница в белом халате</i>	156
Сказка о старом шамане	158
До свиданья, Сибирь!	160
<i>Главное, ребята, сердцем не стареть!</i>	161
Глава последняя, музыкальная	164

*Гребенников Сергей Тимофеевич и
Добронравов Николай Николаевич.*
В СИБИРЬ, ЗА ПЕСНЯМИ! М., «Молодая гвардия»,
1964.
192 с., с илл.

P2 + ЗКСМ

Редактор *Л. Тормозова*
Художник *В. Карабут*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *Л. Климова*

A05328. Подп. к печ. 9/V 1964 г. Бум. 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 12(12) + 1 вкл. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 30 000 экз.
Заказ 178. Цена 43 коп. Б. Э. № 1, 1964 г., п. 11.
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.